МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

М. А. Волошин

Дневники 1891—1932 гг.

М. А. Волошин

Дневники 1891–1932 гг.

Москва
2022

УДК 82-94(47)
ББК 84(2=411.2)6-49
В68

Волошин, М. А.

В68 Дневники 1891–1932 гг. / М. А. Волошин. — Москва : Директ-Медиа, 2022. — 224 с.

ISBN 978-5-4499-2907-5

В книгу вошли дневники поэта-символиста, художественного критика, искусствоведа Максимилиана Александровича Волошина (1877–1932). Записи, содержащие большое количество стихотворных строк, относятся к 1891–1932 гг. Дневники помогают восстановить жизненный путь автора с гимназической скамьи, очерчивают круг его общения и дают возможность проследить эволюцию творчества и взглядов М. А. Волошина. На страницах издания читатель найдет заметки университетского периода, годы путешествий по Европе, жизни за границей и возвращения в Россию, вплоть до последних дней поэта.

УДК 82-94(47)
ББК 84(2=411.2)6-49

ISBN 978-5-4499-2907-5

Дневник 1891 г.

24 февраля

Сегодня воскресенье. Встал поздно. Мама и П<авел> П<авлович> утром катались верхом. После обеда пришла С<офия> П<авловна>. Они в пятницу были на свадьбе — и очень замечательной по своим приключениям. За четверть часа до того времени, как надо было ехать в церковь, у невесты нет платья. Посылают к портнихе, та отвечает, что платье уж отослано. Наконец платье приносят, невеста одета, только вдруг у нее нет чистого носового платка и перчаток, так что С<офия> П<авловна> дала ей свой платок, а перчатки она тоже достала у кого-то. Все готово, но вдруг вспоминают, что ведь должен приехать от жениха шафер с букетом и каретой для невесты, а его нет. Проходит еще несколько времени, является шафер, и все сходят садиться… только… у подъезда стоит одна карета для невесты. Гости уж собираются остаться дома, как подъезжают другие кареты и с помощью Божьей все отправляются. Обряд венчания проходит благополучно. Все возвращаются. Уже темно, только когда приехали, оказывается, что еще никто не зажигал свечей, и гостям приходится пробыть еще несколько минуте передней в совершенной темноте. И еще самое главное: жених с невестой тотчас после свадьбы намеревались отправиться в Петербург и вспоминают вдруг за ужином, что у них даже нет еще видов. Но им обещали их прислать через несколько дней.

У Софии Пав<ловны> в этот день болела очень голова, и был ячмень на глазу. У брата невесты было воспаление легких. Он во время свадьбы был еще болен. У С<офии> П<авловны> был с ним очень интересный разговор. Она сидит в какой-то комнате, вдруг он входит. Соф<ия> П<авловна> говорит: «Здравствуйте!» — «А?» — «Что?». Тот поворачивается и уходит.

С<офия> П<авловна> была у нас около $^{1}/_{2}$ часа. П<авел> П<авлович> поехал потом куда-то обедать. Мама пошла к Ляминым, а я остался один дома и делал лодку, в 9 ч<асов> лег спать.

25 февраля

Был в гимназии. Люба просит достать билеты на бал в Земледельческую школу.

Уже скрылося солнце за горы,
Оделася мглою земля,
И на самом краю небосклона
Горит золотая заря.
И с болот поднимается белый
Туман, покрывая поля,
И [как будто] какой-то прохладой сырою
Всего окружило меня.
Лес в тумане стоит одинокий,
Не видно кругом ни души,
Лишь вдали [над] за рекою широкой
Разводят [костер] огонь рыбаки.
И все тихо, не слышно ни звука —
Как будто все вымерло вдруг,
И волною усталой [не] чуть плещет
Река о прибрежный песок.
Уж на небе погасла зарница
И взошла молодая луна,
И в реке серебром отливает
Об брег ударяясь волна.
И все яркие звезды на небе,
И лес, и огонь, и луну —
Все река на себе отражает
И катит во мраке волну.

24 февраля 1891 года

7 марта

Видел Варвару Николаевну в библиотеке. Туда заходил с Софией Павловной.

[Когда Эней бежал из Трои
И к Италии пристал
Он в Лациум близ устьев Тибра
В ту ночь, когда безумный грек]

М. Волошин

[Г. де Морво пришел справедливо для того, чтобы наполнить это пустое пространство. Монгольфы Карлы и Бланшары сделали первообращенных и аэростатика <?> видела рожденными каждый день новых партизанов].

Уже искали управления шарами и теории, скажем, лучше утопии этих изобретателей, не находили сочувствия ни пред какой-либо публикой, ни пред строгими мерами правительства и поэтому не получали ответа на свои просьбы. Один факт, который прошел тогда незаметно, заставил Г. де Морво предложить комитету общественной пользы пользоваться шарами, чтобы наблюдать действия неприятелей, которые нападали на наши границы и почитали себя уже хозяевами <с>траны без армии и короля.

Это было следующее:

Цезарь ....
....
И царский ....

[Прошла республики пора
И в Риме вновь один правитель]
[Как в теле лишь одна душа
Так в государстве управитель]

Ich habe gelesen, ich habe gelesen
Der Ochs ist in Hüftal genesen[1]

Была ужасная пора,
Когда христиан все презирали:
Пытали, мучили и гнали,
Чтоб отказались от Христа.

---

[1] Букв.: Я читал, я читал / Вол в Хюфтале поправился (*нем.*).

Одоакр

Крутою, каменной тропою.
Гористой и лесной [тропою] страною.
Под вечер, [уж как] когда встал туман,
Давно в ущелье над рекою
Повиснули громады скал
У путника над головою.
В одеждах бедных, небогатых
Наполовину и в заплатах
Какие-то шли люди там.
Но были ростом все высоки,
[Красивы, русы, чернооки, синеоки
Как было видно по брадам.]
Что впору хоть богатырям,
Красивы, сильны, чернооки.
Они к селению спешили,
Чтоб ночь им путь не преградила.
Но между тем настала мгла,
И путь они вдруг потеряли.
Ни зги не видно, ночь темна,
Во мгле же пропасти, провалы
Да лес кругом: еще темнее;
Хотя б луна — все ж б посветлее.
Вот вдруг огонь мелькнул вдали
[Там ночлег туда скорей идти]
Спешат меж пропастей по скалам
Скорей бегут, и вот пришли:
Их взорам хижина предстала.
Они скорей в нее, а там старик,
Над книгою склонившийся, сидит.
Взошли, но хижина мала.
Один из них был так высок,
Что выше был и потолка.
И упирался в потолок
[Покинув родную Германию
Оставив детей и жену

Он отправлялся в Италию
За славой [хотел <?>] [спешил на войну]
[И ст<а>рик всех ясным оком],
Оставил соху он и борону
Пошел он к великому городу.
Оставил родную Германию,
Оставил детей и жену,
Пошел за богатством в Италию,
За славой пошел на войну.
Он знал, что весь Рим раздирался
Раздорами, злобой, войной.
Он слыхал, что вон тот возвышался,
Богатым явля<л>ся домой.
Подумал немного и борону
В старом сарае сложил:
«Пускай их клюют теперь вороны».
Сам же меч и кольчугу надел
И скоро себе он товарищей
В селениях кругом понабрал,
По Альпам они все отправили<сь>
Теперь он в Пассау попал.
Старик взор на него поднял
И вдруг пророчески сказал:
«Иди в Италию ты с Богом.
Теперь одет ты плохо, беден,
Но погоди еще немного
Ты многим, многим станешь грозен.
Всем Римом, всем ты править будешь,
Но вот придет сильнейший — ты падешь
И власть и славу ты заб<у>дешь,
Безвестным [за столом] от меча умрешь».
[«Но не честно в чистом поле
От неприятеля падешь
Но коварно в стольной зале
В грудь победитель вонсит нож»]

18 марта 1891 го<да>

[Полдень, жарко как-то парит
Над прудом склонилися ивы
Как солнце среди неба лучами все жарит
Какие в воде переливы]
Чуть шепчет береза зеленым листом
Склонившись над зеленью пруда
Кубынчик цветет отражаясь на нем
Прекрасная право погода
По небу ни облачка вдаль не бежит
И чист и ясен свод лазурный
И весело с берега в воду глядит
Орешника куст изумрудный
Вдали колосится желтелся [хлеб] рожь
[Кузнечик трещит вперегонку
Колосья согнуты от плода
Меж спелых колосьев цветет василек
И волны пойдут как пахнет ветерок
Как слаб<ы>й цветок среди поля хорош
Кой где уже видно всю рожь покосили
В снопы уж связали, в ко<п>ны положили
Под цеп уже скоро колосья пойдут]
Чуть шепчет [береза зеленым] плакучая ива листом
Склонившись над зеленью пруда
Кубынчик цвете<т> отражаясь на нем
Парит над водою прохлада
По небу ни облачка вдоль не бежит
Колосяся желтеется рожь
[Василек] [Меж спелых колосьев местами глядит]
Василек меж колосьев [*нрзб* цветет] скромно глядит
Как он среди поля хорош

Как тут стрекозы реют
Над омутом зеркальным
Кубынчики белеют
Под ивою печальной

Какая тут прохлада
Какая тишина

Высокой травою
Одеты берега

Зеленая береза
Склонилася к воде
И темный бор [печальный] угрюмый
Там виден вдалеке

[Длинная осока
Вокруг брегов растет
[Порою] Вдруг весело кузнечик
В траве треща прыгнет]

И только лишь порою
Потянет ветерок
И зыблемый волною
В воде плывет листок

Лежать в траве прекрасно
Над дремлющей рекой
И что-то тихо шепчут
Листы над головой

20 марта

Зажглись мириады полночных светил
И мир весь в тумане [и мраке] усталый почил
Стоит гробовая кругом тишина
И слышно порою как плещет волна
Развалины замка стоят на скале
Бойницы чернеют [там] там при луне
И крепкие башни как прежде стоят
И в страшную бездну с утеса глядят
Но грозного звука не слышно рогов
Не слышно военного клика бойцов
Прошли времена, как грозу наводил
И грозным величьем всех замок страшил
Тут больше не будет роскошных пиров
И служит жилищем он только для сов
Уж он не увидит военных забав

Погибнет [забытый] разрушен в пустынных горах
Но все же стоя на могучих скалах
Наводит грозою прошедшею страх
Печален, разрушен стоит [на скале] в высоте
И грозные башни видны при луне
[Валы под скалою как будто рыдают
Прошедшее счастье его вспоминают]
И будто рыдают там волны внизу
Прошедшую вспомнив всю замка судьбу

2 апреля

[Сбиралась буря. Свинцовые тучи
Угрюмо над морем висели
И море утихло. Гранитные кручи
С угрозою в бездну глядели]

4 апреля

Когда стихи я сочиняю
Не знаю, чем [стихи] мне их начать?
Когда начну, тогда не знаю
Чем эти мне стихи кончать

10 апреля

Таю, таю я, как свечка,
[Когда я разлучен]
Когда я разлучен с тобой
[Пред иконою святой]
Краснею я всегда как печка
Когда [увижуся с тобой] бываешь ты со мной

К прекрасному душа стремится
Все хочется мне что-то написать,
Но нету сил, перо валится
И остается мне желать…

10 апреля

Вы простите конечно меня
Что мой труд посвятить Вам посмел
И поверьте мне в том, что ведь я
Оскорбить Вас совсем не хотел

10 ап<реля>

Между двух Психей
Сидит дуралей,
Между двух дур
Сидит Амур

10апр<еля>

Вам некто дал на днях мои стихотворенья
Как Вам понравились они
Могу ли вновь мое творенье
Вам посвятивши, поднести
Ямб

Когда я раз тебя увидел
Тебя я тотчас полюбил
И все я в мире ненавидел
И для тебя одной лишь жил.

10 апр<еля>

Я таю, таю
Все желаю
Чего не знаю

10 апр<еля>

[Тройка скачет, [пыль] снег [клубится] сребрится
И ямщик поет
Вот как должен веселиться
Русский наш народ]

[Сюда испуган возмущеньем
Бежал спасаться Иоанн
Отсюда послан провиденьем
Москве грозился Кудеяр]

На зеркальной поверхности вод
[Солнце блестит бирюзой]
Отражаясь об берег высокий

Ветер песню несет
Кто-то тихо поет
Ночью лунною
Там под горою
Тихо светит луна
Тихо спят берега
И прохлады полна
Эта ночь над рекою
Ах, к тебе

12 <апреля>
на лодке, во время
поездки на Вороб<ь>евы горы

Виднелись села вдалеке
Река играла перламутром
Рыба плескалася в воде
Всех поздравляя с светлым утром

12 апреля <нрзб>

Коль увидеть хочешь
Черные ты очи
Так взгляни на небо
Ты во мраке ночи
[Коль увидеть хочешь
Ты ее ланиты
Летом в палисадник
Розовый войди ты]
Коль услышать хочешь
Бури рокотанье
Загляни мне в сердце
Полное страданья
И услышишь громы
Перекаты бури
И увидишь небо

Небо без лазури
[И ты скажешь <*нрзб*>
Я его любила
Но уж будет поздно
Буду я в могиле]
Только улыбнись ты
Сердце все забудет
Небо прояснится
И весна наступит
И весна наступит
И все будет лето
Вот что значит радость
[Для] [Пошлому] Юному поэту

10 мая

Небеса от туч чернеют
Волны пенятся внизу
Чайки низко, низко реют
Предвещая мне грозу
И я жду желанной бури
Сердцу будто веселей
Все туман и нет лазури
Птицы носятся [живей] скорей
И она уж в отдаленье
Гром с угрозою гремит
И за вихрем новый вихрь
С силой новою летит
[Но пройдет гроза и утро
Будет светло и свежо
Так и сердцу после бури
Всегда будет хорошо
Будет как-то все легко]
Он ревет внизу в ущелье
Будто стонет там во мгле
А в лесу трещат деревья
Облака же все в огне
Море волны возвышает
С воем их несет к земле

И об скалы ударяясь
Разбиваются оне
Страшна ночь и страшна буря
Ветер бешено ревет.

2 мая

И как будто негодуя
Море все преграды рвет
Но пройдет гроза и утро
Будет светло и свежо
[Так и сердцу после бури
Будет как-то хорошо]
[Небо ярко освещает
Буря кажется как будто
Понемногу утихает]

Теперь веселися родная страна!
Врагов твоих сломлена сила
[В три дня и три ночи]
Пиратов и мавров дружина моя
[Всех мавров в куски разрубила]
Теперь уж [совсем] навек победила [изрубила]
С триумфом теперь возвращаюсь домой
Кто может сравняться во славе со мной
Так Карл Испанский друзьям говорил
С триумфом в Гранаду въезжая
[И звон с колоколен веселый гремит]
Со всех колоколен звон медный гремел
Страна веселится от края до края
[С коня он слезает и в церковь идет]
[С коня он слезает и в дворец свой]
[Пред ним расступаются все]
И в церковь идет он поспешной стопой
И падает ниц пред иконой святой
[И молит он Бога чтоб эта страна
Правленьем его процветала
Чтоб мудрость и сила была бы дана
Чтоб Карлова мавры страшились меча

И бедных чтоб меньше бы было
И Карл из церкви на площадь идет
И видит <*нрзб*> толпится народ
И слышит, что кто-то уныло поет
И Карл придворных своих вопросил
Кто там пост так уныло
Не хочется мне, чтобы кто-то грустил
Когда [мне] всем так весело было]

5 мая

5 мая

Я был на французской выставке с мамой, встретили Ляминых. Картины: Дон Жуан и Харон, Звуки, Утопленники.

Окончив молитву он радост<н>ый встал
Но вдруг чье-то пенье вдали у<с>лыхал
Казалось те звуки не к небу летели
Но падали наземь слезами
Так стонет лишь сер<д>це в печали
И Карл задумчив на площадь идет
С смущеньем пред ним расступился народ
И Карл под аркой в тени увидал
Слепцов двое нищих сидели
Что будет? Со страхом народ ожидал
А звуки рыдая летели:
(Следует Испанская песня)

[В зелень рядится
С [дальнего юга] юга на север
Летят вереницей
Птица за птицей
[На север грачи]
К нам журавли]

[Белеет неба полоса
И с позлащенными краями
Несутся к югу облака
Скрываясь за лесами

Покрыто поле пеленою
Тумана белого кругом
Трава покрыта вся росою
Идут мальчишки с табуном]

6 мая

Если б знали вы
Как страдаю я
Полюбили бы
Вы сейчас меня

6 мая

Смеешься ты, а я страдаю
И глаз с тебя я не свожу
Чего хочу, того не знаю
И как помешанный хожу

6 мая

Хотелось бы мне
Иметь крылья орла
И с тобой улететь
Поскорее туда, —
Туда куда нету дороги
Ту увидеть страну
Что чудес вся полна
Где на озере ночью
Сверкает волна
Где все счастьем и радостью [полно] дышит
Где [сверкают красой] стоят в красоте
Выси горны<х> цепей
А внизу подо мной
Гладь безбрежных степей
Изумрудом зеленым [сверкает] блистает
И где пышные розы
В долинах цветут
[Кругом аромат разливая]
И где птицы так звонко

Прекрасно поют
Заливаясь в безмолвии ночи.
Где так светит луна
Мне б хотелось туда
С тобою мой друг
Улететь навсегда
И счастием там наслаждаться.

8 мая

[НА СМЕРТЬ НАДСОНА]

Он жил, но жизнь ему была не в радость
С младых уж лет ее узнал он тягость
[Не кончив песни умер он
И кажется звучит еще
Ее аккорд последний
Теряясь в отдалении]
С младых уж лет он с музой породнился
Ее [ею он] любил и ею веселился
И рано смерть безжалостной косою
Его сразила под собою
И песни не допел он всей
Лежит в могиле он своей
[И еще] И кажется еще аккорд ее последний
Еще звучит теряясь в отдалении.

10 мая

[Грустно! Листья осыпаются
По ветру летят
И стоит осиротелый
Весь мой бедный сад
Солнце ярко блещет
Но холодный день]

ИСПАНСКАЯ ПЕСНЯ

Хуана! Хуана, что каждое утро
На гору ты плача выходишь
Стоишь на утесе и вдаль на дорогу

С слезами отчаянья смотришь
А ночью запершись ты дома тоскуешь
И бедный очаг не горит
Хуана! Хуана! зачем ты так плачешь
Зачем ты во мраке сидишь
[Я на солнце смотрю как заходит и всходит
По солнцу Хуа<на>
Хуана! Хуана! По солнцу не <*нрзб*>
Кто ушел от тебя по пустынной дороге
И кого ты все так ожидаешь
Ах! как же не плакать
Мне как не страдать
Ах! но что же мне делать и как не страдать
Когда мне так грус<т>но и жалко
Царь сына велел моего заковать]
Кого, о Хуана! по этой дороге
Из дальнего края ты ждешь
Зачем же на гору ты каждое утро
Рыдая и плача, идешь?
Ах! как же не плакать. Невольные слезы
Рекой так льются из глаз
О бедный мой Хозе! О бедный мой Хозе
Увижу ль тебя еще раз
Ах! Жестокий король его в латы одел
Тяжелый дал меч ему в руки
И бедный очаг мой с тех пор опустел
Ах! где он? Далеко! Далеко!
Хуана! Хуана! как? ты не слыхала?
Король наш неверных разбил
И кровью [неверных] горячей арабов и мавров
Пустыни пески напоил
Ах! но, что мне за дело до разных побед
Быть может мой Хозе уж умер
И на этих песках он [бессильно] уж мертвый лежит
И ворон клюет ему очи
Ах! разве победы вернут его к жизни
Рассеют ли горе мое?

О бедный мой Хозе! О бедный мой Хозе
Увижу ль тебя я еще?
О Хозе мой Хозе! зачем тебя нет тут
Зачем ты ушел от меня
Умру я в слезах об тебе вспоминая
Всем сер<д>цем, [и духом] душою любя
Зачем же о Хозе меня в миг разлуки
Твоим ты мечом не убил

[*11 ма*<я>]

Тогда б не терпела я все эти муки
Какие терплю я теперь
Да будет же проклят король наш жестокий
За то что он сына [отнял] убил
И крови за то, что пролил он потоки
И радости бедных лишил
[Хуана! Хуана! тот час не далек уж
Когда ты умрешь вся в слезах [вся]
Умрет и король. Ты с ним вместе предстанешь
Обоих рассудит вас Бог
И Он тебе скажет. Скажи мне Хуана
Что ты можешь сказать про него
И ты ему скажешь все то, что сейчас ты]

[По распятии Спасителя
Проповедуя любовь
Шли апостолы учители
Проливая свою кровь
И жестокие мучители]

[Про жестокость сказала его
И [Он] Бог тебя спросит: «Чего же ты хочешь
И как мне его наказать»
Ты скажешь что сильному милости просишь
Готова прощение дать
Он в силе Хуана слабее ведь нас
Он в счастии очень несча<с>тен
[Могучему словом прощение дашь]

Его именем станут друг друга пугать
Но тебе ж и теперь не будет он страшен]

[По распятии Спасителя
Проповедуя любовь
Шли апостолы учители
Проливая свою кровь]

11 мая

СОКРАТ

Хоть истинной не знал
Сократ дороги
Но уж Христа он почитал
Не Зевса, но иного Бога
Он Совесть божеством считал
Всегда в его нравоучении
Видна и вера и любовь
Но пал он жертвой подозренья
[За истину проливши кровь]
Слепой ненависти врагов.

16 мая

УТРО

Белеет неба полоса
И с позлащенными краями
Несутся к югу облака
Скрываясь за лесами
Покрыто поле пеленою
Тумана белого кругом
И возвращаясь из ночного
Идут мальчишки с табуном.

[Бессилен мой язык
Перо мое ничтожно
И передать ее красу
Совсем мне невозможно]

[О взгляни же дорогая
Ты хоть раз лишь на меня
Страстью пламенно сгораю
И люблю тебя]

[Поэзия тебе любезна
Приятна, сладостна, полезна
Как летом сладкий лимонад
Державин]

<Вторая половина мая>

Когда сижу я над обрывом
[В] И в даль туманную гляжу
И вижу подо мной внизу
На север речка убегает
И меж зеленых берегов
Волной на солнышке играет
Когда весь мир от жару дремлет
Трещат кузнечики в траве
Тогда с небес нисходит к мне
Святое вдохновение

<Конец мая>

Позвольте мне одно сказанье
Вам не докучив рассказать
[И вы] Надеюся мое желанье
Не станете опровергать
Я вами только вдохновляюсь
Пишу я только лишь для вас
Как будто духом обновляюсь
Когда увижу вас хоть раз.
Зачем люблю? Зачем страдаю
Ведь вы не любите меня
О Боже! Боже! Умираю
Но умираю я любя

[В цветущей зеленью стране
Гласит старинное преданье]

На свете где-то есть страна
[Старинное преданье так гласит]
Преданье старины гласит
Полдневным солнцем спалена
В ней также озеро лежит
И странно ни одна волна
По озеру [тому] не пробежит
Как будто все заснуло в ней
Леса, вода, песок, гранит,
И меж заснувших тополей
Старинный замок там стоит.
И на запорах у дверей
Замок огромнейший висит
[Но кем же заперт замок тот
Зачем все спит и зверь и птица
Зачем природа вся заснула
Зачем вся жизнь тут заснула
Но кто ж]
[В ней нет ни птиц и ни зверей
Все вымерло застыло]
Дорога к замку заросла
[Зеленою травою]
Густым терновником, травой
Людская уж давно нога
Ее не мяла под собой.
[И никогда <*нрзб*> ветерка
Не колыхалася порой]
Уж много лет тому [назад] прошло
Как эта мертвая страна
Была обильна [хороша] и сильна
И все вокруг нее цвело
И все там было хорошо.
[Богатствами была полна]
[Огнем] Трудом и жизнию полна.
Ей правил рыцарь молодой
Он был со всеми справедлив
Красивый, сильный удалой <?>
Всегда был весел и счастлив

[Был кажется] совсем счастлив
[Довольно вспыльчивый порой
Был славою он горделив]
Как будто девушка порой
Совсем сконфужен и стыдлив
Он девушку одну любил
Хотел жениться он на ней
Но рок ему не так судил.
Один волшебник чудодей
[В пруду невесту утопил]
Его за счастье не любил —
[Ему жестоко отомстил
И в том пруду меж тополей
Невесту ночью утопил]
А на страну он сон наслал
Нов этом не совсем успел.
И рыцарь всяку ночь вставал
И ночью в замке пир гремел
И замок ночью оживал
А кто-то на пруду там пел.
[С утеса в озеро глядел
И ночью на поверхность вод]
Из замка рыцарь выходил
И все свою невесту звал
Но час урочный проходил
И вновь весь замок засыпал.
[Преданье то народ хранил
Его в стихах я рассказал]

20 мая

[Мне чудилось: пропали стены
И был я сам перенесен.
Не знаю я, то был ли сон
Иль нет я не могу сказать наверно
Я видел море. Три страны
Чуть-чуть виднелись вдалеке
А сам летел я в высоте
Но все предметы были мне видны

Египет видел. Пирамиды
Уж сотни лет недвижимо стоят
И с них таинственно глядят
Узорные и<е>роглифы
В другую сторону взглянул
И Грецию увидел]

В АЛЬБОМ *Л. Л.*

[Низойди, о вдохновенье
Ты сегодня на меня.
Слушай, Люба, мое пенье
Я пою лишь для тебя
Хорошо ли посвященье
Похвалишь ли ты меня?]

21 мая

[Маруся! Маня! Марья! Маша!
Пожалуйста дай мне ответ.
Нет, поздно спета песня наша
Теперь решит все пистолет
    И ты скажешь после
    Я его любила
    Но уж будет поздно
    Буду я в могиле]

[Что я люблю, в том нет сомненья
Но вы не любите меня
Что делать мне! Мне нет спасенья
И просто застрелюся я.]

[Туманит зренье
Мне любовь
И [это] ваше пенье
Волнует кровь]

[Отчайных несколько [куплетов] стихотворений
Тебе я Виля написал
И эти все произведенья
Я при свидании отдам]

Стихи просятся наружу
Вылетают окрыленны
Легкой рифмой. Я природу
Воспеваю восхищенный

1 июня
вечер Троекур<ово>

Хуана! Хуана! тот час недалек уж
Когда ты в слезах вся умрешь
Умрет и король ты с ним вместе предстанешь
Пред Божий высокий престол
Смерть равняет Хуана! богатых и бедных
В могиле один им удел
На небе у Бога различий не знают

Оглавление I-го тома

x 1) Стихи просятся наружу…
x 2) Наступление ночи –– ––
x 3) Как тут стрекозы реют +
x 4) Развалины замка – –
x 5) Когда стихи я сочиняю…
x 6) К прекрасному душа стр<емится>…
x 7) Вы простите конечно меня…
x 8) Вам некто дал…
9) Когда я раз тебя увидел…
x 10) Песня
x 11) Позвольте мне…
x 12) Спящее царство – – –
x 13) В альбом *Л. Л.*
14) Коль увидеть хочешь +
15) Буря – –
16) Неокон<ченная> баллада –
17) Если б знала ты…
18) Смеешься ты, а я страдаю…
19) Желание

20) На смерть Надсона
21) Испанская песня – – –
22) Сократ –
23) Когда сижу –
24) Весна – –

<Начало июня?>

Мне снилось три страны
Вкруг моря облегают
И моря вечного валы
Брега их омывают
Египет старый меж песков
Верхушки грозных пирамид

Звезда бледнеет за звездой
Уходит месяц с небосклона
[Трава] Покрыты [вся] белою росой
И лес и поле и дорога
И первый луч уж на реке
В волнах блистает и играет
Вот потянул и ветерок
Тростник колеблется трепещет
В пруду качается челнок
Волна о берег плещет
И первый луч уже на речке
В волнах купался, играет
И как то холодно все мне
Проснулось все, все оживает

КИЕВ

Тут Русь родная родилась
Татар тут сила разразилась
Отсюда кротости ученье разлилось
По всей Руси распространилось

Носилася чайка над морем
И в бездну морс<к>ую ныряла
Зачем я не птица так думал я с горем

[У берега сидя бывало]
И сердце так воли желало
Ах! если б мне крылья, тогда б улетел
Я в небо высоко, высоко
Но видно таков уже смертных удел
[Час смерти уже недалеко]
Закон всемогущего рока

[Город грязный и вонючий
И город плутов и купцов
Где найдешь ты столько пыли
Столько грязных кабаков
Столько грязных куч навозных
Сколько вони на дворах
Сколько полицейских грозных
Спящих с трубкою в зубах
Сколько нищих тут нахальных
Сколько разных дураков
Сколько лавеласов …льных
Таких мало г<о>родов
Увеселительных мест]

[Куда ни глянь
Деревья тощи
Какая дрянь
Все эти рощи]
[Куда ни взглянь деревья тощи
Повсюду виден сор
Какая дрянь все эти рощи
И вообще какой все вздор]

Не знаю я что значит скука
Да можно лето<м> ли скучать

ВЕСЕН<НИЙ> ВЕЧЕР В СТЕПИ

[Все [будто] как-то притихло <*нрзб*>]
Травою покрыто [свежею] зеленой
Безбрежное море степей

Ковыль будто волны колышет
Становится запад алей

По небу заря разливается
Последний луч солнца блестит
И к северу с юга далекого
Журавлей вереница летит

<12 июня>

[Вот скала! Тут был Дианы
Вечно юной храм
А теперь одни чинары
Видны по скалам
А внизу сердито плещет
Об берег волна]
Вот скала! тут был Дианы
Вечно юной храм,
[а теперь одни чинар<ы>]
А теперь одни чинары
Видны по скалам
И внизу сердито воет
Плещется волна
И тогда уже быть может
Выла так она
И тогда на этом камне
Ифигения сидела
С грустью странной и слезами
В край родной глядела

И нищий умолк! Все в безмолвьи стоят
Со страхом грозы ожидают
[Гитар лишь унылые звуки летят]
Спокойны одни лишь слепые сидят
И царского гнева не знают
Нищий другой вдруг с гитарою встал
Казалось орел в поднебесьи стонал:
Хуана! Хуана! Тот час не далек уж
Когда ты в слезах вся умрешь

Умрет и король. Ты с ним вместе
Предстанешь пред Божий великий престол

Конечно это не Кавказ;
Не Крым; не Альп вершины
Но этот вид мой любит глаз
Синеющую даль, зеленую равнину
И эту речку под ногами
Между зеленых берегов
Не правда ль? Посудите сами
Ну разве вид сей не хорош

Не правда ль райский уголок
Кругом леса, [поля] леса
Шумящий под горой поток
И солнца переливы?

Оно хотя патриархально
Но однако либерально

12 июля

[Мир заснул. Взошла луна
И на синем небосклоне]

[Окончив курс своей науки
Надел я клетчатые брюки
Пиджак и шапку набекрень
Пошел гулять себе от скуки
И встретил девицу в разлуке
И с ней гулял весь день]

МОД<ЕСТУ> САКУЛИНУ

Я вновь то место посетил
И те увидел небеса
И те дремучие леса
В которых я с тобой бродил
Я вновь увидел этот пруд
И парк и лодку и луга

Какая чудная страна!
Как было весело нам тут
Мне было только жалко там
Что нет тебя со мной
А то полазил бы с тобой
По дебрям разным и лесам
Да жалко [что ты не приехал] жалко
[О Риме и] О Тебе
В деревне спрашивали все

20 июля

[Зарделся] восток
Зарей золотою
Зашумел лесок
[Склоняясь над] Вдали за рекой
Поползли облачка

РУСАЛКИ

Когда широкой тенью
Покроет ночь весь лес
Тогда под темной сенью
Там счета нет чудес
Смотрите над рекою
Свет тихий льет луна
Сверкает полосою
От месяца вода
[Но что же там затишье
Какие голоса
Я полон нетерпеньем
Мне хочется туда
Нет лучше удержися
И не спеши туда
Русалок берегися
Они убьют тебя
Смотри вон они сами
Несутся над рекой
Купаются, ныряют
Играют меж собой

Тела их из тумана
[Сердца их] Объятья холодны
Смотри как сквозь их тело
Сквозят лучи луны
Да много ночью темной
Свершается чудес
И лучше в час полночный
Не отправляйся в лес
Все водят хороводы
И царь их Водяной
[Вприсядку под]]
И [блеклой <?>] белой пеленою
С болот [серебристый] встает тума
Клубится над [тихой] рекою
Летает [по сонным] полям
При месяца сиянье
Мне кажется видны
Как будто очертанья…
Иль то мечты одни?
Нет! нет! нет! смотрите
Над гладью сонных вод
Несется вереницей
Русалок хоровод
Они все так прекрасны
Они к себе зовут
Но ласки их опасны
Они людей убьют
Тела их из тумана
Объятья холодны
Смотрите сквозь их тело
Сквозят лучи луны
Смотрите как играют
Они там над рекой
Купаются, ныряют
Смеются меж собой
Но вот они вдруг скрылись
Одна луна блестит
Мечты иль нетто были

Ничто не говорит
И снова мир [туманный]
Спокойно [сном объят] тихо спит
И только в роще темной
Одна сова кричит

20 июля

УКРАЙНА

Тополей аллеи
Тихий свет луны
Что может быть милее
Этой стороны
Иль песня бандуриста
Среди ее сте<пей?>

УТРО

Потянул ветерок
По осоке шурша
Заалелся восток
Разгорелась заря
Понеслись облака
Из-за леса гурьбой
Заблестел на кресте
Солнца луч золотой
Зазвонили в [церкви] вдали
Люди в церковь идут
Все проснулось кругом
Птицы песни поют
В голубой вышине заливаются

4 авг<уста>

МОД<ЕСТУ> САКУЛИНУ

Не чужд поэзии и ты
О друг мой дорогой
Позволь же мне мои мечты
Делить всегда с тобой

Ты любишь так же как и я
Леса, зеленые поля
Или езду [верхом] в карьер на воле
На скакуне в широком поле
Немного встав на стременах
В руках рогатку приподняв

6 авг<уста>

Ты пела, я слушал и тихо листы
Шелестели у нас над главами
И шла меж деревьев задумчиво ты
Шуршала трава под ногами
Мне было так сладко, приятно и мы
Но это ведь было меж нами
Прошло то мгновенье. Тот сладостный миг
Над нами пронесся мечтою
Сижу я один, головою поник
Зачем ты теперь не со мною

11 <августа>

ОСЕНЬ

Промчалось веселое лето
Настали осенние дни
Как грустно и тяжко поэту
Когда наступают они
Как грустно лесною тропою
Идти между голых дерев
Шуршат лишь листы под ногою
Упали они пожелтев
Кисти рябин покраснели
Меж желтых листочков висят
Одни только сосны и ели
В зеленом уборе стоят
Как грустно сидеть над рекою
Она холодна и тиха
И ветер несет над водою
Пожелтевшие листья кружа

Как грустно идут вереницей
Печальные, серые дни
И медленно птица за птицей
К югу летят журавли

20 авг<уста>

Смерть пришла, и песня спета
Мира сломано сложенье
К небесам душа поэта
Оставляя мир летит
Песни чудные пропали
Будто семя без плода
Прогремели прозвучали
Будто вешняя вода
И печальный прах поэта
Тихо спит в глуши лесной
Позабытый целым светом
Не оплаканный слезой
Воспевая в песнях Бога
Он на свете всех любил
Но ненавистью и злобой
Свет ему за то платил
Разорвав оковы тела
Зла не выдер<ж>ав душа
Прямо к Богу полетела
В голубые небеса
[И чего она на свете
Не видала никогда
За [земную] страданья жизнь на небе
Награждение нашла]
И чего она искала
На земле и не нашла
То на небе увидала
И в сиянии пропала
Лучезарном Божества

1 сент<ября>

[Вперед ребята за свободу!]

На свете где-то есть страна
Преданье старины гласит
Пол<д>невным солнцем спалена
В ней все — песок, кремень, гранит
Заключено меж черных скал
В ней также озеро лежит
[По той воде хрустальн<ой?>]
И странно, что не пробежит
В нем по воде минутный вал
И отражался в воде
Над самым озером стоит
Огромный замок — он весь <в тени?>
И только видно кое-где
Как плющ сухой с него висит
[И тихо, все вокруг: все спит]
В бойницы черные глядят
С угрозой пушки и врага
К себе они все ждут всегда
Но жизни нет. И даже ветерок
Засохший плюшевый листок
Со кровли замка не снесет
Дорога к замку заросла
Густым тер<новником> травою
И тут казалось человек
Давно уж не был; целый век
[Дорога заросла травою]
Ее не мял своей ногою.
[Но и она]
Из рода в род идет о нем
Одно ужасное преданье
[И старец внукам в назиданье
Сидя и греясь пред огнем]
И старец сидя пред огнем
Его рассказывает внукам в назиданье
[Его то я тебе читатель <?>
Хочу сегодня рассказать
Давно, давно, давно то было время
Когда в стране той не цвело]

Давно то время миновалось
Когда в стране той все цвело
Ходило пело наслаждалось
Всем: словом, было хорошо
Ей правил старый граф
Об имени его, [на<м> ниче<го>]
Нам ничего не говорит старин<ное> преданье
Один лишь сын был только у него
Он все употребил свое старанье
Чтоб сын был храбр и умен
И оправдал его желань<е> он.
Когда отец убит был на войне
В бою неравном. Тот вполне
Свое исполнил назначенье
Возвел на царство и в движенье
Привел забыты<е> дела
Казалось воля Провиденья
Его стезей сей повела
[Он облегчил страдания народа
Он новые построил города]
И мудростью его правленья
Страна богатая цвела
Но где-то есть определенье рока
Оно висело и над ним
Один старик [пришедший с дальнего востока]
пришедший издалека
Слуга Великого Пророка
К нему враждою был томим
В далеких дебрях Индостана
Он черной магии учился
И наконец сюда он возвратился
Могучим [страшным] сильным колдуном
И слухи страшные о нем
В стране носились
И просто графу отомстить
Ему казалось мало
Ну если бы убить

То сделать может всякий человек
Не для того же я учился целый век
Нет я хочу чтоб сильно ты страдал
И никогда не умирал

12 сен<тября>

[Нету сил. Перо валится
Я писать уж не могу
[И лампада чуть теплится
Пред иконою в углу]
Все в глазах моих мутится
И меня клонит ко сну
[Мысли путаются]]

Недвижно на голом утесе сижу я
И в даль голубую гляжу
И вижу как волны одна за другой [негодуя]
[Шумят и] Об черные скалы дробятся [там волны] внизу
Жемчужные брызги взлетают высоко
При солнечном блеске горят
[А там в поднебесье высоко, высоко
И видно над море<м>]

12 сен<тября>

И звуки прибоя далеко, далеко
Туда в поднебесье летят

[Прохладные воды одна за другою
Холодные волны несут
Как будто бы горы <*нрзб*>
И злобы и гнева и ужаса полны
На черные скалы ползут
Но это не новость для темных утесов
Выдерживать натиск волны
И им ли бояться могучим <*нрзб*> [утесам]
Того что уж видели сонмы <?> веков
[Валы за валами дробятся об скалы]
Вон белые чайки над морем летают

<Сентябрь>

Прими сей дар смиренный
От друга твоего
[Тебе всегда мой милый
Напомнит он его]
В знак памяти священной
Я шлю тебе его

И нищий умолк. Все в безмолвьи стоят
Со страхом грозы ожидают
Одни лишь слепые спокойно сидят
О всем происшедшем не знают.
У Карла же тени сошлись на челе
И думают все: Ох, бывать уж грозе

Осень. Гроздья винограда
Уж поспели и висят
И к себе сквозь зелень сада

Сбор веселый винограда
Все увенчаны цветами
Девы, юноши толпами
Собрались под сенью сада
Говор, песни, смех, веселье
Гроздий полные корзины
Свежей юности похмелье
[Струнный говор] Тихий рокот мандолины
Птиц веселых щебетанье

Что ты [голову склонила] глазки опустила
Черноглазая овечка
Что ты смотришь так уныло
Что не вымолвишь словечка

Любви не знаю
  Увы!
И не страдаю
  Как ты!

Мечтатель безумный
С младенческих лет
Природу любить научился
В мечтаньях и думах
Я бедный поэт

Слезы душат меня
Не дают мне вздохнуть
И тревожно моя
Подымается грудь
Тихо в хате в ночи
Чуть сверчок лишь трещит
Ну проклятый молчи
Без тебя все болит
Сяду ль я [под] у окна
Сердце щемит [болит] мое
[Вспоминаю его]
Будто обруч тоска
[Только хуже вредит]
Грустно мне без него
[Тихо дышет дитя
Тихо светит луна
Я всю ночь у окна
Бог знает куда уносился
Как-то буду одна
Без него-то я жить]
Грусть меня все томит
Я дышать не могу
Чуть лампада горит
Пред иконой в углу

Что ты глазки опустила
Черноглазая овечка
Что ты смотришь так уныло
Что не вымолвишь словечка
Или может полюбила
Ты кого-нибудь другого

Что ты вдруг вся покраснела
Я не сделаю дурного
Хоть одно скажи словечко
Перестань меня томить
И тебя мое сердечко
Буду я всегда любить

Вот тебе твоя Овечка:
Отшлифована вполне
Как прочтешь ее.
Словечко напиши скорее мне

Я [страд<аю>] рыдаю молюсь
Говорить не могу
И не знаю дождусь
Когда-либо его
Как-то буду одна
Без него-то я жить
Чаша горя полна
Успевай только пить

Тебя пою поэт великий
Не бысть такою же ответ <?>
Твои стихи, твой пламень дикий
А Симолон <?> не человек

<Дневник 1891–1892>

Расписание уроков IV пар<аллельного класса>

Понедельн<ик>	**Вторник**	**Среда**
Греческий	*Латинск<ий>*	Греческий
Латинс<кий>	Немецкий	*Латинск<ий>*
Зак<он> Бож<ий>	Гимнаст<ика>	Русский яз<ык>
Немецк<ий>	Русский яз<ык>	Математ<ика>
Матем<атика>	География	Гимнаст<ика>
5 уроков конч<аются> в $1^{1}/_{2}$ часа	Французс<кий>	Зак<он> Бож<ий>
	6 уроков кон<чаются> в $2^{1}/_{2}$ часа	6 уроков кон<чаются> в $2^{1}/_{2}$ часа
Четверг	**Пятница**	**Суббота**
Латинс<кий>	История	Математ<ика>
Немецкий	*Латинс<кий>*	Француз<ский>
Греческий	Русский яз<ык>	Греческий
Гимнаст<ика>	Греческий	История
Француз<ский>		Гимнаст<ика>
Матем<атика>		Географ<ия>
6 уроков кон<чаются> в $2^{1}/_{2}$ часа	4 урока кон<чаются> в $12^{1}/_{2}$ часа	6 уроков кон<чаются> в $2^{1}/_{2}$ часа

Алфав<итный> список товарищей IV класса

	Год обуч<ения>	Фамилии	Какой учен<ик>
1.	1	Богородский	26
2.	2	Брычев	8
3.	1	Вейншток Илья	27
4.	2	Высоцкий Сергей	16
5.	1	Герике Евгений	
6.	2	Гирш Николай	
7.	1	Давыдов Николай	
8.	1	Декапольский Конст<антин>	
9.	1	Кириенко-Волош<ин>	23

	Год обуч<ения>	Фамилии	Какой учен<ик>
10.	1	Козьменко Алексей	22
11.	1	Корбе Василий	6
12.	2	Короленко Вячеслав	2
13.	1	Лузин.	10
14.	2	Макаров Владим<ир>	
15.	2	Мацнев Федор	
16.	1	Михайлов Алекс.	
17.	1	Недошивин Владимир	15
18.	2	Павильонов Сергей	5
19.	1	Панков Сергей	1
20.	1	Петров Михаил	12
21.	1	Полетаев Сергей	
22.	1	Попов Сергей	3
23.	1	Риго Адриан	33
24.	1	Романов Всеволод	28
25.	1	Румянцев Алексан<др>	
26.	1	Румянцев Владим<ир>	13
27.	1	Сабанин Николай	9
28.	2	Саблин Борис	
29.	1	Смирнов Виктор	
30.	2	Соколов Владимир	
31.	1	Струпов Констан<тин>	15
32.	1	Фетисов Алекс.	30
33.	1	Эффенбах Мих<аил>	29
34.	2	Юрьевский Иван	
35.	1	Захлыстов Мих<аил>	

Список учебных книг

1. Катехизис Филарета.
2. Ц<ерковно> Слав<янская> грамматика Буслаева.
3. Рус<ская> хрестоматия Галахова.
4. Лат<инская> грамматика Зейферта.
5. Commen Caesaris Адольфа.
6. Примеч<ания> к Цезарю Адольфа.
7. Л<атинско->Русский словарь Шульца.
8. Книга упражнений III и IV Симоновича.

9. Греч<еская> грамматика Кэш <?>.

10. Книга упражн<ений> (хрестом<атия>) Черного.

11. Словарь к хрестоматии Черного.

12. Алгебра Полякова.

13. Алгебра <Н.> Давыдова.

14. Геометрия <Н.> Давыдова.

15. Задачник Бычкова.

16. Древняя ист<ория для> стар<шего> возраст<а> Иловайского.

17. Историч<еский> атлас Роде.

18. География России Баранова и Горел<ова>.

19. Атлас Линберга.

20. Атлас Ильина.

21. Нем<ецкая> книга упражн<ений> Штейнгауера.

22. Немец<кая> грамматика Кейзера.

Записная книга на 1891–1892 учебный год

1 Нед. 1–3 Августа 1891

1 Чт. Приехал на 33 версту с Сашей. Дорога гадкая и грязная до невозможности. Ехали страшно тихо. В Одинцове видал Инспектора. Здоровался.

2 Нед. 4–10 Августа 1891

4 Вс. Мои именины. Лелино рождение. Были Петр Пет<рович>, Мама, бабушка, дядя Сережа. Ждал Модеста. Он не приехал. Петр Пет<рович> совсем болен. Бабушка осталась ночевать.

5 Пн. Встал в 4 ч. утра и пошел за грибами для бабушки. Грибов масса. Провожал бабушку на платформу.

7 Ср. Приезжала мама. Ходил в лес за грибами.

8 Чт. Я ходил с Сашей в Уборы через Четвертинское, назад шли через Дарьино. Видели Павликовс<к>ого. Купался в Москве-реке.

3 Нед. 11–17 Августа 1891

11 Вс. Был дождь, сидел дома.

12 Пн. Ходил отыскивать дорогу в Чегасово, плутал часа 4 в Назарьевском лесу. Попал по ошибке в Хлюбино, оттуда в Чегасово, из Чегасова нашел дорогу на Назарьево.

13 Вт. Я, Леля, Люба и Сашутка пошли гулять. Я их повел на Чегасово, затем уговорил идти в Сальково, а оттуда в Поречье (в 2 вер<стах> от Звенигорода), а домой мы отправились через Иславское и там наняли телегу, приехали в 11 часов ночи. Леля боялась. Хорошо, что Соня не ходила.

14 Ср. Сидел весь день дома.

15 Чт. **Успение Пресвятой Богородицы**.

Приехал от Ляминых домой поздно вечером. Воз<в>ращался ночью один со станции. Утром играл в последний раз в крокет с Соней. Просили меня приходить к ним в Москве.

16 Пт. Приехал к бабушке. На молебне не был.

17 Сб. Был в первый раз в гимназии. Занятий не было. Ходил за «Нивой» и за II-ым томом Лермонтова.

4 Нед. 18–24 Августа 1891

18 Вс. Был с бабушкой в Нескучном <саду>. Ехали по конке. Читал Лермонтова. Было очень скучно.

19 Пн. Был в гимназии. Зволинскому завтра назначена 3<-я> греческая переэкзаменовка. Без меня была мама. Послезавтра иду домой.

20 Вт. Зволинского выгнали. Уроков не задали. Покупал сегодня книги. Получил этот календарь. Была Леля. Я ее провожал, зашел к ней минут на 20.

21 Ср. Сегодня от бабушки переехал домой. Надо будет купить еще Комментарий Цезаря (Адольфа) и словарь Шульца. Зволинскому назначена пятая переэкзаменовка. Взял моего Корнелия Непота.

22 Чт. У меня был в первый раз репетитор. Недошивин просил нарисовать сетку. Покупал Цезаря. Получил календарь у Вольфа. «Таинс<твенный> Остров».

23 Пт. Был Голицын.

24 Сб. Отдал словарь и атлас в переплет.

5 Нед. 25–31 Августа 1891

25 Вс. Отдал Гоголя в переплет. Был у Модеста на новой квартире. У него в среду экзамен. Вечером был на выставке.

29 Чт. **Усекн<овение> гл<авы> св. Иоанна Предт<ечи>**. Утром был Модест. Был у Ляминых. Модест выдержал экзамен на 5.

8 Нед. 15–21 Сентября 1891

17 Вт. Сегодня умер Гончаров. Был у бабушки.

21 Сб. Написал оду на Сабанина, которая разошлась сейчас по классу. Сабанин злится, а я очень рад. Не все же ему к другим приставать: попробуй-ка на себе.

9 Нед. 22–28 Сентября 1891

23 Пн. Я дал читать Давыдову мои стихотворения. Он просил.

24 Вт. Давыдов поэт! Никак не ожидал! Чудеса. Стихи пишет очень хорошие. Вот никак не предполагал! А он еще все прежде надо мной смеялся!

26 Чт. **Св. Иоанна Богослова**. Ждал Зволинского, не пришел.

10 Нед. 29 Сентября — 5 Октября 1891

30 Пн. Зволинский явился в гимназию.

2 Ср. Лежу в постели болен. Скучно. Читать нельзя.

3–5. Болен был.

11 Нед. 6–12 Октября 1891

6 Вс. Готовил уроки к понедельнику, вдруг является Зволинский. Я его никак не ожидал. Пришел довольно некстати. Слава Богу скоро ушел. Я в нем совсем разочаровался. Лучше бы нам было переписываться, как прежде было. А теперь плохо.

7 Пн. Пошел в гимназию в первый раз после болезни.

12 Нед. 13–19 Октября 1891

16 Ср. Ходил утром в гимназию, разболелась голова 40′ жару, ноги не носят, слег в постель.

13 Нед. 20–26 Октября 1891

21 Пн. Выздоровел и был в гимназии.

23 Ср. В Зволинском вполне разочаровался — он совершенный болван и глуп.

26 Сб. Нас распустили всего до вторника. Все в разочаровании, потому что надеялись гулять 4 дня подряд. В понедельник надо приходить к обедне.

14 Нед. 27 Октября — 2 Ноября 1891

27 Вс. Был у Ляминых.

28 Пн. Нас распустили до четверга. Ура! Сегодня был в гимназии на молебне. Был у Модеста. Он болен и в школе. Надо сходить.

29 Вт. Мама не пускает меня в школу к Модесту. Был у Редер.

30 Ср. Умер Давиньон, учитель французского языка.

31 Чт. Застрелился сын Давиньона. Говорят, что из любви к отцу. Странно, непонятно и жалко!

1 Пт. Сегодня Давыдов мне дал свою поэму «*Исповедь контрабандиста*». Написана ничего, только есть некоторые

несообразности. Я ему начинаю завидовать. Он просил меня сказать мнение. Вообще он слишком много подражает. Это нехорошо.

15 Нед. 3–9 Ноября 1891

3 Вс. Был с утра у Ляминых, ходил от них в Румянцевский музей. Вечером говорил глупости. Был Костя.

4 Пн. Как не хочется идти в гимназию! Холодно, темно! А надо, уже пора. Когда-то Рождество наступит!

6 Ср. Куська и немец больны. Может, и завтра не придут, а было бы хорошо. Только жалко, что у меня будут уроки завтра один на первом, другой на последнем. Нехорошо, а 4 пустых.

7 Чт. Сегодня немец был. Мы просили Коробкина, чтобы был у нас на 3 уроке. Зашел в $11^{1}/_{2}$ часов. Спрашивали по алгебре, получил 3. Дал Саблину стихотворения мои и прозу.

8 Пт. Саблин читал мои стихотворения и нашел хорошими. Я очень рад, потому что считаю его самым умным из всего класса. Ему нравятся «Русалки» и «Карл Испанский», а Давыдову «Смерть пришла и песня спета». Что сам я считаю средним.

9 Сб. У нас были Лямины и бабушка.

16 Нед. 10–16 Ноября 1891

10 Вс. Сегодня утром был на кладбище. Вместе с Лямиными. На возвратном пути нас застала в поле метель, еле доехали.

20 Нед. 8–14 Декабря 1891

8 Вс. Думаю на праздниках читать Диккенса. Я его очень мало читал. Толь<ко> «Николай Никльби» и некоторые святочные рассказы.

21 Нед. 15–21 Декабря 1891

18 Ср. Мама принесла из библиотеки «Оливер Твист». Все время читал.

20 Пт. «Оливер Тв<ист>» кончил. И читал Святочные рассказы.

21 Сб. Начал читать «Домби и сын».

22 Нед. 22–28 Декабря 1891

22 Вс. Был у Модеста. Решили, что будем играть водевиль «Вытурил», но выпустим несколько лиц. И еще сцену из «Бориса Годунова». Спектакль будет в январе. А еще буду читать «Грешницу» А. Толстого.

23 Пн. Начал «Крошку Доррит» Диккенса.

25 Ср. **Рожд<ество> Иисуса Христа**. Был у бабушки и у Ляминых.

26 Чт. Кончил читать «Домби и сын» Диккен<са>. Что это за прелесть. В особенности хорошо описан характер маленького Павла и Флоренсы. Начал читать «Записки Пиквикского клуба». Сколько в них юмору. Сравнить Гоголя и Диккенса — очень много сходства. Тип Самуеля Уиллера неподражаем — даже у Гоголя такого нет. Я так увлекс<я>, что прочел почти всю первую часть. Просто оторваться нельзя. Весь день читал.

1892

23 Нед. 29 Декабря — 4 Января 1892

2 Чт. Начал писать поэму «Четыре времени года». Хочу вывести тип барышн<и> в 4-х различных эпохах ее жизни. Начало хорош<ее>.

3 Пт. Был спектакль у Модеста. Боже! что это только было. Говорят, что лучше всех играла Маша Савинич, а потом я. Лучше всего вышла сцена у фонтана из «Бориса Годунова», но костюм у меня был ужа<с>ный: смазные сапоги, громадная черная папаха, свитка, полуаршинные усы и козацкая шашка.

Фонтан и сад изображал однак<о> один горшок с цветами посреди сцены, но вообще актерам было очень весело, не знаю, как зрителям, думаю, не особенно.

4 Сб. Был у Чернцова и Зволинского. Потом вечером поехал в театр. Давали «Женитьбу» Гоголя и «Всякому свое», комедию не знаю кого. Играли очень хорошо.

25 Нед. 12–18 Января 1892

18 Сб. Сделал заданную алгебраическую задачу.

26 Нед. 19–25 Января 1892

19 Вс. Чернцов мне вчера дал «Преступление и наказание». Все время читал. Впечатление даже словами и выразить нельз<я>. Как-то всего потрясает, подавляет. Как будто сам переживаешь все это. Я теперь все время хожу как шальной.

20 Пн. Был в гимназии. Латынь совсем в голову не лезет, а все Достоевский. Я еще до сих пор очухаться не могу. Кажется, если еще почитаю, так с ума сойду.

21 Вт. Кончил «Прест<упление> и Наказание», просил у Чернцова «Униженные и Оскорбленные» принес<ти> завтра. Последняя сцена ужасна. Я совсем не понимаю личности Порфирия. Свидригайлов тоже очень странен. Уроков к завтрему совсем не готовил, оторваться от чтения не мог.

22 Ср. Отдал Чернцову книгу. «Униж<енные> и Оск<орбленные>», он принести позабыл.

23 Чт. Принес Чер<нцов> «Ун<иженные> и Ос<корбленные>», буду читать сейчас.

27 Нед. 26 Января — 1 Февраля 1892

26 Вс. Прочел «Униж<енные> и Ос<корбленные>», впечатление тяжелое, но все-таки не то, как после «Преступ<ления> и Нак<азания>». Тип Нелли передан просто нельзя слов подобрать… Рассказ ее ужасен. Надо немного прекратить чтение, а то совсем даже уроки позабыл.

29 Нед. 9–15 Февраля 1892

9 Вс. Только что кончили делать операцию, легче, чем ожидал. Кокаин почти совсем утишает боль. Только страшно неприятное ощущение, ко<гда> вырывают, это как будто голову наизнанку выворачивают. Теперь действие кокаина уже прошло. Боль стала сильнее. Мне теперь нельзя ничего есть, а пить можно только холодное. Еще будет операция в среду.

10 Понед. Еще больно говорить и глотать. Пью только кофе и другие жидкос<ти>. Есть можно будет только завтра.

12 Ср. Ждал со страхом и трепетом доктора; но он не приехал.

13 Чт. Сегодня кончил «Братьев Карамазовых». Как хорош Коля Красоткин. Я прочитал о нем несколько раз. Его сцены на базаре неподражаемы. Мама ездила к доктору. Он будет завтра.

14 Пт. **Сырной недели**. Делали опять операцию. Вот этот раз было действительно больно. Теперь такая боль, что даже голову поверну, и то уж отдается.

30 Нед. 16–22 Февраля 1892

17 Пн. Болел. Первый раз в гимназии.

20 Чт. Читал «Идиота», кажется, это лучше всего.

31 Нед. 23–29 Февраля 1892

26 Ср. Читал Помяловского «Молотов», «Мещанское счастье» и «Вукол».

29 Сб. Переписывал мои стихотворения.

32 Нед. 1–7 Марта 1892

4 Ср. Читал Щедрина «Историю одного города». Очень интересно. «Помпадуры и Помпадурши», мне кажется, хуже. Мнения знатных иностранцев в «Помпадурах» очень хороши.

34 Нед. 15–21 Марта 1892

17 Вт. Написал одно стихотворение, только, кажется, ерунда. Надо показать кому-нибудь, а то сам не ра<з>берешь.

35 Нед. 22–28 Марта 1892

22 Вс. Был у Модеста. Говорили об нашем «Лете в деревне». Вспоминали Матвейкино, Петра Петровича, Ржаную лепешку и Тетушку. Много смеялись. Сейчас написал еще целый лист из романа.

25 Ср. **Благовещение Пресв<ятой> Богородицы**. Был у Редер, а потом у Ляминых. На Софье Леонардовне платье вроде фрака с открытой крахмаленой грудью и черным галстуком.

28 Сб. Сегодня. Распустили после третьего урока. Был на вербе. Ничего особенного, кроме непролазной грязи, не видал.

36 Нед. 29 Марта — 4 Апреля 1982

30 Пн. У Модеста был экзамен русского языка.

1 Ср. Исповедовался вместе с Модестом в Семинарской церкви. Там же говее<т> Алексеев и его двоюр<одные> братья, с которыми я познакомился. Все только позабываю их фамилию, надо спросить у Модеста.

2 Чт. Причащался с приключениями. В церкви просфор не хватило. Предпринимал фуражировку в соседнюю церковь на Долгоруковску<ю> улицу. С Божьей помощью достали сколько надо на всех.

4 Сб. **Страстной недели**. Утром заходил к Модесту звать его вместе к заутрене, но не застал дома. Оставил записку и пошел домой. П<р>иходил Саша. Пошел с ним вместе к Ляминым. И оттуда с ними к заутрене в Комиссар<овскую> церковь. Туда пускаю<т> только по билетам. Ехал на извозчике с тетушкой. Боже мой, этого никакими словами передать нельзя.

37 Нед. 5–11 Апреля 1892

5 Вс. Христово Воскресение. Был у бабушки. Потом у Ляминых.

6 Пн. Был у Модеста и у Редер. У Редер при мне был Добржиаловский и какой-то драгун, фамилии не помню. Соня предлагает всем приезжающим с визитом христосовать<ся>. Христосовалась и со мной в том числе. Она в желтом платье с зелеными рукавами. Вечером был с Модестом у Ляминых, ушел <в> 12 часов и то потому, что все спать начали ложить<ся>.

8 Ср. Был у Модеста.

9 Чт. Мама наняла дачу на Воробьевых горах. Переедем в конце апреля.

10 Пт. Был у Ляминых и Модеста. Он советует непременно продолжать «Четыре времени года». Сегодня ночью буду писать.

11 Сб. Кончил «Лето» на славу и начал «Осень». «Осень»… Кажется плоха. Показывал «Лето» Софье Павловне. Она нашла, что ничего. И не хуже «Весны». Был у Модеста. Показывал. Он готовился к экзамену. Брал свидетельство.

38 Нед. 12–18 Апреля 1892

12 Вс. Был у Ляминых с утра. К ним приезжали сегодня Редер, Девальден и Беттихер. Вечером приехала мама. Играли в карты.

13 Пн. Сегодня у нас был Голицын. Он говорил с П<авлом> П<авловичем> о Достоевском. Он считает, что Бурже имеет более значения, чем Дост<оевский>, и говорит, что у Дост<оевского> слишком мало поэзии. Я с ним не согласен. Я хоть Бу<р>же не читал, но слышал о нем, и мне кажется, что нельзя написать ничего совершеннее в этом роде, чем Достоевский. Как-то подавляет всего тебя, когда читаешь его. Замечательно хороши его детские типы, в особенности Коля из «Б<ратьев> Карам<азовых>» и Нелли из «Унижен<ных> и Оскорб<ленных>».

То было в давни времена.
Когда Эллада вся была
Страной искусства и любви —,
Что знаешь, может быть, и ты.
И в той стране под сенью древ,
Оставив игры прочих дев,
Одна красавица жила.
О ней хочу поведать я.
Она с рождения была
Тиха, задумчива всегда,
Как серна робкая легка,
Стройна, пуглива и дика.
Уйдет порой от дома прочь
И пропадает день и ночь.
Сидит над морем на скале,
На море смотрит. Вдалеке
Волна катится за волной —
Ей мил шумящий их прибой.

[О боги! О люди! Душою болящей
Взываю о помощи к вам]

Толстой! на что ж это похоже?
Он еретик-с, ну вот и все.
С своим Евангельем суется тоже
Ну вот-с и больше ничего.
Извольте-ка-с урок ответить,
Да вашу книжечку пожалуйте сюда.
Мне надо вам кой-что отметить.
Наш будущий урок когда?
Да послезавтра. Завтра воскресенье.
Вам надо было бы поболее задать.
Ведь все равно, с практической-то точки зренья,
Вы целый-с день-то будете гулять.

Прими стихи от юного поэта:
Поверь, когда он их писал,
Его душа любовию была согрета.

АДРЕСЫ

Глазер. Новинский бульвар, д. Котлярова.

Гирш. Пречистенский бульвар, свой дом.

Зволинский. Хамовники, Пуговичный пер., д. Соколова.

Кириенко-Волошин. Божедомка I. Волхонский переулок, д. Смоленской.

Корбе. Дурновский пер., д. Андрусовой.

Лямины. Шереметьевск. переул., д. Шереметьева.

Лепинг. Мастерские Смоленск. дороги.

Недошивин. Воздвиженка, д. Казенной палаты.

Павликовский. Зубовский бульвар. Долгий п., д. Шоле.

Пшенецкий. Б<ожедомка?>, угол Б. Никитской и Б. Кисловского переулка, д. Чернева. Против парикмахерской «О. Фигаро» кв. № 5.

Павильонов. Сивцев Вражек, дом Байдакова.

Риго. Леонтьевский пер., д. Раузер.

Сакулин. Сретенка. Даев пер., д. [Кольчугина] Челнокова.

Саблин. Б. Власьевский пер., дом Офросимовой.

Фетисов. Пречистен. бульвар, д. Фетисова.

Фридрихсон. Зубовский бульвар, дом Шевлыгиной.

Фельдзер. Сред. Кисловка, дом Чернева, квартира № 1.

Чернцов. [Кудрино. Церков. дом] Плющиха. Воздвиженский переулок, д. Тарусина.

<1892>

Список учебных пособий и руководств на весь учебный год

Саллюстий. Югурт<инская> война.

Ксенофонт. Анабазис.

Овидий. Метаморфозы.

Гомер. Одиссея.

Пушкин. Капит<анская>доч<ка>.

Берте. Нем<ецкая> хрестом<атия>.

Книга лат<инских> упр<ажнений> Павлик<овского>.

Греч<еская> грам<матика> Исаенкова.

Греч<еский> словарь Вейсмана.

2 Нед. 2–8 Августа 1892

3 Пн. Приехал к Лямин<ым> на 33-ю вер<сту>

4. Вт. Было много народа: Граве, Бетт и др.

Мама приехала вечером.

5. Ср. Приехал с мамой, Сашей дом<ой> на Вор<обьевы> горы. Саша был у нас.

<Дневник 1892>

Распределение уроков

Понедельник. Русский яз<ык>. Гречес<кий> яз<ык>. Латинск<ий>. Матем<атика> Алг<ебра>. Гимнас<тика>. Немецк<ий>.

Вторник. История. Зак<он> Бож<ий>. Греческ<ий> яз<ык>. Гимнас<тика>. Француз<ский>. Матем<атика> Геом<етрия>.

Среда. Франц<узский>. Латинс<кий>. Греческ<ий>. Русский. Гимнас<тика>. История.

Четверг. Греческ<ий>. Латинс<кий>. Зак<он> Бож<ий>. Гимнас<тика>. История.

Пятница. Греческий. История. Русский. Латинс<кий>. Немецк<ий>.

Суббота. Матем<атика> Геом<етрия>. Греческ<ий>. Немец<кий>. Латинс<кий>.

11 октября. Воскр<есенье> *1892 г.*

Утром, как только проснулся, сел и начал читать Шекспира. Прочел «Король Джон», «Ричард II» и две части «Генриха IV». Затем читал «Слепой музыкант» Короленко. Все утро дожидался репетитора, уж думал, что совсем не придет. Однако он пришел, уже в первом часу. Позанимавшись, окончив уроки и пообедав, отправился к Макарову. Застал все семейство за обедом. Мне очень нравится мать Макарова — она, должно быть, очень добрая и хорошая. Играл с ним в шахматы. На этот раз он меня обыграл. Это было поражение Аннибала при Заме. Мы все с ним, когда играем, вспоминаем Пунические войны. Затем мы стали разговаривать. Сперва, кажется, о Цезаре и Помпее, потом о литературе и, наконец, ударились в философию и софизм, и начали толковать об идеальном сплетнике. Спор, конечно, кончился ничем. Я ушел от него в 11 часов. Я с большим нетерпением ожидаю среды: у нас будет первое сочинение. Это очень хорошо,

что Тверской читает при поправке каждую работу вслух. Это очень должно быть интересно, только, конечно, не для того, кому принадлежит эта работа. Страшно, а интересно. Если бы была тема «Лунная ночь», вот бы я расписал бы.

12 октября 1892 г. Понед<ельник>

Встал, напился кофе. Пошел в гимназию. Зашел по дороге за Макаровым. В последнее время я с ним как-то особенно подружился. Он мне очень нравится. Как кажется, он тоже не прочь от близкого знакомства. Я теперь захожу за ним по дороге в гимназию каждый день. Рассуждаем с ним о самых философских предметах, как, например, вчера. Сегодня в гимназии он все время занимался различными софизмами и уверил весь класс, что 2 = 3. У нас сегодня не было Павликовского. Кажется, его сын теперь уж совсем при смерти, поэтому-то, говорят, он и не был сегодня. За пустым уроком у нас с Черновым опять возобновился прошлогодний спор о том, кто выше: Пушкин или Лермонтов. Я стою за Пушкина — он за Лермонтова. Мы друг друга ни в чем не убедили и решили, что лучше этот спор совсем оставить. Вчера у Макарова мы с ним также об этом говорили — он вполне со мною согласен. Кстати, что мне у Макарова нравится, то это вся семейная обстановка. Когда приходишь к нему, то чувствуешь себя совсем, как будто дома. У них, должно быть, жизнь идет очень мирно. Вот у Чернцова этого, должно быть, нет. Сегодня также еще один случай. Я уж давно слыхал от Жукова, что у них в классе некто Егоров пишет стихи. Только Жуков говорил, что он это тщательно скрывает и никому своих стихотворений не дает. И что про это в классе узнали совсем случайно, когда отняли у него его тетрадку. Сегодня за гимнастикой я решился с ним познакомиться. Подошел и спросил его, правда ли он пишет стихи, и попросил его дать их. Он тотчас же, к удивлению моему, согласился и обещал дать и завт<р>а. Ну вот, увидим, каковы.

Теперь мои стихотворенья, кажется, начинают приобретать некоторую популярность, и у меня многие теперь просят дать почитать. Теперь одну тетрадь дал Первухину, другую Замышляеву. Также, чтоб не забыть, надо дать Егорову, он просил. Сейчас, однако, должно быть, репетитор придет. Пора кончать, надо ему уроки учить.

Вот учитель уж ушел — хочется еще пописать. Я сюда собираюсь записывать все, т. е. мои мысли, заметки, стихотворения, — вести дневник. Словом, описывать день со всем и его подробностями. Не знаю, долго ли буду писать эти заметки. Я уж несколько раз прежде принимался писать дневник, но постоянно бросал. Теперь я хочу писать это аккуратно изо дня в день до самого конца года. Меня теперь опять начинает занимать вопрос, что такое поэзия. Помню, в прошлом году я много думал над этим и пришел к заключению, что поэзия есть гармония души со всем окружающим. Но теперь это объясненье мне кажется темным и непонятным. Надо будет опять подумать. В прошлом году я думал, не заключается ли поэзия в красоте, а если нет, то почему, и пришел к раньше сказанному выводу. Теперь я думаю иначе. Я думаю, что в каждом создании, везде, во всей природе, даже в самых низших проявлениях ее, заключается поэзия, но только ее надо там найти. В этом-то и заключается, по-моему, задача поэта. И тот, который находит эту поэзию в самых низких проявлениях природы, тот только может назвать себя истинным поэтом. Я сегодня говорил насчет идеала с Черняцовым. Идеал красоты — это сама природа. А люди в своих искусствах только стараются достигнуть этого идеала, но не могут. Когда я кончу гимназию, я непременно напишу роман вроде «Детства, отрочества и юности» Л. Толстого, где опишу гимназию, всю ее обстановку, учителей, учеников, и для контраста надо будет описать их домашний быт. Тут мне представляется очень много материалов, собственно из моей жизни. И, кроме этого, у нас в русской литературе писал только Помяловский,

а, кроме того, он описывал бурсу, которая с теперешними учебными заведениями, и в особенности <с> гимназиями, ничего почти общего не имеет. Тут главное интересно проследить постепенное развитие какого-нибудь ученика, его отношение к учителям, к товарищам. О, на этот предмет можно написать много, очень много! Да и почва-то тут почти что совсем не затронутая. Теперь я уж решил окончательно, что, если кончу гимназию, непременно поступлю на историко-филологический факультет, а потом буду писателем или журналистом, словом посвящу себя литературной деятельности. Не знаю, может быть, лет через 10, прочтя как-нибудь то, что я пишу теперь, я сочту все это ерундою, но, тем не менее, мое теперешнее самое заветное желание — это быть писателем. Надо будет поместить в журнале 3 мои последние стихотворенья.

ПИСАТЕЛЮ

Выйди, писатель, на поприще жизни,
Сей просвещенье любви и добра,
Верь, ты послужишь на пользу отчизне,
Честно посеяв свои семена!
Верь, что принявшие слово ученья
Свято в сердцах его будут хранить,
Верь, что и внуки твои с восхищеньем
Будут тогда о тебе говорить!
Сей просвещенье рукою ты сильной,
Семя ученья бросай в борозды.
Верь, что приидет час жатвы обильной,
Он же — награда тебе за труды.

Это стихотворень<е> написано под влиянием Некрасова. У него есть одно стихотворенье «Сеятелю», мне оно очень понравилось.

ИЗ БАРБЬЕ

Как только закатится ваша звезда,
В последний сверкнувшая раз,

Идите вы прочь поскорее тогда —
Толпа позабудет о вас!
Статуй не воздвигнет вам славных народ,
Хоть прежде он вас прославлял,
Потому что ему только памятен тот,
Кто бесщадно его истреблял.

И затем еще одно — третье стихотворенье, которое я написал, возвращаясь от Модеста, под влиянием разговора о будущем журнале.

Вперед! Сотрудники-друзья!
Изданьем нового журнала
Мы, право, сделаем немало,
В том головой ручаюсь я.
Вперед! Вперед! Долой сомненье!
Долой отставших ряд идей!
Мы будем сеять просвещенье,
Возбудим силу и стремленье
В среде замолкну<в>шей своей!
Возбудим нашим словом к жизни
Во тьме погрязнувших глупцов.
Вперед! На мой придите зов,
Послужим правдой мы отчизне
И не заслужим укоризны
Теней угаснувших певцов!

Я хочу лучшие мои стихотворенья переписать в отдельную книжку. Макаров предлагал сказать о моих сочинениях Эйнкорну. Я согласился.

13 октября 1892 г. Втор<ник>

Встал. Пошел в гимназию. В гимназии за гимнастикой много говорил с Байером и Чернцовым о том, кто чем по окончании гимназии хочет быть. Егоров стихотворений не принес. Как-то завтра я сочинение напишу? Это интересно. Сегодня шел из гимназии, все время об этом думал. На воз-

вратном пути опять говорил с Макаровым насчет моих стихотворений, и к кому мне с ними лучше обратиться. Макаров советует обратиться к Тверскому, да как-то неловко. Вот, может быть, после сочинения, смотря по обстоятельствам… Последнее время мне все в гимназии советуют отправить стихотворения мои в какой-нибудь журнал. Макаров, Петров, Саблин. Думаю, что разве попробовать. А если б приняли, было бы хорошо. Теперь у нас сидит бабушка. У ней был на днях Забелин. Мне бы очень хотелось увидать его. Он все лето был на эпидемии. У нас в доме был недавно один холерный случай. Сегодня у нас был жених Маргариты Павловны. Я его видел в первый раз. Он мне понравился. С первого взгляда он как-то не представляет из себя ничего особенного, но потом, когда его немного послушаешь и проведешь с ним несколько времени, то он производит очень приятное впечатление. Да! Чтоб не забыть! Давыдов непременно просил принести его тетрадку со стихами. Вот уж целую неделю все забываю. Совсем на такие вещи памяти нет, а вот на стихи и даже на прозу — страшная. Я вот недавно совершенно случайно узнал, что знаю почти наизусть отрывки из Гоголя, Щедрина, Тургенева и Достоевского. Кому-то начал рассказывать — и все почти слово в слово. А ведь совсем не думал учить наизусть, а только так, читал и запомнил. Вот, например, этим летом Шнейдеру «Историю одного города» почти слово в слово рассказывал. Даже в разговоре слогом Щедрина одно время говорил. Вот былины учить очень легко. Мне кажется, что я могу импровизировать таким же размером и слогом что угодно; это очень легко. Хочу что-нибудь написать в этом духе.

14 октября 1892 года. Среда

Было сегодня у нас русское сочинение на тему «Наступление осени». Собственно сочинение, кажется, написал ничего себе, но грамматических ошибок должно быть очень много.

Возвратили латинское экстемпорале. Мне, к моему удивлению, три, а Чернцову бедному единица. Он теперь просто в отчаяньи. Опять сегодня позабыл принести Давыдову его тетрадку! Надо будет завтра непременно принести, а то просто свинство выходит. Теперь я сижу и жду учителя. Сейчас он придет, должно быть. Одну — первую тетрадь моих стихотворений я дал читать Павильонову. Также Дмитриев просил дать ему, вот это также не забыть. Завтра у нас библиотека. Надо встать пораньше, чтобы скорей поспеть в гимназию. Надо будет попробовать пойти брать книги, может быть, Виталий даст, а каталог у Макарова возьму. Вот Соколов говорит, что «Русские записки» не стоит составлять, что он в прошлом году начал было составлять, но под конец Тверской так много рассказывал за уроком, что совершенно не было возможности написать хоть что-нибудь. Если это действительно так, то это очень неприятно, потому что я хотел составлять постоянно подробные записки. Теперь они находятся у Макарова.

15 окт<ября> *1892 г. Четв*<ерг>

Сегодня была Маргарита Павловна с своим женихом. Их свадьба завтра в пятницу, в час дня, а в 7 часов они уж уезжают к себе на Ветлугу. Интересно, будут ли у нас в субботу крушение царского поезда праздновать. Право, не знаю, о чем мне еще писать сегодня. Да главное и некогда — надо будет еще переписать греческое экстемпорал<е>, да еще грамматику повторить. Словом, дела еще много. А на сегодня довольно.

16 октября 1892 г. Пят<ница>

Завтра ученья не будет. Но надо будет явиться к обедне. Чернцов хотел завтра придти часов в 5-ть. Сегодня была свадьба Маргариты Павловны в час дня, в городском манеже.

Потом был обед, а в семь часов она уже уехала на Ветлугу. Пав<ел> Павл<ович> был на свадьбе. У бабушки как-то на днях был Забелин и оставил свой адрес. Надо будет завтра зайти к нему по дороге из гимназии. И к чему только, не понимаю, завтра к обедне идти.

— 1886 год —

Осенью, в конце августа ездил с мамой в Крым, и по дороге мы заезжали в Киев, кажется дней на пять. (Жили также в Рыбном у Гишвент.) Потом поехали в Крым. Жили там в Ялте вместе с С. Я. Ярош. Когда она умерла, жили у Печориной. Назад ехали из Ялты на Симферополь.

— 1887 год —

Я поступил в первый класс к Поливанову. Экзамен держал в мае. Жили мы на казенной квартире.

— 1888 год —

В феврале вышел от Поливанова и готовился в казенную гимназию во второй класс у Милославского. В августе держал экзамен и поступил.

— 1889 год —

Перешел из II класса в III. Летом жил с Лямиными в Матвейкове. В III классе учился очень плохо. Жили мы на Малой Грузинской, а потом у Страстного <монастыря>. В ноябре приезжали Вяземские из-за границы. Занимался весь год с Алексей Леонидычем. Умерла тетя Лиза.

— 1890 г. —

Остался в III классе на второй год. Летом жил в Троекурове. Затем жили в Волконском переулке с Пав<лом> Пав<ловичем>.

— 1891 г. —

Перешел в IV класс. Жил частью в Троекурове, частью в Матвейкове. (Пет<р> П<етрович>, Мод<ест>, ноч<ное> прик<лючение>.) Жили зимою опять в Волконск<ом>.

1892 г.

Перешел в V класс. Жил частью на Воробьевых <горах>, частью на 33-ей. Научился ездить на велосипеде.

17 октября 1892 г. Суббота

Сегодня праздник: «Крушение императорского поезда». По сему случаю велено было явиться в гимназию к обедне. Простояли там часа два, а затем нас отпустили. Я обещал зайти к Макарову, но так как хотел сперва зайти к Забелину, то пошел на Сивцев Вражек, а Макаров пошел с Сабаниным по бульвару. Забелина я не застал и, оставив у него свой адрес, пошел к Макарову. К моему удивлению узнал, что Макаров еще не возвращался. Я пошел к нему навстречу, но потом догадался, что он, наверно, зашел к Сабанину сыграть в шахматы, об чем он как-то просил и меня и его. Я у Сабанина был как-то давно и потому адрес его знаю. Он живет на Арбате в гостинице «Столица». Прихожу и спрашиваю у швейцара, в каком номере живет Сабанин. «В пятом». Иду. Вызываю Сабанина. Выходит. «Что, Макаров у тебя?» — «Да, в шахматы играет. Пойдем ко мне!» — «Хорошо». Макаров очень удивился, как это так я его нашел. Сабанин сел с ним доканчивать партию. Макаров проиграл. Затем я сел играть с Сабаниным и выиграл. Сабан<ин> и Макар<ов> сыграли потом еще одну партию, и мы с Макар<овым> стали собираться. Макаров просил Сабанина приходить к нему играть в шахматы завтра, и меня тоже. Я посидел еще немного у Макарова, просил его заход<ить> сег<одня> вечером и пошел домой. Дома застал у себя Модеста. Часов в 6 пришел Макаров, а Черноцов

все-таки обманул. Модест ушел рано, часов в 8. Ему надо было к Алексееву. Вечером у нас были С<офия> П<авловна> и m<ademoise>lle Немчинова. Макаров ушел около 10 часов и я его провожал по Бол. Бронной. Завтра утром я возьму у Чуркина в манеже I-й урок верховой езды.

1892 год. 18 октября. Воскресенье

Утром…[2]

[2] На этом запись обрывается.

Дневник М. Волошина. 1893 год

21 февраля 1893 года. Воскресенье

Вот опять я принимаюсь за дневник. Сколько раз я принимался за него и бросал. Но теперь я пишу единственно от скуки. Делать решительно нечего. Книг нет, сижу дома, а стихи также не пишутся. А ведь у меня собственно только три дела и есть: читать, писать, да говорить с кем-нибудь, а чтобы говорить, надо идти куда-нибудь, в гости, что ли. А вот мама все удивляется, почему это я все хочу по гостям бегать, когда другие дома сидят. А я решительно не могу сидеть дома один без книг. Вчера я получил от Жаренова его стихотворения. Право, я не ожидал таких. У него замечательно легкий слог. Я сам чувствую теперь, что мои стихотворенья никуда не годятся сравнительно с его. Кроме того, его направление именно такое, какое я сам хотел бы принять. Это направление можно назвать гражданским направлением, девизом его могут служить пушкинские слова:

«И, обходя моря и земли.
Глаголом жги сердца людей».

Как-то странно было ожидать таких стихотворений от Жаренова. Столь, кажется, незамечательная физиономия и вдруг… Я положительно в восхищении теперь от его стихов. Так же как-то не вяжется с его физиономией то, что говорит о нем В. Румянцев, что он, например, страшно самолюбив. Я этого за ним совсем еще не замечал. Да! Вот кто же у нас в классе есть из замечательных личностей? Во-первых, Чернцов, он бесспорно самый замечательный человек у нас в классе. Он идеалист. Он даже самый крайний идеалист. Ему следовало родиться в 60 годах или во времена Шиллера. Это была бы как раз его эпоха. А теперь уж мало осталось идеалистов. Вон Тургенев своего Якова Пасынкова называет последним идеалистом. Но нет! и теперь есть еще идеалисты, хоть и мало их.

Дай не могут они исчезнуть совершенно. Ибо если они исчезнут, то исчезнет любовь и правда. Исчезнут идеалы, исчезнет красота, а без красоты и искусства люди обратятся в животных. Но так как этого быть не может, то, пока существует мир, будут на земле и идеалисты. Странно: в гимназии никто почти не обращает внимания на Чернцова, и никто, кажется, не понимает его. Я в Черноцове не мог пока найти ни одного недостатка. Его характер и воззрения вполне определяются словом «идеалист». Затем самый замечательный человек — это Румянцев. Он, должно быть, никак теперь не подозревает этого, а это правда. У него в высшей степени оригинальный склад ума. Во многих отношениях я его еще совсем не понимаю. Впрочем, у него еще нет совершенно определенного характера. Но все-таки мне кажется, что он очень скоро увлекается. Он любит и понимает, кажется, красоту. Что касается его талантов музыкальных, то я хоть сам и не могу судить, есть они или нет, но почему-то твердо верю в них. А затем больше, кажется, и нет у нас необыкновенных личностей. Макарова, к сожалению, нельзя назвать замечательным. Он довольно обыкновенный человек, зато вот его братец Сергей Антонович, кажется, также принадлежит к идеалистам и человек очень замечательный.

Понедельник 22 февраля

Из стихотворений Жаренова более всего мне нравится «Памяти 60-<х> годов». Это замечательно хорошо. Оно мне сегодня просто совсем из ума нейдет. Я его весь день твердил. Читал его Макарову, Модесту, Черноцову. Но странно: они как будто не совсем понимают его и относятся равнодушно. Вот этого-то я уж никак понять не могу. Я видел сегодня Модеста. Встретил его в конце Арбата и провожал до Никитской. Он пошел к Труниным. Сегодня мало, чего писать. Да и спать уж пора. Завтра утром еще попишу, если успею. Хочу встать пораньше, в 6 часов вместо семи.

Вторник 23 февраля

Утром сегодня проспал, так что писать ничего не успел. Возвращаясь, пошел Арбатом, вместе с Павильоновым. Встретил Модеста против школы. Модест заходил к нам взять у П<авла> П<авловича> свою книгу. Была также бабушка. Черццов теперь насчет жареновских стихотворений повысил свое мнение, так что даже взял их с собой. Читал их Бальмашову, он также просит. У меня теперь все дела по литературной части в гимназии. Одни стихи пишу, другие получаю, третьи сам прошу. Словом, все перемены заняты. Видел свою «Свободу», помещенную в нашем журнале. Одна там строчка изменена к лучшему. Но зато выпушены три заключительных, без которых стихотворение как будто обрывается. Спрашивал Спасского по этому поводу. Тот говорит, что ему кажется, что так лучше. А почему лучше — неизвестно. Давно мне уже приходила мысль о различии трех искусств, которые можно назвать главными, т. е. живопись, поэзия (понимая под этим словом литературу) и музыка. Слово искусство я понимаю, как стремление создать красоту. Но эта красота может быть двух видов: физическая и нравственная. ЖИВОПИСЬ может создать красоту только физическую, состояние же духа она передаст только в данный момент. ПОЭЗИЯ. Может выразить красоту нравственную и физическую. Она может дать объяснение, откуда произошло данное состояние духа. МУЗЫКА же представляет красоту только нравственную. Она выражает только состояние духа, но не дает ему никакого объяснения. Так что из этого видно, что хотя музыка по развитию выше стоит, чем 2 другие искусства, но все-таки значение поэзии больше, т<а>к к<ак> она понятнее для большинства, которое в музыке, может быть, ничего не смыслит. Я вот теперь хочу записывать все трагические истории, которые услышу. Это мне кажется, при случае может пригодиться. Вот, например, сегодня бабушка рассказы вала маме про И<змайло>вых. Эта история немного напоминает

«Анну Каренину». Сам С. М. очень любил свою жену. Она вот недавно уехала в Петербург с меньшой дочерью. Несколько недель он не получал от нее никаких известий. Наконец, он получает от доктора письмо, в котором тот пишет, что она сильно больна от расстройства нервов. Он сию же минуту едет к ней в Петербург. Она встречает его очень холодно и затем объявляет ему наедине, что она его не любит, но любит одного инженера Д<евальд>ен и, т<ак> к<ак> она с ним жить не может, то просит развода. С. М. был совершенно в отчаянии. Ее родители, у которых она жила в Петербурге, узнали об этом только от С. М. Они также были этим страшно поражены и просили его простить ее, говоря, что они наверно его убедят, что это она, может, только от расстройства нерв. Но он отвечал им, что они ее ни за что не переубедят. В тот же день он уехал в Москву. С-н, влюбленный в С<офию> Н<иколаевну>, говорят, просто плакал, узнав об этом. Он хотел сопровождать С. М. в Москву, боясь, чтобы он что-нибудь с собой не сделал. Приехавши в Москву, С. М. написал ей письмо, в котором писал, что, если с ней случится к<акое>-н<ибудь> несчастие, то пусть она знает, что всегда найдет у него убежище и защиту. Теперь она собирается ехать за границу в С. Ремо. Причем она едет на счет С-на. Это обстоятельство совсем непонятное, тем более, что он сопровождает ее. Д<евальд>ен едет вместе с ними. Д<евальд>ен человек очень замечательный и таинственный. Он был женат два раза. Первая жена его отравилась. Вторая застрелилась в прошлом году. Незадолго до ее смерти он ухаживал сильно за С<офией> Н<иколаевной>, что, может, и было причиной этой катастрофы. После ее самоубийства Д<евальд>ен и С. Н. нигде не встречались, но они виделись тайно. Замечательно то, что С. Н. и покойная жена Д<евальд>ена были раньше очень дружны между собой. При разговоре с мужем С. Н. просила его также, чтобы он оставил ей ее младшую дочь. Это только первая часть драмы, — развязка впереди. А какая

развязка — придумать нельзя. Вернее, что Д<евальд>ен кинет ее, и она или останется с С-ным, или вернется к мужу. Теперь она, должно быть, уже за границей. Надо будет это рассказать завтра Черноцову, тем более он теперь под влиянием «Анны Карениной», а тут, право, очень большое сходство. Вот, воспользоваться этой темой для романа или, по крайней мере, для рассказа! Однако 11 <часов>, пора спать. До завтра!

Среда. 24 февраля

Теперь утро. Через четверть часа пойду в гимназию. Сегодня нужно получить у Черноцова стихотворения Жаренова. У него самое лучшее стихотворение, как мне кажется, это «Памяти 60-х годов». Румянцев говорит, что его отцу это стихотворение больше всего понравилось. Потом очень хорошо: «Далек, далек тот век освобожденья»… Остальные же хоть и хороши, даже очень хороши, но все-таки в сравнении с этими двумя совсем бледны. Интересно, что Черноцов скажет о них сегодня. Теперь пора идти в гимназию. Значит, до вечера.

Вечером

Только что ездил верхом. Был Саша. Рассказывал сегодня Черноцову вчерашнюю историю. Он также находит большое сходство с «Анной Карениной». Завтра надо будет Румянцеву рассказать его характер. Это все опять Макаров предлагает. Какой же у него, собственно, характер? Как бы завтра не осрамиться. У него характер, кажется, еще не совсем ровный, неустановившийся. Много детского есть в его характере. Он вспыльчив, капризен, но отнюдь не зол. Его мысли иногда очень оригинальны. Он большой домосед. У него «*наше*» Волынское, «*наша*» Воздвиженка, и лучше их уже нигде не найдешь. Человек он очень увлекающийся, но непостоянный. Его нельзя назвать скрытным, он даже очень откровенен. Словом, в общем, очень симпатичный мальчик. Теперь

по временам Макаров очень надоедает. Тьфу ты! А вдруг это Румянцеву попадется. Уж непременно Макарову перескажет. А это очень мне неприятно будет.

Я, кажется, насчет семейства Черноцова сильно ошибался. Я как-то, кажется, на Масленицу пришел к нему утром и ждал его весь день часов до 5-ти. Вот в это время я успел совершенно изменить свое мнение. Родная мать Черноцова, как я сегодня это узнал, была простая крестьянка. Он ее никогда не видал, потому что она умерла во время родов. Интересно, почему его отец женился на ней. Она была совсем, как он говорит, необразованная, и уже будучи замужем, начала учиться. Решительно Черноцов очень похож на Якова Пасынкова.

Саша взял себе абонементу Чуркина за 8 рублей, причем тот не преминул обдуть его на рубль. Саша хотел притащить как-нибудь Шнейдера ездить вместе. Он, должно быть, теперь будет ездить каждый день. Что за комедии теперь происходят каждый день у Чуркина. У него есть одна лошадь Гладиатор, 23-х лет от роду. Лошадь очень смирная, хоть и не ленивая. Вот как-то мы приходим в манеж. Учат ездить какую-то барышню на этом Гладиаторе. Учит Дама. Тут же сидят какие-то знакомые или родственницы барышни. Барышня едет рядом с дамой. Гладиатор тут является какою-то неукротимою степною лошадью.

Родственницы в ужасе кричат: «Ах! Боже мой! спасите! помогите! Она разобьется! Дайте ей лошадь смирнее!» Чуркин мечется. Бросается к барышне, выхватывает у ней хлыст: «Нет-с! Я не могу, я не ручаюсь за эту лошадь. Отдайте хлыст!» Дама мчится наперерез лошади, хватает ее за повод, как будто спасает ее. Мы, конечно, хохочем. Мама обращается к Чуркину, что нельзя ли ей тогда взять Гладиатора. «Ах! Оставьте-с! Вы мне весь рисунок испортите». Комедия!

Как-то вечером мы уходим с мамой из манежа, Петр нам говорит: «Вот ведь, каждая лошадь сегодня по 3 раза ходила. А ни рубля не заработали». Это все абонементы.

Четверг 25 февраля

Сегодня возвращался из гимназии вместе с Жареновым. Я хотел встретить Модеста и потому пошел к Смоленскому рынку вместе с Жареновым. Потом, в свою очередь, я пошел его провожать. Я сегодня с ним очень много говорил. Он, кажется, очень от<к>ровенен и вовсе уж не настолько самолюбив, как говорит Румянцев. Он мне сам говорил сегодня о своем самолюбии, и, судя по этому, можно заключить, что это самолюбие уже вовсе не в такой страшной степени, если он сам в нем сознается. Когда мы с ним шли по Поварской, то встретили Бальмашова, тут мы с ним расстались. Я провожал Бальмашова до дому. Он меня просил как-нибудь зайти к нему. Едва ли только придется. А с ним познакомиться мне бы очень хотелось. Он человек очень интересный. Был Саша у нас сегодня. Ездили верхом.

Пятница 26 февраля. Праздник

Встал поздно. Читал. Был в городском манеже. Возвращаясь, у Патриарших прудов встретил Пегануцци. Сидел, говорил с ним. Ездил верхом. Саши не было, хоть он и хотел прийти. Пегануцци мне очень нравится. С первого взгляда получаешь о нем неприятное впечатление, но потом разубеждаешься. Лев Толстой пишет про Пьера Безухова, что он старался открывать только хорошие стороны в людях. Мне кажется, этому очень легко следовать и приятно.

Суббота 27 февраля

Черноцов меня все просит прийти к себе. Право, не знаю, что делать. Так сказать не хочу. А идти нельзя. Недавно я прочел один роман Теккерея «Записки Барри Линдона». Я ожидал лучшего. Положим, я взял не лучший его роман, но первый попавшийся. Кажется, самым лучшим его романом считается «Ярмарка тщеславия». Надо будет его достать.

В «Записках Барри Линдона» выведен один джентльмен конца прошлого столетия. Сперва он в молодости ведет себя совершенным рыцарем. Влюбляется в одну девушку. Вызывает на дуэль своего соперника, убивает его и поэтому принужден бежать из родного города в Дублин. Там он попадает в дурное общество, начинает кутить, играть в карты и, наконец, до того запутывается в долгах, что поступает рядовым в полк и едет в Германию на войну. Во время похода с ним так ужасно обращаются, что он решает бежать. Сначала это ему удается, но на дороге он попадается в руки пруссаков, которые забирают его рекрутом. Там он находится сначала в еще худшем положении, чем раньше. Тут он предается разным порокам, разврату и совсем теряет прежние свои убеждения. Он втирается в доверие к одному офицеру, который приходится племянником берлинскому министру полиции. Он начинает исполнять должность сыщика. Он встречается тут со своим дядюшкой, которому запрещен въезд в Англию, шулером и мошенником первой руки. Его специальное занятие — карты. Он ему дает способ убежать из Пруссии и берет его с собой. Они отправляются вместе по всем столицам, важным городам Европы. Они везде пользуются известностью. Часто выигрывают громадные суммы. Принимаются при многих дворах. В одном небольшом германском княжестве происходит у них романтическая история. Они ведут очень хитрую интригу. Но, в конце концов, все их планы рушатся, и они высылаются из государства. Во время их путешествий молодой Барри имеет массу дуэлей, из которых выходит всегда победителем. Наконец он возвращается в Англию и там, после многих интриг, женится на одной богатой вдове Линдон. Тут он достигает апогея своего величия. Он гремит по всей Англии. В Европе он стяжал славу первого игрока и дуэлиста. В своем семействе он становится тираном жены и домашних. Несмотря на громадное состояние жены, он запутывается страшно в долгах. Жена убегает от него от дурного

обхождения. И он кончает свою жизнь в долговой тюрьме. Этот роман представляет только исторический интерес, как довольно полная картина жизни и нравов высшей аристократии дореволюционного времени. Самый тип Барри — это тип авантюриста, каких было очень много в то время в Европе, и представителем которых служит известный граф Калиостро. Вообще рассказ ведется очень живо и занимательно. Интересно прочесть другие романы этого же писателя, а то по одному только нельзя составить об нем полного впечатления. Отличительные черты Барри — это гордость, условное понятие о чести, расточительность и жестокость.

Я ожидал от Теккерея большего. Его имя обыкновенно упоминается рядом с именем Диккенса. Но этот его роман мне нравится меньше романов Диккенса. Из иностранных писателей-прозаиков я больше всего люблю Диккенса. Я его читал в позапрошлом году. Только два романа производят на меня удручающее впечатление. Это «Крошка Доррит» и «Холодный дом». Я их начал читать, но кончить не мог. В них как-то слишком мало действия. Положим, это было 2 года тому назад. Теперь, может быть, они мне понравились <бы>, я не знаю. Больше всего из Диккенса я люблю «Домби и сын», «Записки Пиквикского клуба», «Оливер Твист», «Давид Копперфильд» и «История двух городов». Хотелось бы мне прочесть рассказы Уилки Коллинз. Только, кажется, в библиотеке гимназической их нет. Также вот из немецких писателей мне хотелось бы прочесть Хауфа. Его «Сказки» и «Мемуары Сатаны». В «Мемуарах Сатаны» есть одно интересное место. Сатана попадает в Рим и присутствует при церемониале, когда Папа предает проклятию всех еретиков. Дьявол очень удивляется и говорит: «Вот ведь их каждый год предают анафеме. А хоть бы кто-нибудь попался мне в лапы. Никого из них». Ну, сейчас, однако, надо идти в манеж ездить верхом. Так что теперь некогда больше писать. Если успею, то буду вечером после.

Воскресенье 28 февраля

Только что кончил «Дневник лишнего человека». Я хочу теперь обо всякой книге, которую прочту, составлять нечто вроде отзыва. Лишний человек — это тип, кажется, довольно часто встречающийся. Он неглуп, но страшно конфузлив, обладает честолюбием и, может, был бы более замечателен, если бы не был везде и во всех случаях жизни лишним. Здесь приводится любовь его к одной девушке, которая влюблена в князя Н. Князь ее бросает, и она в отчаянье выходит замуж за одного чиновника. Поступок князя с ней очень нехорош. Ему можно в других рассказах Тургенева поставить Колосова и Веретьева. Но Колосов поступил со своей возлюбленной гораздо благороднее. Князь поступает с Лизой точно так же, как Веретьев. И причина, почему Лиза не кончает так же трагически, как возлюбленная Веретье<ва>, лежит только в разнице их характеров.

Князь — это молодой светский человек с напускным великодушием, но собственно, должно быть, подлец. Лиза совсем еще неопытная девушка. Веретьев совсем другое. Он молодой человек, которого его знакомые и родственники считают гениальным. Он, впрочем, и сам в этом уверен. От него ожидают необыкновенных дел. Он так же, как и князь, покидает свою возлюбленную. Но та непохожа на Лизу, она решительная женщина. Она не с таким смирением покоряется своей судьбе, как Лиза, она борется с ней, но, обессилев в непосильной борьбе, кончает жизнь самоубийством. Веретьев кончает жизнь в Петербурге, вращаясь в обществе пьяниц из отставных чиновников. Из Веретьевых никогда ничего не выходит, хотя они часто обладают большими способностями и умом.

В некоторых рассказах Тургенева бывают одни только очень красивые и эффектные карти<ны>, а больше ничего. Вот например в рассказе «Три встречи». Это только красивые картины без содержания. Во многих рассказах Тургенев прибегает к искусственным драматическим эффектам. Так,

во многих рассказах его встречаются дуэли. Вот уж у Достоевского этого никогда не будет. Ему не надо прибегать к таким эффектам и приберегать их к концу рассказа. Тургенев — писатель-художник. Он рисует красивые картины и выводит типы. Достоевский напротив. У него мало картин, мало типов. Но драматизм слышится везде. И уж у Достоевского ясно видишь, почему какое-нибудь лицо поступает так-то, а не иначе, а у Тургенева этого иногда нельзя понять.

Недавно я хотел познакомиться с французскими романами и для этого прочел два. Мне кажется, что по этим двум можно вполне составить себе понятие о других. Главным действующим лицом бывает обыкновенно какой-нибудь гениальный сыщик или гениальный мерзавец, или еще молодой человек с рыцарскими правилами. Запутанная интрига. Какой-нибудь страшный роман в основе. Тайна, которая впоследствии раскрывается — вот все отличительные признаки этих романов. Их можно читать только от скуки, для того, чтобы по прочтении постараться как можно скорее позабыть. В то время, когда читаешь, положим, интересуешься, но как только <о>ставишь книгу, тотчас же и позабудешь, о чем читал.

Понедельник 1 марта

Господи! Как скучно сегодня! Право, не знаю, почему это. Хочется писать, — не могу. Читать — ничего к моему настроению не подходит. Вот у меня все время теперь мысль. Если написать стихотворение, ничего не выйдет. В музыке это, мне кажется, может быть прекрасной темой. Представить человека в полном, страшном, безвыходном отчаяньи. Он ищет себе хоть в чем-нибудь, хоть в природе, сочувствия, а кругом лунная, тихая, беззвучная, немая летняя ночь. Она давит красотой, она поражает, но она холодна и безмолвна, она ничего не говорит сердцу. Вот эта-то противуположность, это величавое спокойствие ночи и бурное отчая<нье>. Вот это может послужить великолепной темой. Мне теперь хочется

писать, писать. Писать что-нибудь фантастичное, красивое, дикое, необыкновенное, что-нибудь вроде арабских сказок. Арабские сказки мне представляются в виде старинной двери, покрытой мелкой красивой, замечательно отчетливой резьбой. Почему это, например, арабские сказки поражают своей фантастической вычурностью, своею мелкою резьбой, негой, от них дышит знойным солнцем юга. А северные скандинавские сказки, как «Песнь о Нибелунгах», — своею дикой красотой, грациозностью, в которой отразилась дикая и непреклонная воля норманнов. Мне бы теперь хотелось читать вот именно эти-то сказки, а другое все противно.

Через 2 часа

Сейчас только что окончил одно стихотворение. Я решил, теперь уж, кажется, окончательно, продолжать свою поэму. Как ее название будет, еще не знаю. Тема у меня есть. Пролог уже написан. Только что написал стихотворение, с которым должен поэт обращаться к народу. Оно будет входить в состав поэмы. Вот оно:

Терпи, несчастный мой народ,
Не вечно тягостное бремя!
Придет пора, настанет время,
И рабство жалкое падет.
Сам Бог страдал. Он нам смиренье,
Любовь и веру завещал,
Своим страданием прощенье
Грехов он людям даровал.
Терпи! Страдай! Чем тяжче бремя,
Чем больше горя и забот,
То тем скорей настанет время,
Когда спасение придет.
Терпи, народ! Любовь, смиренье
Христос несчастным завещал
И вам в пример среди мучений
Своих мучителей прощал!

Вот это, кажется, ничего. Самое трудное написать то, которое он должен петь пред королем. Я его сегодня было начал, да плохо. Размер совсем неподходящий. Вот это стихотворение надо будет прочесть Чернцову. Как ему понравится. Собственно, об сюжете самой поэмы я ему еще ничего не говорил. Да как-то и странно говорить. Если будешь так говорить, то получится бессмыслица. В простом изустном рассказе нельзя передать всего. Вот главное написать его песню к королю. Если это напишу, то всю поэму напишу и окончу. Он должен сперва описывать нищету народа, несчастия, затем он начинает упрекать его. Король велит его схватить и отвести в темницу. Поскорей бы только написать. Я стихотворений не люблю писать, я люблю их только тогда, когда они написаны. Однако вот — написал стихотворение, прошла и скука и все народонаселение меланхолическое. Сегодня решительно объявил Чернцову, что не могу к нему прийти. Бальмашов сегодня отсутствует, такое свинство. Опять своих стихотворений не могу от него получить. Румянцев мне сегодня говорил про Жаренова, что он ему говорил по поводу нашего тогдашнего разговора, что он находит, что я гораздо больше и осмысленнее читал, чем он. Это мне конечно очень приятно и льстит моему самолюбию. Право, Жаренов уж не настолько самолюбив!

Пятница 5 марта

Вот уж три дня, как ничего не писал. Все время читал. У меня теперь еще один роман Теккерея — «Базар житейской суеты» и сочинения Добролюбова. Во вторник я все время писал. Писал свою поэму. Написал очень много. На другой день прочел Чернцову и после разорвал. Сам убедился, что невозможная ерунда. Вчера я читал «В небесах» Фламмариона. Дал мне Чернцов. Этот роман мне оставил сильное впечатление. Он оригинален в высшей степени. Отчего он только так глупо назван: «Астрономический роман»! От этого

заглавия как-то даже мороз по коже продирает. Это скорей философский роман. Впрочем, философия, как говорит Фламмарион, вытекает из астрономии. Самая интересная мысль этого романа та, что Фламмарион называет тело «временной оболочкой души». Тьфу ты! Как это глупо все выходит, когда пишешь. Все время сижу, пишу и бешусь. И не глупо ли? Сел писать под впечатлением. Хотел все высказать, а выходит ерунда. Только что начал писать сказку, сейчас буду продолжать, а то пишу, пишу дневник — и в результате одна глупость, гадость, мерзость и ерунда. Тьфу!

Суббота 6 марта

Вчера я обозлился и бросил дневник. Да впрочем, что, — так словами этого рассказать нельзя или очень трудно. Теккерея я еще не прочел, а буду писать о нем, когда прочту первую часть. Добролюбова также еще не кончил. Прочел только его статью о «Накануне» Тургенева, в которой он его очень хвалит. Прочел разбор «Униженных и оскорбленных». Он их страшно ругает. Говорит, что самая завязка совсем неестественная. Неестественны очень многие лица. Положим, все, что он пишет, совершенно справедливо. Интересно мне было бы посмотреть, что бы такое он написал о «Братьях Карамазовых» и об «Идиоте». А также об «Отцы и дети» Тургенева.

У нас только что был Модест и ушел. Была Софья Павловна. Она, оказывается, как-то умудрилась купить в Охотном ряду каменные яйца вместо свежих. И узнала об этом только дома, когда она захотела сделать себе гоголь-моголь и никак не могла разбить яйца; так что она их даже об пол бросала, и они все-таки целы остались. Вчера у П<авла> П<авловича> с Чуркиным произошла история, так что мы, должно быть, у него больше ездить не будем. Анатолий болен скарлатиной, так что Модест теперь живет у Труниных. В понедельник он меня обещал встретить на Никитском бульваре. Ну!

На сегодня довольно, буду писать еще завтра. Скучно! День какой сегодня слякотный, снег идет.

Воскресенье 7 марта

Только что кончил читать первую часть «Базара житейской суеты». Этот роман и сравнить невозможно с «Записками Барри Линдона». В этом романе странна<я> манера. Автор прерывает рассказ для собственных рассуждений и вставляет для пояснений совершенно отдельные анекдоты. Содержание романа следующее. В высшем учебном заведении мисс Пинкертон одновременно кончают две девушки — Амелия Седни и Ребекка Шарп. Амелия девушка еще совсем неопытная, невинная, незнакомая с жизнью, дочь богатых родителей. Характера очень кроткого, спокойного, но довольно твердого. Ребекка — полная противуположность. Она уже порядочно знакома с жизнию. Лицемерна, интриганка. И легко завлекает неопытных в свои сети. Она сирота, состояния у ней нет никакого, и поэтому она старается поскорей выйти замуж. Впервые она пробует свои силы на брате Амелии. Страшно богатом. Этот брат, его зовут Джоз, совершенный болван. Он глуп, труслив, хвастлив, тщеславен, обжора и, словом, у него еще много таких миленьких качеств. Он чуть-чуть не попадает в сети м-с Шарп, и избавляется только благодаря своей глупости. Амелия уже с детства помолвлена с одним молодым человеком, м<исте>ром Осборном. Этот мистер Осборн обладает прекрасной наружностью и порядочным умом. Но он до крайности легкомыслен, тщеславен и самолюбив, так что иногда является совершенно дурным человеком. У него есть его старый приятель м<исте>р Доббин, под страшно неуклюжей наружностью которого скрывается очень доброе сердце. Он постоянно заботится об Осборне, предостерегает его от игры, которой он слишком предался. Ребекка поступает гувернанткой в один аристократический дом Кроли. Где она всех положительно очаро-

вывает, и в том числе одну старую деву-тетушку, которая обладает громадным состоянием и вокруг которой все увиваются. Мисс Кроли без нее жить не может и берет ее к себе.

Сам Кроли, глава семейства, по смерти своей жены делает ей внезапно предложение. Но она ему отказывает и бежит с его сыном Родоном. Между тем, отец Амелии обанкротился. И старик Осборн запрещает жениться своему сыну на Амелии. Но сын женится против его воли. Отец проклинает его. В это время полк, в котором служит Осборн, получает приказание выступить в поход в Нидерланды. Осборн едет вместе с женой, их сопровождает ее брат. Родон Кроли с Ребеккой также едут туда.

Вторник 9 марта

Чернцов обещал принести завтра «Дон Карлоса» Шиллера. А Макаров — «Notre Dame». Будет, значит, что читать. Добролюбова я уже почти прочел. У меня явилась теперь идея написать историю 60-х годов и вообще всей той эпохи. Эта эпоха — самая светлая и самая оживленная изо всей истории России. Тут в это время выдвигается в общественной жизни масса даровитых личностей. На литературном поприще действуют в это время: Достоевский, Тургенев, Некрасов, Островский, Писемский, Помяловский, И. и К. Аксаковы, Добролюбов, Писарев, Майков, Гончаров, Алексей и Лев Толстой, Серг<ей> Соловьев, Катков. Словом, тут являются все корифеи русской литературы.

Среда 17 марта

Сегодня великий день. Сегодня реши<лось>, что мы едем в Крым, в Феодосию и будем там жить. Едем навсегда! Как страшно звучит это *навсегда*. Теперь прощай все, что было раньше — вся прошлая жизнь. Теперь начнется все новое. Новое место, новые люди, все новое. Прощай, Москва! Теперь на юг! на юг! На этот светлый, вечно юный, вечно цветущий,

прекрасный, чудесный юг! Но что же будет там? Какая жизнь? Что? Неизвестно. Теперь надо расстаться с товарищами. Расстаться с Черновым. Увижусь ли я с ними еще когда-нибудь или нет? Мне кажется, что вот именно теперь, только теперь, начинается настоящая жизнь. Прежняя была какая-то ровная, размеренная, правильная. А теперь кто знает, что там будет? Лямины также уедут из Москвы, если только дядя не получит место управляющего. Ура! на юг!

Я сегодня в волнении, ничего не могу ни делать, ни думать. Мы уезжаем только в мае. Боже! Еще целых полтора длинных, скучных гимназических месяца. А там потом юг, Крым, солнце, море, природа. Господи! как хорошо! Я не был никогда так счастлив, как сегодня. Одно море! Можно только из-за этого одного сбеситься от радости. Да! Опять видеть море, опять взглянуть на него. Да что взглянуть! Тут будешь смотреть, смотреть до пресыщения, до одурения. Господи, как хорошо! Мама только просила никому не говорить до поры до времени. П<авел> П<авлович> там около Феодосии купил вместе с мамой маленькое имение. Всего в версте от моря, недалеко от гор… Боже, как хорошо!

Четверг 18 марта

Я еще до сих пор не могу еще прийти в себя. Неужели же я буду жить в Крыму? А вдруг подлец Куська не согласится повысить мне балл из поведения? И тогда оставаться в Москве, в I<-й> гимназии, еще напасть! Брр! Нехорошо! Теперь я все-таки немного успокоился, а то утром я просто ни о чем другом и думать не мог. Вчера я еще не написал ничего еще собственно о земле. Эту землю, 20 десятин, Пав<ел> П<авлович> покупает пополам с мамой у профессора Юнга, у того самого, у которого он был в прошлом году, когда ездил в Крым. Эта земля находится в 10 или 15 верстах от города, а всего в версте или в версте с половиной от моря. На морском берегу есть очень живописные скалы, которые приезжают многие смотреть из Феодосии. Все это место называется

Кок-Тэбэль. Горы от нашей земли всего в верстах четырех или пяти, не больше. Горы покрыты лесом. На нашей земле будет находиться виноградник.

Я везде сегодня справляюсь, по всем картам, по всем календарям, и стараюсь найти хоть какие-нибудь сведения о Феодосии. Но все напрасно! Только узнал, что проезд от Феодосии до Ялты в 3-м классе стоит 60 к., и больше ничего! какая досада! пропала моя карта Крыма, как раз в то самое время, в которое она могла быть мне всего полезнее. Просто невозможно! Ах, поскорей бы кончалось все это: учение, московская грязь, холод, слякоть, серое небо, тучи! И потом в Крым, в Феодосию! Ура!

Воскресенье 4 апреля

Сегодня уехал Павел Павлович. В последнее время я собрал все-таки порядочно сведений о Коктебеле. Там самые лучшие камушки, какие только есть на всем южном побережье Крыма. В Ялте они продаются по рублю за фунт и так и называются коктебельскими. Коктебель это болгарская деревня, она находится в долине, прекрасно защищенной от северных и восточных ветров, почему эта долина очень хороша для культуры растений. Эта долина находится в глубине большого залива, который с одной стороны граничит <с> горой Карадагом, а с другой — <с> мысом Киик-Атлама, что по-татарски значит — прыжок дикой козы. Что касается купанья, то лучшего и желать нельзя. В Феодосии купанье считается лучшим на всем южном берегу, а тут оно еще лучше, чем в Феодосии. Положим, что тут нет еще никаких приспособлений, но это составляет даже достоинство места, а никак не недостаток, потому что все эти сооружения только портят место.

Понедельник 12 апреля

Я вот уже целый месяц, кажется, почти ничего не писал. Пасху я провел скучно. Был раза два у Ляминых, да у бабушки.

Бывал у меня Модест. А больше никого не видал. На Фоминой в гимназии был только в понедельник. А потом заболел — и сегодня был в первый раз. Маша от нас ушла, а вместо нее живет ее знакомая Аннушка. Вчера у нас был Андреевич, а потом бабушка. Мама все время суетится и укладывается. Мебель наша продастся, только никто не покупает. Во время болезни я прочел «Отверженные» В. Гюго. Я, право, не ожидал, чтобы во французской литературе было что-нибудь подобное. Теперь хожу совсем очумелый от «Отверженных» и ошалелый от Крыма. Это то же, что смешать два разных вина, сейчас опьянеешь, так и я от этого опомниться не могу. Нет, теперь до тех пор не успокоюсь, пока всего Виктора Гюго не прочту. Право, не понимаю, почему это при имени Гюго упоминают «Собор Богоматери» и др<угие> романы, которые и в подметки «Отверженным» не годятся. «Les Misérables»[3] — это чудо, это недостижимо. Я решил теперь, что пока в Крым не приеду, стихов писать не буду. Dixi[4].

Вторник 13 апреля
Утром

Сегодня мне надо бал<л>овую подписывать. Право, не знаю. Я ее уж целый месяц не подписывал. Мама будет страшно сердиться. Вчера вон еще она за немецкий вечером кричала. А теперь уж и не знаю. Ну, как вдруг не поеду в Крым? Ну что тогда со мной будет? Это невозможно. Где ж мама меня здесь оставит? В пансион на лето не примут. У бабушки и у Ляминых также не оставит. Я думаю, что это невозможно, и этим теперь только утешаюсь. Сегодня 13 число. Тринадцать! Мне оно часто попадается и всегда в решительных случаях. Что-то сегодня будет? Поскорей бы этот апрель кончился. Тогда уж все решится. Теперь пора идти в гимназию. Господи, помилуй!

---

[3] «Отверженные» (*фр.*).
[4] Я сказал (*лат.*). В значении: больше говорить не о чем.

5 часов

Ну, Слава Богу! Балловая подписана и все сделано. Мама не очень сердилась. Но что будет со мной, этого не знаю. Неужто останусь в Москве? Во всяком случае, я буду все лето заниматься и повторять старое. Пора взяться за ум. Теперь я совершенно не могу принудить себя заниматься. Ну что, если я буду теперь учить то, что учат все. Я старого ровно ничего не знаю. И если даже к одному уроку выучу все, что надо, то это я все равно к следующему позабуду, так как старого ничего не знаю. Это будет все совершенно бесплодно. А при такой бесплодности у меня совсем руки опускаются. Но что будет? Вот в чем вопрос! Поеду в Крым или нет? Ах, если б только б поехать!.. то я не знаю, что бы было. Если только поеду, то клянусь, все лето буду заниматься самым прилежным образом. Ах! Если бы только поехать! Я, кажется, если только не поеду, то право, с ума сойду. Ждать, ждать, радоваться, быть уверенным, и вдруг!.. Нет, впрочем, я и теперь уверен. Ну, где я тут в Москве летом останусь? У бабушки? У ней и так места нет. У Ляминых? Мама меня ни за что уж у них не оставит. В пансион, как хочет мама? Но в пансион на лето не примут. Летом там никто в гимназии не живет. Так что ни у знакомых, ни в гимназии мне нельзя будет остаться. А больше и негде. Ведь не будет же меня мама специально отдавать в какой-нибудь летний пансион. Ведь это ей расчету никакого не будет. Так что это невозможно, чтобы я тут в Москве остался. Мама говорит: «Мне нет расчета тащить тебя со мной». Но ей ведь еще меньше расчета оставить меня. Нет! Нет! Я верю, твердо верю, что я буду в Крыму. Бог не оставит меня. Только бы поскорей этот противный, пасмурный, дождливый, холодный апрель проходил, а там юг, солнце! Боже! Это южное, чудное солнце! Нет! Тут нет такого солнца на севере. Такое солнце может быть только там, на юге, в Крыму. Мне даже сегодня ночью снилось солнце южное. Помнится такая голая скала, около нее высокая трава, и солнце печет; горячие лучи

совершенно отвесно падают на камень. И кругом все так хорошо, светло. Боже мой! А тут теперь на улицах грязь, гадость, холод, небо пасмурно, если есть солнце, то не греет. Бррр!

Сегодня я возвращался из гимназии с Бальмашовым. Право, мне он очень нравится. Вот с ним можно поговорить много и интересно. Да и вообще он «очень славный», как выражается С<офья> П<авловна>. Он все просит к себе зайти. Надо будет постараться. Помню, я как-то в прошлом году встретил на улице его с Закалинским во время экзаменов и зашел к нему, но только на минутку и совсем у него не оставался. Он мне обещал писать в Крым. Господи! Сколько писем мне там придется писать. Чернцову, Макарову, Румянцеву, Бальмашову, Модесту, потом изредка еще мне надо будет писать Ляминым.

Среда 14 апреля

Вчера вечером мы получили письмо от П<авла> П<авловича>. Он уже приехал в Феодосию. Приехал он туда вечером, отправился в гостиницу, выспался — и на другое утро пешком побежал в Коктебель. Дорога, как он пишет, идет по таким спускам, подъемам, ущельям, тропинкам и дебрям, что «даже Макс останется доволен». Пришедши к Юнгу, он отправился с ним осматривать землю и решил купить ту, которая ближе к морю, т. е. всего 6 десятин. Потом нанял себе в Коктебеле у болгарина саклю в одну комнату, но, говорит, такой величины, что она будет одна в половину нашей квартиры. Переночевав у Юнга, он на третий день вернулся в Феодосию. В гостинице так встревожились, что пропал пассажир, что даже хотели посылать за полицией. В этот же день он говорил насчет дома с разными подрядчиками и плотниками. Следующее письмо он обещал написать в скором времени. Да! Еще пишет, что на гору Карадаг час ходьбы. Что там открываются прекрасные виды, и поют

соловьи. Эх! Поскорей бы ехать! Право, не понимаю, чего мы здесь теперь сидим в Москве. Не все равно ли маме? Ведь что бы то ни было, я останусь на второй год. И даже я думаю, что, пожалуй, так будет лучше: пробыть год пансионером в Москве, а потом прямо переходить в Феодосию. По крайней мере, тут не придется ни у кого просить. Я вот, кажется, недели три не видал Модеста, куда это он запропал? А мне бы очень хотелось его теперь увидать и поговорить. Вот также не знаю, как быть с Володей Матёкиным. Позавчера я ему было написал записку, да так и не послал, думаю лучше перед самым отъездом. Да вообще мне не нравятся все эти прощанья, чем скорей ехать, тем лучше. Вон соловьи поют. А там, должно быть, хорошо теперь. А тут сегодня опять пасмурно, небо в тучах, грязь, слякоть, холод. Теперь я даже уж и не понимаю: ну как можно жить в московском климате. Ах! Поскорей бы!

Вторник 20 апреля

На этой неделе я еще не ходил в гимназию, а все время сижу дома, болен. Мама была сегодня у Павликовского. Тот согласился повысить мне поведение на четыре. Так что очень вероятно, что я перейду в Феодосию. Что я буду, если только возможно, в Феодосийской гимназии — это решено. Я буду жить у бабушки, если только она приедет туда, а по воскресеньям ездить в Коктебель. От П<авла> П<авловича> писем еще не было, хотя от получения последнего письма прошла вот уже неделя. Мы все-таки раньше первых чисел мая не уедем. Я поеду по даровому билету под видом служащего. Бровкин обещал маме достать для меня билет II класса. В воскресенье был у Ляминых. Любы и Лели не было дома. Играл с Сашей в шахматы. Потом дяде вздумалось почему-то стричь меня. Стригли, стригли… Вечером был Васильев, говорили об учителях, а в особенности об Куське. Впрочем, мне теперь нельзя быть недовольным Куськой. Все же он мне

повысил поведение. Я ему очень благодарен. Он сказал маме: «У вашего сына очень большие способности, только он страшно ленив». А также, что я мешаю классу, но серьезных проступков у меня нет. Я этого от Куськи не ожидал и, как видно, расстанусь с ним без всякой злобы на него. Ну, да и Бог с ним! Все же легко на сердце, что больше не у вижу его, что скоро *насовсем* с ним расстанусь. До мая я еще буду ходить в гимназию, ну да это ничего. Еще какая-нибудь неделька, а там и все уж кончено. В Крым! Только бы поскорее!

Среда 21 апреля

Сегодня получили письмо от П<авла> П<авловича>. Он купил уже двух лошадей. К постройке дома, т. е. еще <к> разравниванию места, приступили во вторник. Дом будет стоять на таком месте, что оттуда будет видна вся долина и бухта. Обещается в скором времени найти для нас помещенье. Пишет, что он все время в хлопотах и разъездах, и страшно устал.

Пятница 23 апреля

Нам с мамой, должно быть, придется выехать из Москвы не раньше пятого мая. Ей еще надо получить денег от Таисы Максимовны, да потом пока еще придет отпуск да билеты? Словом, долго еще. Хотелось бы мне увидеть Модеста. Я его, должно быть, уж с полмесяца не видал. Господи! И к чему это теперь так долго время идет. Поскорей бы ехать. Надоела Москв<а>.

Понедельник 26 апреля

Вчера целый день бегал. Сперва пошел к Макарову. Нашел его на бульваре. Немного посидели — идет Румянцев. Ходили с ним по Тверскому бульвару. Потом, когда он ушел, пошел к Макарову. Играл с ним в шахматы. Оттуда отправился к Чернцову. Не застал дома. Прошел опять к Макарову,

но на этот раз его дома не застал. Отправился к Труниным, справился о Модесте, оттуда пошел к Ляминым, и уж потом домой. Измаялся страшно, а пользы никакой. Сегодня придет Леля, а может, бабушка.

Я последнее время нахожусь в каком-то совсем новом настроении. Это все после того, как я прочел «Les Misérables». Это великая вещь. Шиллер, Диккенс, Гюго и Достоевский — вот четыре писателя четырех наций, перед которыми можно только преклоняться. Они описывают, говорят об одном и том же, — только с разных концов. «Пишите так, чтобы люди плакали!» Вот величайший завет, данный писателям. А, читая Гюго, действительно плачешь, сердце наполняется негодованием. Боже мой, если бы мне хоть когда-нибудь, хоть что-нибудь подобное написать. О, я был бы счастлив тогда!

Понедельник 3 мая

В субботу 1 мая я был у Черноцова и ходил с ним за город на Москву-реку. В гимназии была прогулка. Да! Позабыл, в пятницу еще вечером мы переехали на новую квартиру к Досекиной, в том же доме. А в субботу и она сюда переехала. В воскресенье утром был в клубе велосипедистов. Потом у Модеста.

Суббота 15 мая

Я не писал почти уж две недели, все было некогда, а, между тем, у меня есть, что писать, даже очень много. Я, кажется, уже писал раньше, что мы теперь живем у Досекиных. М<ария> Пет<ровна> Досекина — воспитанница Андреевича. Мама ее видала раз в Киеве, когда ей было девять лет, но она говорит, что отлично помнит Маму. Теперь мама с ней познакомилась по случаю кв<артиры>, которую она непременно хотела достать в на<шем> доме. Т<ак> к<ак> срок нашей кв<артиры> уже истек, то мы и нанимаем пока у нее две комнаты с 1 мая. Муж ее Н. В. Дос<екин> — художник,

скульптор и пишет критические статьи в «Русском обозрении». Бюсты его очень хороши — в особенности Соловьева Владими<ра> и художн<ика> Шишкина. Едва ли можно найти более хорошее семейство. Мы вот живем полмесяца — и как будто целый век знакомы. Они знакомы со многими теперешними русскими знаменитостями и профессорами — Влад. Соловьевым, с Шишкиным, с покойным Шеншиным они были в очень близких отношениях, со Льв<ом> Толстым, с профес<сором> Зверевым, со многими членами Психологического общества, с Говорухой-Отрок<ом>. Все академисты, проезжая через Москву, считают своим долгом остановиться у них. У них вот жил брат Н<иколая> Вас<ильевича> — Серг<ей> В<асильевич>, также академик, теперь он уж уехал в Харьков. Еще, кроме того, перебывало человек 5 художников.

Мар<ия> Петр<овна> — она страшно живая, быстрая. У ней все делается мгновенно. Вот при переходе, часа в два, все у нее было устроено. Кухарка не может закрыть сундук.

«Барыня! Сундук не запирается!» — «Не запирается! Сядь! Села?» — «Села» — «Заперся?» — «Заперся!». — Ну, и-ди!

Ну, остальное буду писать завтра, а то лень!

31 мая. Понедельник

Я давно не писал; не писал большей частью потому, что не было чернил. Да и теперь вот пишу карандашом. Мы уезжаем в четверг. Вчера в последний раз виделся с Модестом. Он был у меня, и я провожал его на хутор. Мы с ним прощались у верстового столба на шоссе. На одной стороне было написано «Дорога в Петр<овско->Разумов<ское>», на другой «В Петровск<ий> парк». Совсем как обыкновенно в романах. Мы долго сидели с ним около этого столба и никак не могли расст<аться>. Мы как-то совсем и не думали раньше о расставании. И только в последнюю минуту поняли, что мы, может случиться, не увидимся лет десять или больше. О, я никогда не забуду этого вечера! С это<го> момента для нас обоих

начинается новая жизнь! Сколько лет мы с ним жили вместе! Я не знал, что мне будет так тяжело расставаться! Уже совсем стемнело, когда мы встали и прошли немного по тропинке около опушки леса. Там под одной старой березой мы поцеловались и расстали<сь>. Пройдя несколько шагов, я остановился и оглянулся. Он шел большими шагами, не оглядываясь. Скоро он скрылся вдали в туманной мгле.

В Крыму

Теперь уж начало июля, а между тем, я хоть и живу в Крыму больше, чем месяц, еще ничего не записывал в дневник. Начну с самого отъезда. Это было, кажется, третьего июня. С самого утра шел дождик, погода была[5]

1 сентября 1893

Я только что опять читал биографию Надсона. Она каждый раз производит на меня странное и грустное впечатление. Отрывки из его дневника заставляют меня задумываться. Вот, я тоже писал дневник — и снова его начинаю.

Но что у меня раньше в дневнике — ложь, ложь и ложь! Я писал ведь его собственно не для себя, но чтобы его прочитали другие, и поэтому все лгал. Теперь я пишу для того, чтобы научиться хоть самому себе правду говорить. Я даже уж до такой степени дошел, что мне трудно. Я сам не могу отличить правды от лжи. Как гадко, что теперь я не могу ни минуты оставать<ся> один с собой и ни об чем не могу думать. Я так привык это лето быть постоянно с самим собою, что это тяжело мне. Является у меня вопрос теперь, что могу ли я быть писателем? Что из того, что я пишу стихи; есть ли у меня хоть маленький талант к этому. У меня стихи выходят лучше, чем у всех товарищей московских, но что же из этого. Вот уж больше полугода прошло, а я еще не написал ни одного

[5] Фраза не дописана.

стихотворения. Я чувствую, что у меня стихи не выходят свободно, а по какому-то шаблону. И что ж из того, что мои стихи кажутся лучше. Это только потому, что я больше читал. Да и не велика еще честь писать лучше их. Страшно! Если я не буду писателем, то чем же я буду?

29 сентября

«Давид Копперф<ильд>» — 1 р. 50 к.
«Домби и сын» — 1 р. 50 к.
Купил II том Диккенса.
Был пожар. Гулял на бульв<аре>.

И хочется дальше, туда на простор,
Где плещется синее море,
И где силуэты истерзанных гор
Видны в бесконечном просторе.
И хочется дальше и дальше! Туда,
Где силой могучею полны,
В безбрежном просторе, шумя и ревя,
Сшибаются дикие волны.

В человеке есть два начала — доброе и злое. Обыкновенно главным началом по всем религиям считается доброе начало. Мне кажется, что надо считать наоборот. Человек в диком состоянии подходит к животному. Чем менее развит он, тем наклонности его животнее, т. е. в нем преоблад<ает> злое начало. Напротив, от развития он получает перевес нравственного мира, т. е. доброго начала над злом. Так что человек происходит от злого начала и, следовательно, нельзя ставить людям в упрек дурные их стороны, но напротив, ставить им в похвалу их достоинства, добытые их собственным трудом.

30 сент<ября>

Был у Гончарова в первый раз. Были Вельнер, Миронович и один офицер Тимошенко. Читал «Клермонт<ский> собор». Был в ударе. Говорят, что прочел действительно хорошо.

1 октяб<ря>

Утром был на бульваре с Яшеровой. Обещала дать свои стихи. У Гончаровых в субботу она будет. Вечером у Алкалаевых.

2 окт<ября>

Утром <был> в гимназии, вечером у Гончаровых. Были те же самые, что раньше, Яшерова и неск<олько> гимназ<исток> и Ханакодоп<уло>. Ханакодоп<уло> читает восхитительно. Он читал много. Я тоже читал. «Клерм<онтский> соб<ор>» прочесть мне не так удалось. Зато я нашел наконец стихотв<орение> «Слушай». Завтра будет в гимн<азии> литерат<урная> беседа о Рудине.

3 окт<ября>

Утром был <в> церкви. Просил у директора быть на беседе. Позволил. Был у Алкалаевых. На беседу опоздал, потому что затащила к себе поэтесса. Пришел, как все уже уходили. Дал Голобуцкому свои стихи. Что-то будет? Чтение устраивается очень глупо. Точно урок. Говорил много потом на улице с Ханакодопуло и Нефедовым. Мы думаем устроить небольшой кружок, где устраивать свои чтения. Кружок небольшой. Нефедов, Ханакодопуло, Бердичевский, я и еще 2–3 человека. Может, Харитонов и Алексеев. Последнего и не стоило бы. Говорят, что человек он начитанный. Но он очень антипатичен. Собираться у Нефедова. Конечно, чтобы в гимназии никто бы не знал об этом. Мы будем систематически изучать русскую литературу послегоголевского периода. Голобуцкий говорил, что нужно изучать в таком порядке: Тургенев, Гончаров, Л. Толстой, Писемский, Достоевский.

Господи! Как это было бы хорошо! Я думаю и надеюсь, что это осуществится!

ПАМЯТИ 60-х ГОДОВ

Вы, кто с верой неизменною
На святой вступили путь,
Вы, кто речью незабвенною
Влили силы в нашу грудь,
Вы, грозою беспощадною
Восстававшие на зло,
Что в минуты безотрадные
Омрачает нам чело,
Вы, кто речию свободною
Нам наполнили сердца,
Вы, кто с силой благородною
Были тверды до конца,
Вы, кто в Русь рукою честною
Семя правды занесли
И тяжелой ношей крестною
Свой венец приобрели —
Всех вас, всех, бойцы примерные,
Вспоминаем мы подчас,
До конца отчизне верные,
Послужили вы для нас.
Не гнушаясь злой тревогою,
Ваше знамя мы возьмем,
Вашей трудною дорогою
Вслед за вами мы пойдем.
Вас забыла чернь беспечная,
Позабыл о вас народ,
Но от нас вам память вечная
Чрез столетия пройдет!

Д. Жаренов

5 <декабря>[6]

Сегодня получил полный триумф. Меня вызывали больше всех. Когда я проходил после по зале, мне опять аплоди-

[6] *В автографе описка*: 5 окт<ября>.

ровали. После вечера танцы. Танцев<ал> кадриль с Яшеров<ой>. Травля Володи.

5 декабря 1893

Этот день я обязан отметить в своем дневнике, хотя почти и перестал уже его писать. Это день моего триумфа. Я участвовал в гимназическом вечере. Я был болен пред этим две недели и в гимназию не ходил. Я, было, совсем решил не участвовать в концерте и ехать домой, но когда увидел афишу, то мне так захотелось участвовать, что я тотчас же отправился к директору, и он мне позволил чита<ть> «Чужое горе». Перед моим выходом я не волновался совсем, вышел тоже совсем спокойно. Аплодировали мне чрезвычайно. Вызывали меня четыре раза. Но на бис мне запретили читать. Кричали, чтобы я читал свои стихи. Мне, хотя меня еще продолжали вызывать, Голобуцкий запретил больше выходить и послал Ханакодопуло. Ему стали кричать: «Волошина!» Когда он кончил, опять начали меня вызывать. Когда я вышел из-за кулис в залу, меня встретили аплодисментами. Пуховской, как мне кажется, аплодировали меньше, хотя ее и встретили рукоплесканиями, но зато мне потом аплодировали больше, даже после следующих номеров вызывали меня. Мне очень жалко Ханакодопуло. Это все последствия той истории с Алексеевым. Неприятно главное то, что меня сделали как бы орудьем после него. Я очень боюсь, что он теперь сердится на меня. После были танцы. Я танцевал кадриль с поэтессой. Говорят, что на нас было обращено всеобщее внимание, главное, на меня. Но ведь нельзя же иметь во всем такой успех — и в чтении, и в танцах. Вечер закончился травлей Алкалаева и его дракой на сцене. Его все-таки не могли познакомить с О<льгой> В<асильевной>.

6 декабря

Весь день в облавах поэт<ессы> на Володю. Письмо от бабушки и Макар<ова>. Ответил тотчас же.

7 декаб<ря>

Тоска! Тоска! Хочется страшно домой! Жалко, что не пое<*хал*> вместо концерта.

В НАШ ВЕК

В наш век обмана и разврата,
В наш век практических афер,
Когда все то, что было свято,
Толпой осмеяно теперь;
Когда ужасный яд сомненья
Нас окружил и затопил,
И благородные стремленья
Народной силы задушил,
Когда так низок и ничтожен
Толпы и века идеал,
Поступок всякий подло ложен,
Всех эгоизм обуял, —
Нам в век такой не нужно песен,
Довольства, счастья и любви,
Наш круг теперь уж слишком тесен,
Мы чересчур уж стеснены.
Не нужно их. Нам нужно слово,
Чтобы звучало, как металл,
И чтобы звук его сурово
По сердцу с болью ударял.
Нам речь нужна — и речь живая,
Чтоб наши силы разбудить,
Чтоб мы познали, понимая,
Что так нельзя, так подло жить.

9 декабря 1893 г. Четверг

Теперь я в ссоре с поэтессой. Произошло это потому, что я во вторник не вышел на бульвар. Раскланивались очень холодно и принужденно. Тоска последнее время страшно. Жду не дождусь, пока наконец домой не поеду в Коктебель. Я целых полтора месяца дома не был. *Л*<юбовь> Ил<ьинична>

больна, лежит в постели, у ней инфлюэнца. Опять сегодня говорили о том, что хорошо бы было, если бы я приехал к ним летом в деревню. Я сегодня мечтал об том, как хорошо бы было отправиться лето<м> пешком в Ялту. Пробыть там с недельку и оттуда на пароходе отправиться на Севастополь, Одессу и Николаев. Хорошо бы было, если бы это все можно было бы осуществить. Мне теперь все хочется быть одному. Как душно в городе. Надоело все и противно, поскорей бы домой. В особенности, кажется, эти всевозможные разговоры на бульваре и в гимназии надоели.

Почему в душе моей
Столько горя, столько муки,
И в бессильи пали руки,
Слезы льются из очей.
Отчего в душе моей
Столько горя накипело,
Все противно, надоело,
И все хочется скорей
Мне на волю, где в просторе
Горы видны в высоте,
В величавой красоте
Днем и ночью плещет море;
Где под солнечным лучом
Все трепещет и сияет,
И как будто прожигает
Солнце тело все огнем.
Тут так душно, как в неволе,
Мутно море, дождь и грязь,
Небо хмурится, сердясь,
Сердце просится на волю,
В душном городе томясь.

Это стихотворение я написал вчера у Алкалаевых. Написал совершенно для меня же неожиданно и непроизвольно, не обдумывая раньше, а как бы оно само так и вылилось. Вчера я купил две книги: IV том Диккенса и Ломброзо. Теперь

у меня Дик<кенса> 5 томов, т. е. все, что пока вышло из нового издания. Надо будет завтра отдать их переплести. Ну а теперь сяду читать сейчас «Наш общий друг». Думаю на Рождество написать в дневник всю мою жизнь в Феодосии с начала.

10 декабря 1893 г. Пятница

Вечером был у Пешковского. Он живет теперь у Зайцева. Пил там чай. Познакомился с женой Зайцева. Это уже довольно пожилая полька. Страшно чувствительная и сентиментальна<я>. Кажется, не очень далека. После пошел на мол с Пешковским. Ночь была лунная, светло как днем и очень тепло. Мы с ним все говорили о том, каким образом совершить мне летом путешествие в Ялту. Также о том, как было бы мне хорошо поселиться вместе с ним у Зайцевых. Действительно, у Чернобаевых надоело мне страшно. Это все общество Мурашевых, Менасов и комп<ании>. Это пьянство. Мне просто противно всегда бывает домой возвращаться. Не знаю, согласится ли мама на этот переезд. Если завтра за мной пришлют, то я поговорю об этом. Пешковский говорит, что Зайцев с радостью согласится на это, потому что он искал уже пансионера, но Биркенгоф не согласился.

11 декабря 1893 г. Суббота

Сегодня в гимназии я сделал один очень нехороший поступок. Все насчет поэтессы. Если бы она этог<о> не узнала только. Главное, — это было так глупо. За мной прислали Ивана из дому. Перед самым отъездом я имел с Раис<ой> Льв<овной> знаменательный для меня разговор. Она мне сказала: «Это хорошо, что вы поссорились с поэтессой. Ей, вы знаете, был очень строгий выговор от начальницы за ее поведение, и очень может случиться, что ее заставят выйти из гимназии. Теперь она все ходит и говорит, что или в монастырь поступит, или руки на себя наложит. Это может действительно случиться, потому что она такая распущенная

и нервная». Я собственно знал это раньше, но я думал все, что это пустые сплетни. А это, <о>казывается, правда. Я совершенно не знаю, что делать. Ссора наша все продолжается. Мы не говорим. В последний раз она мне не ответила на мой поклон. Что было между нами? Собственно, ничего ровно. Те слова, которые и были сказаны между нами, были говорены постоянно в шутливом тоне. Я ей как-то прямо объяснял ей наши отношения. Даже и в стихах писал тоже. Что теперь будет, не знаю. Подожду до понедельника — и надо будет с ней объясниться лично.

Когда я приехал домой, было 9 часов. Пили чай. Сидел у нас болгарин Иван Тритчев. Мама последнее время нездорова. Сперва у ней болели уши, а после, да и теперь еще, сильный геморрой. Вечером я объяснял ей о моем положении у Чернобаевых. Объяснение было бурно. Мама сердилась и наотрез отказала мне перевести меня от Чернобаевых. Что будет завтра?

12 декабря. Воскресенье

Встал в 10 часов. Об вчерашнем разговоре речи не начинал. После обеда были у Юнге. Вечером мама сказала, что она напишет Чернобаевой, и если она возвратит данные вперед деньги, то я могу перейти на другую квартиру. Слава Богу! Желания мои исполняются!

13 декабря 1893 г. Понедельник

Встал <в> 4 часа. Выехал в $5^1/_2$. Было темно почти всю дорогу. Был страшный ветер и холод, так что я от Султановки до Насыпкоя почти все пространство шел пешком, чтобы согреться. В гимназию опоздал и не ходил. Потом пошел к Алкалаевым. При первом же моем появлении мне тотчас сообщили, что поэтессе о том объявлении известно. Я собственно только тогда понял все значение, какое можно придать ему, и как она и должна понять его. Я ей написал письмо,

в котором вполне откровенно говорил об этом объявлении. Ходил нарочно с этим письмом к Пешковскому, чтоб он ей его передал. Я совершенно не понимаю, зачем я это сделал. Сначала мне это показалось просто смешной шуткой. Я только теперь понял весь ее оскорбительный смысл. Мне эта история все не дает покоя. Чем все это кончится, не знаю. Если б я только этого совсем не делал!

14 декабря. Вторник

Боже мой! Мало еще той истории с поэтессой, теперь еще подымается другая — через то письмо, что написала мама Раисе Льв<овне>. Так как мама написала в письме, что я потому не хочу тут больше жить, что тут бывает пьянство. Раиса Льв<овна> об это<м> говорила сегодня Молоц<кому> и Сок<олову>, что я передавал, что тут происходит постоянное пьянство. Начинается новая история. Чем только это все кончится. По крайней мере, хорошо то, что скоро праздники, и я уеду от всего этого. Я вовсе не хотел выдавать товарищей и затевать историю. Я думал, что после такого письма, т. е. в тех выражениях, в каких мама писала, Чернобаевы не поднимут на это истории. Чем только все это кончится? Самое простое — как можно скорее уехать домой.

В тот же день вечером

Тотчас после того, как я это написал, я отправился погулять. Мне хотелось освежиться, и я пошел на мол. По дороге встретил Пешковск<ого>. Он шел с моим письмом, чтобы встретить О<льгу> В<асильевну> на бульваре и отдать ей его. Я ему отсоветовал идти на бульвар, а посоветовал лучше прямо пойти попозже к Воллк-Ланевским, где он ее наверно<е> застанет. Я его звал с собой на мол, но он не согласился и очень был поражен, что я иду туда в такую погоду. Действительно, было холодно и дул сильный ветер. Положим, мне в моем настроении эта погода была очень приятна.

Едва я только дошел до конца мола, вижу сзади меня бежит, догоняет Пешковский. Оказывается, по его словам, что у меня, когда я с ним прощался, был такой вид, что у него явилась мысль, что я иду топиться, и он бросился спасать меня. Этот казус так рассмешил меня, что я все время хохотал и даже никак уняться не мог, чем он, кажется, тоже был очень поражен. Я его проводил до Воллк-Ланевских и ждал его, пока он передавал письмо. Как он мне рассказывал, что она сперва спросила, что читал ли он это письмо и что есть ли в нем что-нибудь для нее оскорбительное, затем начала читать, сперва смеясь, но потом совсем серьезно. Нич и Воллк-Ланевская в то время, как она читала, страшно хохотали. После того, как она кончила, она сказала Пешковскому: «Передайте ему, что если он не хочет совершенно унизиться в моих глазах, то пусть он непременно будет в четверг у Воллк-Ланевских». Идти или нет? Вот еще новый вопрос. Право, не знаю, что со мной эти дни делается. Мне просто совестно взглянуть каждому в глаза. А уж ей и подавно. Ну, как я приду к Воллк-Ланевским, как я поздороваюсь с ней. Господи! Чем это только все кончится?

15 декабря 1893 г. Среда

Боже мой, все нет нигде покоя! К Воллк-Ланевским я решил пойти непременно, во что бы то ни стало, чтобы, по крайней мере, эта неизвестность хоть чем-нибудь бы кончилась. После обеда я ходил за книгами к Над<елю?>. И встретился с ней. Она меня, кажется, не видела. Поймал меня Миронович. Он тоже сейчас же обратил внимание на мой вид и просил зайти к нему вечером. Ходил в гимназию отдать книгу, по дороге заходил к Пер. Он меня сегодня просил дать ему, если у меня есть, коктебельских камушков. Я ему обещал занести. Он меня попросил немного посидеть. Познакомил со своей женой, с дочерьми я был знаком уже раньше. Он мне показывал рамки, обклеенные камушками, пересыпанные

каким-то блестящим песком, вроде стальных опилок. Это выходит очень эффектно. Он мне, хоть я и отказывался, дал этого песку. Он меня просил купить в Коктебеле ему еще камушков, на рубль так приблизительно, сколько будет. Вечером был у Мироновича. Там было довольно много гостей. Танцевали, играли, я декламировал. Ужинать не остался, потому что спешил домой, боясь, что запрут опять двери у дома.

17 декабря 1893. Пятница

Ну! Слава Богу! Я теперь так рад, что и сказать нельзя. Начну со вчерашнего дня. Пред тем, как идти к Воллк-Ланевским, меня просто лихорадка трясла. Я предварительно обдумал весь план действий. Я думал, что прямо, как только войду, обратиться к Ольге В<асильевне> и сказать: «О. В.! Я поступил гадко и подло и раскаиваюсь в этом. Скажите, чем я могу загладить эту гадость?» Но это мне не удалось. Когда я подошел к двери, то минут 5 стоял и никак не решался позвонить. Наконец собрался с духом, перекрестился и позвонил. Мне отворила Вал<ерия> Альф<онсовна>. Как только я переступил через порог, у меня совершенно отняла<сь> способность говорить. Взошел я в залу. Там сидели Евг<ения> Альф<онсовна>, Нич, Налб<андов>, Бондарь, Пешк<овский> и О<льга> В<асильевна>. Я поздоровался со всеми и с О. В., она протянула мне руку, не глядя на меня. Я сел в угол. Тогда подошла ко мне Евг<ения> Альф<онсовна> и начала говорить: «Ну, что вы такой убитый, поверьте, О. В. это так только сердитой притворяется, она уже решила помириться с вами. Поверьте, что мы все знаем, что вы сделали этот поступок необдуманно и нисколько не обвиняем вас. Это может со всяким случиться. Вот смотрите, она пошла теперь в столовую, и вы идите туда, там вы объяснитесь наедине».

Видя, что я встал с места, но идти не решаюсь, она говорит: «Ну, идите, идите! Вы ведь воды хотите напиться. Она

там в столовой стоит». Я дошел до двери, но опять повернул назад, не решаясь взойти. «Ну, да идите же, графин там стоит». Я собрался с духом и переступил через порог, но мгновенно мужество все меня оставило, и я, не будучи в состоянии начать говорить, остановился на другой стороне комнаты спиной к О. В. Я хотел говорить, но не мог совершенно раскрыть рта — и даже слезы на глазах навернулись. Тогда О. В. сама подошла ко мне и начала говорить. У ней тоже были слезы на глазах: «Ну, Макс, вы поступили нехорошо, необдуманно, но я знаю и вижу, что вы искренно раскаиваетесь, и потому будем снова по-прежнему друзьями, я обещаю вам, что никогда больше не вспомню вам об этом». Я хотел опять начать говорить, но все-таки не мог. В это время взошла Евг<ения> Альф<онсовна>: «Ну, поздравляю вас! Теперь вы можете идти и не будьте таким грустным».

Весь вечер прошел замечательно весело. Через несколько времени почти все уже собрались, и начались танцы. Ол<ьга> В<асильевна> потащила меня танцевать польку. «Да я ведь не умею, я никогда не танцевал!» — «Ну, да решитесь, попробуйте!» Я решился, и оказалось, что я польку могу танцевать. «Ну, теперь попробуйте вальс!» — «Ну, это я, право, уже совсем не могу. Ведь польку я все-таки учился танцевать, а вальс никогда». — «Ну, ерунда, пойдемте, и этому научитесь. Ведь вы польку тоже не хотели танцевать». Я решился, и оказалось, что смог и вальс протанцевать. Так что под конец разошелся и танцевал все время и со всеми дамами. Я и до сих пор не могу поверить, чтобы я мог танцевать польку и вальс. Теперь, значит, можно сказать, что я танцую.

Во время второй кадрили я не танцевал, и Пешковский тоже. Мы с ним сидели в другой комнате и говорили. Между прочим, он мне сказал: «А знаете! Я вот сегодня разговаривал с Нич, и мы нашли, что вы замечательно напоминаете Пьера Безухова из "Войны и мира" Л. Толстого. И по фигуре вашей

и по характеру, только одна разница — тот поэтом не был, а то сходство поразительное». Эти слова меня очень обрадовали. Я всегда находил, когда читал «Войну и мир», замечательно много сходства между собой и Пьером. Теперь другие тоже подтверждают это. Во всяком случае, это сравнение лестное. Я тоже нахожу, что у меня те же самые дурные стороны, как и у Пьера.

С вечера разошлись поздно в 2 часа. Прихожу домой — заперто. Стучу, стучу, наконец отворяет мне сам Гр<игорий> Ев<меньевич>. «Ого! Рано довольно! Где это вы были?» Я сказал. Он не ответил ничего. Я лег спать. Проснулся поздно, так что чая не пил и побежал скорее в гимназию. Ну, там сегодня особенного не случилось ничего. Я вообще о гимназии писать не люблю. И так надоедает. После обеда (у Алкалаевых) я ходил по Итальянской с О<льгой> В<асильевной>. Не знаю, что только с ней сегодня творилось. Она еще вчера говорила, что она отравится, и что у ней уже есть медный купорос для этого. Она сказала, что съест его при мне. Действительно, пошли мы с ней на Айвазовский бульвар, она вынула какой-то кусочек чего-то из кармана. Видом он действительно похож на купорос. Она взяла его в рот и что-то долго сосала и как будто все старалась проглотить его, но не могла и, наконец, выплюнула его. Ей сделалось после этого гадко (не знаю, правда ли), и мы должны были пойти домой, где она выполоскала рот и напилась воды. А после снова пошли на Итальянскую. Много смеялись, вспоминая наше вчерашнее примирение.

20 декабря 1893 г. Понедельник

Сегодня нас распустили. Выдали четвертные. Ученик я 7-мой: каким был, таким и остался. По-русски у меня 4. За мной приедут, должно быть, в четверг. Что теперь мне делать, не знаю совершенно. Почти все разъехались. Скука! Скука! Сяду сейчас читать, а то писать что-то не хочется.

1 января. Суббота. 1894 год

Встретил я новый год с мамой вдвоем, совершенно случайно, потому что мы не собирались его встречать. Я приехал в Коктебель на 3-тий день праздника. Это случилось потому, что мама приехала за мной за 2 дня до праздников, и мы застряли, благодаря снежным заносам, морозу и метели. Жили все это время у Алкалаевых. Я нигде не показывался и не бывал. Праздники прошли совершенно незаметно. Я только читаю, сижу теперь дома по целым дням. Ветер такой страшный, что выходить нет никакой возможности.

9 января 1894 г.

Послал письмо в «Живопис<ное> обозрен<ие>». Накануне ряжен у Папокристо. Веч<ер> сегодня у Воллк-Ланевск<их>.

15 января 1894 года. Суббота

Сегодня день рождения Леры Воллк-Ланевской. Я ушел из гимназии с первого урока. Надоело сидеть. Прихожу к инспектору, говорю: «Отпустите домой». Положил руки на лоб, спрашивает: «Твоя как фамилия — Кириенко-Волошин или Волошин?» Говорю: «Волошин». — «Ну, коли Волошин, то иди!»

В час отправился к Воллк-Лансвским поздравить. Стихотворение для этого случая приготовил. Находился в страшном недоумении, каким образом отдать его. Алексеев советовал взойти, остановиться на пороге, торжественно продекламировать его и затем поднести. Я тоже придумал способ: когда буду здороваться, сунуть его в руку, как обыкновенно дают гонорар докторам, или же сделать таким образом: поздравить, а потом сказать: «А вот мои пожелания, я тут на отдельном листочке записал». Но мне это никаким образом не удалось. Во-первых потому, что дверь мне открыла сама Вал<ерия> Альф<онсовна>, а потом я сам сконфузился, сам

не знаю чему. Сидел, сидел, все думаю, как же я стихи поднесу. Отвечаю на вопросы невпопад. Наконец решился — говорю: «Вот, В. А., написал я вам стихотворение. Только совсем не знаю, как поднести, советовали мне и так-то, и так-то, но мне, как вы видите, не удалось никаким способом из этих поднести». Сидел вообще недолго, скоро распрощался.

Пошел на бульвар. Встретился со студентом Харлампидием, провожал его до дому, разговаривал с ним. Он мне очень нравится. Очень славный.

Благодаря Яшеровой, которая меня потащила с собой, я явился первый на вечер к Воллк-Ланевским, по крайней мере, за полчаса до прихода остальных. Собирались вообще очень медленно и вяло. Сперва, как обыкновенно, барышни держались как-то отдаленно от кавалеров. Народу набралось очень много. Из барышень новые были: Налбандовы, Рогальская, Фаня Короленко и Кушнерева. Начались танцы. Танцевали очень много, я в особенности. Приходили маски, но их приняли очень холодно, так что они потолкались с четверть часа и удалились. Первую кадриль я танцевал с Ольгой Массаковской, вторую с Рогальской. Она мне очень нравится. По росту ей можно дать самое большее лет двенадцать, хоть ей уже семнадцать лет. Она очень симпатична и на еврейку не похожа совсем. Ее можно даже хорошенькой назвать. Поэтесса мне страшно за этот вечер надоела. Дал себе слово с этого времени стараться как можно реже с ней встречаться.

За ужином я прочитал стихотворение поздравительное. Сидел я в уголке вместе с Мурзаевым. Так как меня все угощали вином, у меня закружилась голова после ужина. Потом снова были танцы. Интересный разговор с Налбандовой — она мне говорит, что она постоянно ведет список ученикам и ученицам, влюбленным друг в друга. Я был удивлен. И она мне говорит: «Ну, скажите, а разве вы сами не записываете этого?» Какое странное убеждение!?!?!

Разошлись в четыре часа утра.

16 января 1894 года. Воскресенье

Встал в два часа. Голова болит, не знаю отчего. Пошел к Алкалаевым, но долго там не высидел, воротился домой. Вечерком отправился к офицеру Абаджи-Кирикимчаеву. Он меня давно уже приглашал заходить к нему посидеть вечерком. Сидели мы долго. Говорили. Все время имел удовольствие слушать, как за стеной ругалась с кем-то Яшерова. Он мне рассказывал свои воспоминания о Болгарии. Своей родине, где он родился и вырос. Он был в Болгарии во время войны 1877 года. Он очень живо и интересно рассказывал, как защищался их город, и с каким энтузиазмом встречали они русские войска, когда те вступили в их город. И какое впечатление произвел на него молебен по вступлении русских войск, который начинался словами: «Слава в вышних Богу, а на земле мир и в человецех благоволение». Я непременно попрошу его рассказать это как можно подробнее. Это такой великолепный сюжет для повести! Я непременно постараюсь ее написать.

31 января 1894 г.

[Черт знает, что происходит последнее время. С][7]

Человек это яйцо, в котором во время его существования все более и боле<е> зарождается и развивается новая жизнь — душа. Смерть есть то же рождение, только это рождение духа, а не тела. Душа настолько же себя не сознает в первые моменты после смерти, как и человек не сознает себя во время рождения. И в том и в другом случае энергия должна освоиться со своим положением.

<Список выданных для чтения книг>

1) «Дав<ид> Копперф<ильд>» I т. — Пешковский.
2) «Домби и сын», II т<ом>. — Рогальские.

---

[7] На этом запись обрывается.

3) «Холодн<ый> дом». III <т.> — Кап<итанаки?>.
4) «Наш общ<ий> друг», IV <т.> — Гончарова.
5) «Крошка Дорр<ит>» — Гессел (?).
6) «Записки Пикв<икского> кл<уба>», VI <т.> — Калитин.
7) «Никол<ай> Никльби», VII <т.> — Дома.
Помялов<ский> — Спитков<ский>.
Гейне «Книга пес<ен>» — Пешков<ские>.
«Лютеция» Гейне — Воллк-Ланев<ские>.
Байр<он> «Дон Ж<уан>» — Гермут (?).
Достоевский XI т. — Воллк-Ланев<ская>.
Короленко В. — Сниткова.
Скабичев<ский> — Туркиянц.
Тургенев — Лаппо-Данилев<ский>.
«Брат<ья> Карамаз<овы>» — ?
Помялов<ский> — Крыжевский.
Помяловский <?> — Соломос.
Шерр, I <том> — Гауфлер.
Теккерей, IV <том> — Айвазовской.
Доде, III <том> — <у> мамы.
Короленко — Ги<н>дилевич.
«Холод<ный> дом» Дик<кенса> — Капитанаки?
«Наш общ<ий> друг» — Гончаров.
Гейне «Лютеция» — Вол<л>к-Ланев<ские>.
Достоев<ский>, XI т<ом> — « — « — «
Бертолотти — } Махов
Шиллер, III <том> — }
Доде — Минко
Доде, VII — Капитанаки
2 тома Достоевского — }
«История земли» — « — « } Сниткова
«Физ<иология> смеха» Спенсера — « — « }
«Урания» Флам<м>арио<на> — « — « }

<1897>

27 апреля 1897 года

Где-то я встретил такую мысль: молитва имеет тот смысл, что это отчет в прожитом дне, самопроверка. Я начинаю этот дневник с тем, чтобы он заступил мне место молитвы. Я чувствую, что последнее время, особенно этот последний год, я чрезвычайно мало подвинулся в своем развитии и самосознании. Пусть этот дневник послужит искусственным фактором к развитию самосознания. Это одна причина. Другая же та, что мне интересно сохранить себе себя и свою жизнь. Поэтому я и начал дневник теперь, перед самыми экзаменами. Аттестат — это первая из поворотных точек моей жизни, если не считать переезда из Москвы в Феодосию, который, как я уже давно вижу, произвел громадные перевороты во мне. Тем интереснее будет сохранить об этом память.

Я еще не испытываю экзаменационной горячки. Будучи на Пасхе в Коктебеле, я испытывал гораздо больше волнения, чем теперь.

Когда я сегодня проснулся, первым звуком, долетевшим до моего уха, был сдержанный плач в соседней комнате. Саша уже проснулся и тоже, по-видимому, прислушивался. «Что это? Кажется, кто-то плачет в комнате рядом?». Жорж, уже вставший и одетый, вышел из комнаты и через несколько минут вернулся: «Знаете, — этот офицер только что бил своего денщика — это он плакал. Он мне только что рассказал об этом». Мы были все сильно возмущены. «Собственно, нам бы следовало донести полковому командиру. Но неловко гимназистам, да и нельзя», — сказал Саша. «По-моему, следует ему сделать намек на это за обедом. А потом я расскажу обо всем Андрею Васильевичу», — заметил Жорж.

Меня этот факт ужасно возмутил. Вообще, я замечал за собой, что если мне приходится слышать о каком-нибудь унижении человеческой личности, то в груди у меня что-то

так и подымается. Но это не есть альтруизм, потому что для того, чтобы сознать всю гадость подобного поступка, мне необходимо поставить себя на место страдающего субъекта — и тогда я только и возмущаюсь искренно. То же чувство бывает у меня, когда мне говорят, что кто-либо или что-либо заставит меня то-то сделать. Любовь ли это к свободе и к ближнему, или просто эгоизм?

На Андрея Васильевича сообщение об этом факте не произвело впечатления, и он сказал Жоржу, что это и раньше известно было. Я, по обыкновению зарвавшись, сказал потом Саше, что поражаюсь, как в таком случае Кадыгроб держали его на квартире. Этот спор прекратило то обстоятельство, что пора было идти в гимназию на молебен. В гимназии ко мне подошел Мурашев и таинственно сообщил, что он вчера, роясь между бумагами Морозова, нашел наши темы по греческому и в заключение попросил написать ему на завтра сочинение. Когда я стоял в церкви, пришла неожиданно туда мама. Мы были потом с ней у Петровых, а затем она сидела у меня. По ее мнению, истории с офицером не следует оставлять и, если мы не хотим начинать дела, то можем просто пригрозить, что донесем на него. Затем разговор перешел на «Оправдание добра» В. Соловьева, а отсюда Саша перешел к вопросу, имеет ли право он воспользоваться добытой темой для получения медали. Мама сказала, что, по ее мнению, это компромисс вполне простительный, так как он не приносит никому вреда.

После отъезда мамы у нас был длинный разговор о компромиссе, который теперь уже я не в состоянии передать, хотя он оставил по себе очень приятное впечатление: общая судьба подобных разговоров. Между прочим, Саша мне сообщил, что он для истолкования характера Алек<сандры> Мих<айловны> начал на Пасхе изучать психиатрию. Алек<сандра> Мих<айловна> опасается, что Саша сойдет с ума, и считает его ненормальным, причем тщательно скрывает, конечно, это от него, а он, в свою очередь, находит в ней

целую систему психических болезней. Это мне напомнило, как мне Лера рассказывала, что она была влюблена в Сашу, когда он только что приехал, что он поражал ее особенно своими самостоятельными взглядами в музыке и спартанской краткостью своих ответов; Саша же говорил мне через несколько дней, что два года тому назад он был с ней в таких отношениях, что готов был влюбиться, и ему казалось, что и она готова была. Это, значит, было через два года после того, как она сходила с ума по нем.

«Они уже умерли оба и сами не знали о том».

Вечером был у Александры Мих<айловны> и писал обещанные сочинения.

28 апреля

«Макс, я наконец решил насчет греческой темы», — сказал мне сегодня Саша. — Я не имею права ею воспользоваться. Я вчера после нашего разговора все время об этом думал, так что даже не мог заниматься с Колей. Когда пришел Жорж, я стал с ним об этом говорить — он мне сейчас же начал говорить, что мне, конечно, следует воспользоваться темой, и вот тут-то у меня в голове так в<д>руг и просветлило, и я решил, что не имею права пользоваться таким средством для получения медали. Медаль ведь только доставит мне удовольствие, и то, что я получу медаль, не принесет пользы никому. Следовательно, я не имею права вступать в этом случае в компромисс. Вот тебе — другое дело. Тебе нужно воспользоваться темой, чтобы получить не медаль, а аттестат; а получивши аттестат, ты можешь потом принести пользу обществу».

— Да, хорошо: но принесу ли я эту пользу? Вдруг я по окончании неожиданно умираю: тогда ведь компромисс, в который я вошел, является преступлением. Помнишь тот вчерашний пример о чиновнике, пользующемся кассой с тем, чтобы возвратить взятое? Ведь компромисс может быть

только тогда абсолютно справедливым, когда человек обладает даром безошибочного предвидения. Выходит так.

— Мне кажется, что тут большую роль должен играть голос совести, а рассуждая так, как ты рассуждаешь, снова совершенно запутаешься.

Этот разговор происходил утром. Все утро до обеда я сидел дома и занимался геометрией, хотя работалось очень лениво. Я чувствую, что, пожалуй бы, и вовсе не работал, если бы не стыдился присутствия Саши и Жоржа. После обеда мы с Жоржем пошли к Воллк-Ланевским. Саша обедал у Петровых. Предварительно мы зашли к Мышкину, а я заходил к Юрию Андреев<ичу> за Белинским. У Воллк-Ланевских сыграли партию в крокет. Затем был на уроке. В 7 часов у нас на квартире было назначено собрание всего класса, для того, чтобы сообща составить план того, как нам сидеть на экзаменах. Прихожу домой — у нас толкотня страшная. Комната полным полна. В воздухе облака дыму и страшный гам. Говорят все сразу, никто никого не слушает: словом, то, что обыкновенно у нас бывает. У нас был такой крик, что прохожие даже останавливались перед домом. Кое-как составили план и разместили всех. Тогда Алкалаев заявляет, что он не желает сидеть на том месте, где ему указали, и хочет сидеть ближе к Саше. Почти целый час прошел в разговорах об этом. Весь класс показал самым явным образом нелюбовь к Алкалаеву. Действительно, сегодня он снова явился в ореоле своего эгоизма. У нас есть много чрезвычайно слабых учеников, гораздо слабее его, а он, тем не менее, во что бы то ни стало желал захватить лучшее место. Уже все разошлись — он все еще оставался у нас. Тут оказалось, что он подозревает, что Жорж и я, около которых он сидит, из вражды к нему, не окажем ему помощи на экзамене. Хотя мы ему и объясняли, что он для нас на экзамене не Алкалаев, а просто товарищ, которому следует помочь, но он, очевидно, не поверил этому. «Если меня посодят там, то я стану шумить и меня пересодят на другое место». — Ну, в таком случае, никто из товарищей

тебе ни слова не подскажет и ничем не поможет, так как таким образом ты подводишь другого товарища, которого сажают на твое место, или даже нескольких, если это хороший ученик. Ведь из-за тебя несколько человек могут лишиться аттестата. Саша, ты будешь ему помогать в таком случае? — «Нет. Тогда я не имею права». Он долго сидел и ворчал. Наконец, я его выгнал тем, что поцеловал его. Он страшно обиделся и моментально исчез.

Офицер Лебедев завтра уезжает из Феодосии, так что истории, очевидно, начинать не стоит. Начну ли я завтра заниматься? Вот вопрос. У меня совершенно нет охоты. Есть некоторые квартиры, в которых как-то ужасно неудобно заниматься. Т. е. это не квартиры, а обстановки. Настоящая обстановка — одна из тех. Ужасно неприятно, что приходится теперь жить втроем. Наша хозяйка поступила очень неделикатно. Только что, между прочим, выходя в коридор, столкнулся с Лебедевым. «Вы уезжаете сегодня ночью?» — «Да», — и он мне так мило пожелал спокойной ночи, что язык не повернулся что-нибудь сказать о вчерашнем мордобитии, и <я> с большим чувством пожал ему руку и совершенно искренно и чрезвычайно дружелюбно пожелал ему счастливого пути. Черт знает, что такое! У меня никогда нет силы воли пр<от>ивустоять тону голоса. Тон оказывает на меня самое сильное влияние. Стоит только человеку, на которого я за минуту перед тем метал громы негодования, заговорить со мной дружеским тоном, — и вся злоба моя моментально исчезает и сменяется самой нежной симпатией. Не то же ли с Чураевым? Ведь сознаю, что он подлец, а стоит ему заговорить, и я ему симпатизирую.

29 апреля

Какая ночь! Я только что стоял на балконе. Свежий морской ветерок, густая лунная тень от дома на тротуаре, белесоватые полутона деревьев, перспектива улицы, сливающаяся вдали в одно неясное пятно, легкий силуэт судна у берега

и тихие звуки засыпающего города… Какое-то странное полугрустное, пол у мечтательное и очень хорошее настроение. Все чувства и мысли приобретают особенную мягкость и гармоничность, тоже переходят в полутона. Стремление к чему-то хорошему, мечты о прошлом и о будущем, легкий трепет шевельнувшегося ветра и беспричинные слезы, почему-то подступающие к глазам… Все это было внезапно нарушено Жоржем: «Отчего ты не занимаешься? Ты сегодня ведь почти ничего не делал. Что ты думаешь?» Я страшно разозлился и ответил очень резко: «Я не понимаю, кому какое дело до того, что я делаю что-нибудь или не делаю». — «Я должен тебя предупредить, если ты такой ребенок, что сам этого не понимаешь».

1 мая

Возвращаешься вечером домой, и нападает тоска. Приходишь как в казарму. А что может быть хуже казармы? Казарма — это уничтожение личности, олицетворение деспотизма и социальных фантазий всех времен о равенстве. Жить втроем, как мы теперь, это уже казарма. Я находил себя стесненным на той квартире, когда мы жили в комнате, отдельной от Жоржа, а теперь я чувствую себя буквально скованным. Я теперь не могу никогда ни одного слова свободно перемолвить с Сашей. Впрочем, сегодня утром мы довольно долго говорили, сидя на балконе, когда Жоржа не было. Говорили об Ал<ександре> Мих<айловне> и об ее новом пристрастии к карточным играм. «Ты знаешь, — говорил Саша, — мы вчера весь вечер провели в том, что играли в блошки. Я, между прочим, узнал теперь, что это слово настолько прилично, что его можно употреблять в обществе. Я теперь буквально теряю уважение к Ал<ександре> Мих<айловне>: ты подумай, ведь она нас с тобой уважает. И я буквально ее внезапную страсть к кабале объясняю тем, что она теперь видится так редко с нами. При нас она совсем

не прибегала к играм. Это очень зависит от того, в каком обществе она находится. А общество… Этот Густав, да и все Дуранте, все они ведь, даже Елен<а> Вик<ентьевна>, — барышни в кавычках. Только вот Крым образованный человек. По-моему, тот человек, который так быстро ассимилируется, не обладает сильным характером».

Мы довольно много говорили на эту тему. Когда разговор уже кончился и я уходил с балкона, Саша неожиданно остановил меня и сказал трагическим шепотом: «Да, я еще хотел тебе сказать: мне Жорж противен». — «Я тебе глубоко сочувствую». — «Я сегодня попрошу хозяйку, чтобы она отдала нам еще комнату, хоть пока жильцов других еще нет. Собственно, это просто неделикатно с ее стороны поместить нас в одну комнату, даже не предупредивши. А между тем, когда она искала квартиру[8], я ей несколько раз говорил о том, что мы бы хотели непременно иметь, как и раньше, отдельную комнату».

Завтракал я у Соломос. Пришел якобы для того, чтобы заниматься, и абсолютно ничего не сделал. Там же я и обедал. После обеда приходит туда и Саша.

…И входит он, любить готовый
С душой, открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.

Этот стих все вертится у меня в голове вот уж третий день. Это мне открылось из Лермонтова третьего дня, когда я сидел вечером у Ал<ександры> Мих<айловны>. Мне кажется, что это очень подходит к настоящей эпохе моей жизни.

7 мая

Сегодня был экзамен латинс<кий> пис<ьменный>. Позавчера был русский. Тема: влияние поэта на общество. Сначала я стал писать с увлечением, но после нескольких

---

[8] Вероятно, следует читать «квартирантов».

тщетных и отнявших очень много времени попыток написать и подбросить другим сочинение, на меня нашло окончательное затемнение, так что я не мог вытянуть из себя буквально ни одной мысли. Я разбирал поэта как голос общественной совести, а в главной части привел различные стадии общественного значения поэта: поэт-пророк, поэт-жрец, и — национально эпический певец; и — певец трубадур и, наконец, п<оэт>-писатель. Сегодня спрашивал Юрия Андреевича о сочинении: он сказал «очень хорошо».

На днях совершилось «событие»: мы с Сашей переселились от Жоржа. Наша теперешняя комната полутемная и душная, окном <в> коридор, но зато мы одни, и для нас снова наступили «петровские» времена. Жорж был чрезвычайно рассержен и раздражен нашим выселением, но теперь, по-видимому, примирился и к нам не показывается.

2 мая были в Феодосии мама и Пав<ел> Пав<лович> и уехали вечером в Ялту, чтобы оттуда вернуться пешком в Коктебель.

У меня не хватает во время экзаменов сосредоточенности, чтобы вести дневник. Поэтому на сегодня довольно.

9 мая

Утром занимался алгеброй. После обеда пошел к Соломос и оттуда вечером с Лидой к Лельевр. Был там в первый раз. Застал Юрия Андреевича. Он просил меня переписать несколько своих стихотворений, чтобы послать их с моим сочинением в округ. На мой вопрос, как наши сочинения сравнительно с прошлогодними, он сказал: «В прошлом году не было выдающихся сочинений, — были все больше на четверку, но были и чрезвычайно слабые, в этом же году очень слабых совсем нет, а пятерок будет больше. Впрочем, окончательно судить я еще не могу, потому что не успел прочесть всех».

Он скоро ушел, а после его ухода М<ария> Як<овлев>на и П<етр> Я<ковлевич> показывали мне две его вещи — одна

комическая поэма в стихах — «Красивые статуэтки», а другая замечательно остроумная пародия.

Вчера вечером был с Алек<сандрой> Мих<айловной> на волнорезе. Разговор о Натанзоне.

11 мая

Сегодня были в Феодосии мама и Пав<ел> Пав<лович>. Они уже вернулись из Ялты. Мамин рассказ о путешествии так раззадорил меня, что меня сейчас же потянуло в горы в путешествие. Да и не меня только раззадорил он, но и Сашу и Андрея Васильев<ича> и Евген<ию> Петровну. Так что мы решили сейчас же после экзаменов идти в Ялту. Мы — это, собственно, я и Саша. Хорошо, если бы мы пошли одни, впрочем, против Анд<рея> Васильев<ича> я ничего не имею, но Ев<гения> Петр<овна> будет представлять из себя излишнюю тяжесть и тормоз. Так мы птицы вольные — идем куда хотим, не стесняясь ни временем, ни дорогой, а тут я предчувствую на первом плане будут стоять сквозняки и сырость. Она с таким увлечением говорила сегодня об этом будущем путешествии, что я невольно сочувствовал ее сопутствию, но только в то время. Положим, я сильно сомневаюсь, чтобы она пошла — это окажется тем же путешествием в Иерусалим с Верой.

Пав<ел> Пав<лович>, я заметил, очень симпатизирует Саше. На мой вопрос, как ему понравилась m-me Пешковская, он ответил: «Самое симпатичное в ней то, что она произвела на свет Пешковского».

Вечером приходил Исар заняться с Сашей. После отправились пить пиво: последнее время это все больше входит в моду — первые признаки эмансипации.

Завтра геометрия. Я опасаюсь ее больше всех уже бывших экзаменов. Неужели же мне придется прибегать к посторонней помощи?

Вчера был у меня разговор с Алкалаевым — снова те же просьбы бывать. За последнее время он изменился и, кажется,

к лучшему. Я, может быть, пойду к ним. Вечером вчера сидел у Алекс<андры> Мих<айловны>. Разговор шел все загадками. Например: «Я по отношению к вам солнце, которое согревает растение, а вы по отношению ко мне паук, пожирающий муху». Или: «Сколько я из-за вас вынесла. Впрочем, вы не виноваты. И самое комичное в этой истории, что все происходило молча: я ничего не знала и вы тоже, и третье лицо (это не Алек<сандра> Мих<айловна>), и грозовые тучи постепенно и безмолвно собрались над моей головой, и так же безмолвно разошлись. Бывают же такие молчаливые бури. Впрочем, я ничего вам теперь не скажу, может, после когда-нибудь».

Когда я рассказал Саше это, он просто из себя вышел: «Ну вот, вот! Она всегда так. Я бы на твоем месте сию же минуту бы ушел. Это значит, что она все-таки не считает нас достойными доверия».

17 мая

Инцидент со Спитковским по поводу направления Мантелевой работы получил совершенно неожиданное значение: ему решено поставить в аттестат 4 за поведение. Я это узнал вчера. Вообще вчерашний день был для меня рядом неприятностей. Первой из них была психологическая и непонятная обида Алек<сандры> Михайл<овны>. Затем у Воллк-Ланевских я узнал о Спитковском и, наконец, вечером весь дом переполошился по поводу истерики Евген<ии> Петр<овны>.

Сегодня я был разбужен Волод<ей> Алкалаевым: он пришел меня звать к себе, чтобы переговорить с Люб<овью> Ильин<ичной> по поводу дела Спитков<ского>. Это был удобный повод для возобновления знакомства, и я пошел. Разговор о способе действия. Лев Вик<ентьевич>. После обеда я отправился агитировать к m-me Лампси. Она приняла мою просьбу сочувственно и выразила готовность помочь. Айвазовский теперь в Шах-Мамае, где завтра будет и губернатор, так что она предложила написать Айваз<овскому> о деле Спитковского сегодня же для того, чтобы тот уже в свою

очередь сообщил об этом губернатору. Я с Жоржем составил для нее краткое изложение сути дела, которое она пошлете письмом к Айвазовскому.

Вечером ездил с Володей на дачу к Альбрехт<у> с тою же целью. «Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo». Если боги (Айвазовский и пр.) не захотят принять участия, то нужно возбудить общественное мнение, и тогда оно сможет повлиять.

Завтра сажусь за Закон Божий и погружаюсь в изучение его — брр… р… р…

18 мая

Неожиданный и невероятный оборот дела. За мной присылают от Лампси: «Иван Констант<инович> просит вас, если вы можете, с кем-нибудь из ваших товарищей, по вашему выбору, завтра приехать в Шах-Мамай, чтобы лично поговорить о деле Спитковского. А также он хочет узнать, как относятся гимназисты к удалению Галабутского. Согласны ли вы?» Я сказал, что окончательный ответ дам в 9 часов вечера. Предложил ехать, конечно, Саше, на что он почти тотчас же согласился. Другие события дня: приезд Минко и письмо к Алекс<андре> Мих<айловне>. Последнее имело успех — она расхохоталась, чего я и добивался. Мир заключен заочно, так как я не успел быть у нее. Завтра придется учить Закон Божий по дороге, так как сегодня ничего не сделал. Да и сейчас нужно заниматься.

19 мая

Только что вернулся из дипломатического путешествия в Шах-Мамай. Встали мы с Сашей сегодня в 6 часов, и я сейчас же отправился искать лошадей. Собиралась гроза, и, пока я искал и бегал по городу, разразился такой ливень, что нечего было и думать о поездке. Решили уже отложить на завтра, но Спитковский, придя часов в девять, уговорил нас ехать. Мы

поехали в $9^{1}/_{2}$ часов, решив пренебречь советом Алек<сандры> Иван<овны> не опоздать к завтраку, ввиду дурной погоды. Сперва в начале пути мы составляли план действия: как отвечать и что говорить. Мы предполагали, что он хочет нас видеть, чтобы расспросить об историях, происходящих в гимназии, затем перешли к Алек<сандре> Мих<айловне>. Старая и вечно новая тема.

К Шах-Мамаю мы подъехали в час. Айвазовский нас встретил на террасе и довольно милостиво, несмотря на то, что мы опоздали к завтраку, предложил нам закусить. За столом у нас происходил следующий разговор:

Айв<азовский>. Я вас пригласил, господа, потому, что хотел поговорить с вами относительно последней истории в вашей гимназии, т. е. об удалении этого учителя…. как его?.. Гала… Галабутского… Да… Так я слышал, что у вас какие-то волнения там…

Я. Волнений между учащимися нет: вы неправильно поняли. Алек<сандра> Ив<ановна> употребила в письме слово волнения в том смысле, что гимназисты очень огорчены отставкой лучшего и любимейшего учителя.

Айв<азовский>. Да… Так вот, я хотел предупредить через вас других учеников, чтобы они не устраивали никаких демонстраций против директора, потому что это может только повредить Галабутскому. Я же лично в этом деле не могу ничего сделать, так как я недавно беспокоил министра по поводу постройки нового здания гимназии, и я не могу больше его беспокоить. Галабуцкий поступил, конечно, благородно, но ведь другие же подписали эту бумагу, — так следовало и ему. Зачем непременно выделяться? Да, и он еще там что-то писал попечителю и обвинял директора, что он не ту форму бумаге придал. Ну, видите ли, это неудобно. Придется уже примириться с его удалением. Я вообще… я держусь взглядов… я, собственно, не… не… не…

Мы находились в большом затруднении. Он, очевидно, никак не мог подобрать слова и ждал, что мы ему подскажем,

а мы совсем не знали, за кого он себя желает выдать — за либерала или консерватора. Наконец, он вспомнил: «Я не сторонник деспотизма и сознаю, что у нас в России совершается много неприятных вещей, но что ж — сознаешь это, а нужно все-таки примиряться. Ведь вот в Академии художеств был совершенно такой же случай с Куинджи».

Когда он кончил рассказ о Куинджи (очевидно, он либеральничал), Саша спросил его о деле Спитковского. «О, это дело я улажу, это я сделаю».

Затем он ушел, оставив нас завтракать. Было ясно, что он предполагал, что в гимназии чуть не бунт, и положение его было довольно комично, когда он узнал, что все спокойно. Когда мы позавтракали, он позвал нас к себе в студию.

24 мая

Теперь 4 часа утра. Я сижу одетый в своей комнате. Жорж на террасе с Евг<енией> Петр<овной>. Ей дурно, она плачет. Началась семейная история. Что из этого выйдет? Все остальные спят.

Светает.

11 сентяб<ря> *1897*

За это время был долгий перерыв. С сегодняшнего дня начинаю дневник снова. Получил сегодня утром письмо от Алекс<андры> Мих<айловны>. Милое и хорошее письмо. На такие письма приятно и хорошо отвечать. Недаром мне вчера вечером все Феодосия вспоминалась.

12 октяб<ря>

Религия — это занавеска — иногда пестрая и красивая, иногда грязная и ободранная, которою люди стараются скрыть от себя страшное неизвестное. Большинство боится взглянуть прямо в эту неизвестную тьму, как дети, которые боятся заглянуть и войти в темную комнату.

<Дневник 1900>

27 мая

Варшава. Выставка.

Макс Клингер — гравюры (Ева, Драмы).

Ваврженецкий. Скалы и зеленая трава с тропинкой — воздух, прозрачность и продол<говатые> формы.

Мартирология и подраж<ание> Штуку.

Вильжинский. Портрет девицы (глаза).

Виске (рассвет).

Саксонский парк, напоминающий Версаль. Деревья и аллеи Ватто. Толпы народу и фонтан.

29 мая

Переезд через границу. Немецкая пунктуальность и привыч<ки> (ленточка). Столпотворение языков: типы, кроет <?>, коновал, морав — еврей (шпион?). Молодой поляк. Общительный немец. Пиво в задней комнате на вокзале в Люнебурге.

29 мая

Вена. Собор св. Стефана.

Я чувствую, что во мне говорит что-то новое и необычное. Музыка застывает между стенами собора в виде разноцветных стекол. Музыка и стекла превращаются в одну гармонию. От нее веет старой могучей средневековой верой. Жаль, что весь этот прекрасный мир, сплетенный из веры, музыки и искусства, рушился. Он настолько красив, что я чувствую возможность верить в него, как Шатобриан, только за его красоту. Разноцветные стекла отделяют от существующего мира и заключают душу в этом нестаром, созданном человеком, мире, в мире, окруженном прозрачными стенами, мире, в котором камни <?> превращаются в растения,

в котором колонны дают ростки в стороны и их стебли скрещиваются и сливаются в необыкновенные кружевные узоры на потолке. Орган раздвигает стены храма и уносит душу не сквозь пространство, а сквозь время. Против меня узор<ная> каменная кафедра, прилепившаяся к колонне, как гнездо ласточки. Ее каменно<е> строение так же сложно и красиво, как жилки в дубовом листке. Музыка кончилась, и дух средневековья отлетел <?> от собора и снова осталось одно собрание безжизненных произведений искусства. Толпа расходится…

Венская галерея. 2 портрета Деннера (старческая кожа). Габриель Макс (Весенняя сказка). Тип женщины, повторяющийся у Рубенса, — белокур<ые> прямые волосы, нос горбинкой, светлые глаза, белокур<ый> румянец на лице. Карт<ина>: «Мир». Пред этим был на башне св. Стефана. Вена и сверху далеко не так красива, как Париж, но вид дивный.

Сижу в круглой зале музея, сильно болит голова и лихорадит.

Шёнбрунн — полный упадок сил и изнеможение.

13 июня

Раннее утро. Дунай. Горная местность. Вся вода кипит серо-желтыми водоворота<ми>. «Der blau Donau» оказывается совсем желтым, а «тихий Дунай» очень бурным. Кругом горы, покрытые лесом, частью отлогие, частью скалистые. Осыпи и обрывы розовеют от утреннего света. По берегам уходят назад маленькие городки с остроконечными церквами, притиснутые горами к воде. Там, где берег плосок, он покрыт садами и купами деревьев. На скалах здесь и там встают замки, их каменные скелеты отчетли<во> черными силуэтами рисуются на небе.

Свежий ветер. Утро. Рано.
Дышит мощная река.
В дымке синего тумана
Даль прозрачна и легка.
В бесконечных изворотах
Путь Дунай прорезал свой.
И кипит в водоворотах
Мутно-желтою волной.
И душа из тесных рамок
Рвется дальше на простор…
Вон встает старинный замок
На скалистом кряже гор.
Уплывают вдаль селенья,
Церкви старые видны,
Будто смутные виденья
Непробудной старины.
Эти стены полный ласки
Обвивает виноград.
Как глаза [трагичной] античной маски
Окна черные глядят.
И рисуется сурово
Их зловещий силуэт,
Как забытого, былого
Грозный, каменный скелет.

15 ию<ня>

Мюнхен. Сецессион.

Лейстиков. Сосновый лес, вечер и вода.

Янк. Яркое вечернее освещение и фигуры, выходящие из рамы в голубом фонаре сумерок.

Тон. Скульптурный портрет девочки из глины.

Сегантини. Плен-эр (точки). Козел и собирание сена с горами на задн<ем> плане.

Принц Луитпольд Баварский.

---

16 июня

Новая Пинакотека.
Габ<риэль> Макс. С<т>игматы. Катерина Эмерих.
Сегантини. Плен-эр. Пашня в горах.

17 июня

Обер-Аммергау. Мистерии.
Два выстрела. Музыка.

28 июня. Сондрио

Вчера отделился в Бормио от своих спутников, т<ак> к<ак> ахиллесово сухожилие разболелось окончательно, и, сев на дилижанс, отправился на Комо. Бормио — это скверный итальянский городишко, но только без Италии, т. е. без того неба, тепла и растительности, которые делают в Италии все красивым. В нем высокие грязные дома, нелепо сложенные из дикого камня, узкие норы между ними, которые называются улицами и носят громкие названия: «via Galileo, via Garibaldi, piazza Cavour и т. д.». Он лежит почти на 1500 м над ур<овнем> моря. В типе жителей мало итальянского. Когда я спускался вниз по долине в классически-скверном итальянском дилижансе, напоминавшем мне Гейне и Андерсена, лица становились смуглее и красивее, растительность богаче и роскошнее, горы кудрявее и синее. Каштановые леса придают особенную мягкость и пушистость горам. Перед Тирано показались виноградники, которые, как редкое вязаное зеленое трико, покрывали плотно склоны, и из-под них сквозило черное тело земли. Когда я ехал от Тирано к Сондрио, вечерело. Голубые массы гор на ясном небе, покрытом чистыми переливами заката, казались удивительно легкими и воздушными. Полукрасок и полуочертаний не было. Все было поразительно отчетливо до самых тонких линий темневших верхушек тополей. Зато голубо<й> цвет на горах менял тысячи оттенков, и чем дальше, тем он становился глубже,

мутнее и воздушнее. Между пушистой зеленью на горах мелькали белые зданья и церкви. Раз горы и раскрылись, и открылась огромная скалистая вершина, покрытая снегом, зубчатые скалы которой розовели от заката. Потом совсем стемнело и от лугов пахло речной сыростью. В Сондрио по улицам ходили горожане, и в окно ворвалась масса пестрых итальянских звуков. Только тут я почувствовал, что я в Италии. Сегодня утром я гулял по городу. Там прелестная платановая аллея. По всему городу идут приготовления к празднествам: по улицам ходят солдаты с музыкой, молодые люди поют, гуляя длинными шеренгами; строятся какие-то деревянн<ые> постройки и украшаются зеленью. Оказывается, что здесь завтра будет праздник велосипедистов. В этот же день я приехал в Колико и там купался. 29-го я выехал в Милан. Утром по Комо. Беклиновские мотивы всюду. Ивы, свешивающиеся над озером, и помещения для лодок под террасами. В Милане снова собор вечером. Золотистый оттенок купола.

30 июня. Милан. Кампо-Санто

Медная девочка в длинной рубашке в позе глубокой усталости и горя на траве около простого деревянного креста. Худенькие ручки. На кресте: «Margerita… paradiso…». Солнце… Темные кипарисы… пахнет цветами, а между камней, как маленькие черные молнии, бегают ящерицы… Тихо.

Хорошо иметь дар Пигмалиона и одним поцелуем обращать холодные статуи в живых людей. Я тог<д>а непременно поцеловал бы эту девочку.

Рассматривая памятники, не нужно смотреть на надписи и на портреты — все очарование пропадет при виде мещанских лиц и пошлых надписей.

Вершина собора… жарко… солнце раскалило камни… Внизу красные кровли Милана и узкие тенистые щелки, по которым движутся люди. Огромное влажно-зеленое кольцо

Ломбардии, разомлевшей от солнца, подернутое по краям голубой мутью. Гор не видно за потоками лучей. На западе голубой мути больше: она как пода залила все, и только отдельные вершины деревьев и зданий выделяются из нее. На юге ясные очертания башен Чертозы. Снизу доносятся смутные отголоски органа… Жарко… (5 часов дня).

1 июля. Cenacolo Vinciano

Все в ней стройно и соответственно, как в математической выкладке. Не столько сами треугольники имеют соотношение, но и различные части их. По обе стороны Христа идут волны чувства, так, что соответственно волны взаимно противуположны. Безусловно поверившему Иоанну, который относит<ся> к сказанному, как к случившемуся, соответствует спрашивающий и сомневающий<ся> Фома. Гневному и действующему Петру — пассивный от недоумения Иаков Младший. Смущенному, лицемерному Иуде — Филипп, желающий всю душу выворотить наизнанку, для того, чтобы показать, что она чиста.

Brera. Бонифачио, Нахождение Моисея (№ 209, зала III). Лицо девушки, подающей Моисея. Я очень ясно представляю себе се характер и манеры. Она ослепительно хороша и кажется ужасно гордой благодаря своей застенчивости. Замечательно ясно представляется мне, как она обратится к маленькому шуту-карлику и вдруг ее неприступность отлетит и останется один ребенок. Это Аглая в «Идиоте».

2 июля

Становится жарко и скучно одному. Заходил сегодня утром на выставку ломбардской живописи XIX ст<олетия> — очень бледно и неинтересно. Есть несколько картин Сегантини, но они как-то тусклы и невыразительны. Искал портретов Ады Негри и нашел три экз. Портреты известные. В Италии ее портреты очень трудно достать, так как она

запрещает их продавать. Сведения об ней очень смутны. Живет она в местечке Биела около Турина. Но никто не знает даже ее теперешней фамилии, хотя, как мне говорили в магазинах, у ней должно быть здесь много знакомых. Мне дали адрес одного адвоката (Майно), который се знает, и я заходил к нему, но он, оказалось, уехал в Рим.

Я опять пришел на кладбище к худенькой черной девочке около маленького креста с двумя елками. Она так же сидела на траве вся залитая солнцем и казалась такой маленькой и скромной между этими великолепными сверкающими мраморными памятниками и такой северной со своими двумя елочками под этим ослепительным южным солнцем. Ей было бы место в каком-нибудь русском лесу, а не на этом миланском кладбище.

Другой дивный памятник, второй раз уже притягивающий меня к себе, — это фигура мертвой девушки с распущенными волосами, лежащая на постели. Голова ее лежит высоко на подушках. Тело се покрывает до половины тяжелое покрывало, падающее большими складками и обрисовывающее тело. Грудь се и руки обнажены. По краям большие оплывшие свечи с развевающимся пламенем. Покрывало и подушки сделаны из позеленевшей меди, а лицо и руки из коричневой бронзы. (Памятник фамилии Казати раб<оты> Бутти.)

A Campari Gaspare marito, padre, cittadino esemplare[9] = экземпляру мужа, отца и гражданина.

8 июля. Собор в Пизе

Он стоит на краю города на пустынной площади, заросшей травой. Теперь в нем прохладно и играет орган. Посредине висит знаменитая люстра, при помощи качанья которой

---

[9] Гаспаре Кампаре, образованному мужу, отцу, гражданину (*ит.*).

Галилей определил свои закон<ы> маятника. Я ясно представляю его себе, как он в жаркий солнечный день зашел сюда под прохладные своды. Верно, так же играл орган, он сперва наслаждался красотой в то время еще новой церкви. Потом он случайно взглянул на люстру, и снова началась беспокойная работа мысли, пробившей столько страшных брешей в прекрасном и законченном храме католически-средневекового миросозерцания, стройном, как эта музыка, которую я слушаю сейчас. Люстра эта наводит многие думы. Когда-нибудь и наше научно<е> миросозерцание застынет в таких же законченных архитектурно холодных формах. Человеческая мысль, принимая законченный характер, имеет свойство кристаллизоваться и умирать. Для того, чтобы зерно истины дало новые ростки, надо разбить этот прекрасный бриллиант мысли. И в настоящую минуту в этих прекрасных переливах музыки, которые властно подхватывают и уносят мою мысль, мне чудятся дивные оттенки и переливы разбитого бриллианта.

9 июля. Флоренция. Уффици

Джиотино. Dispositione di Croce.
Леонардо. Terta di Medusa.
Анд<алузская> д<еревня> Сартус Madonna.
Бюст молодого М. Аврелия.
Гвидо Рени. Сузанна.

10 июля. Флоренция

Видел сегодня Бронзового Кабана, описанного в сказке Андерсена. Он стоит около базарн<ой> площади, на которой больше всего продается соломенных шляп. Из его обтертой морды так же капала вода, а около валялись огрызки овощей. Это воспроизведение прекрасного мраморного антика, стоящего в Уффициях.

Прогулка по Viale dei Colli: Флоренция вся серовато-коричневая. Это любимый цвет флорентинцев. Все в ней,

кроме современн<ых> фасадов церквей и колок<ольни> Джиотто, поражает своей суровой простотой. Зданье Синиории с ее башней Вазари необыкновенно типично для Флоренции. Были в Санта Кроче.

15 июля. Рим

Жар свалил. Косые лучи и вечерние тени придали больше рельефности и жизни развалинам Форума. Арки над арками, стена за стено<й> спускаются развалины с Палатина. Растут, венчая своды арок, купы деревьев. Налево кусок стены Колизея. Сзади несколько грандиозных сводов, а между ними маленькая зеленая травка. Чувствуется грандиозность и высота.

Сегодня воскресенье. Всюду много народу, всюду раскопки. Не был ли он красивее, когда был просто Campo Vaccino в течение 14 веков. Только вчера на вилле Ланте я почувствовал впервые Рим. За окном была зеленая пропасть, а дальше Рим. Луна сияла без лучей. На горизонте мерещились горы. Тибр обозначался длинной вереницей огней.

Тихо и Форум молчит.
Тени проходят иные,
В воздухе ясно звучит
Ave Maria.
[Груды разбитых камней,
Стены, колонны, арки]
Арка… Разбитый карниз.
Своды колонны и стены…
Это обломки кулис
Сломанной сцены.
Кончена пьеса. Ушли
Хор и актеры. Покрыты
Траурным слоем земли
Славные плиты.
Здесь пьедесталы колонн,
Там возвышалася ростра,

Где говорил Цицерон
Плавно, красиво и остро,
[Ящериц быстрых семья
Между камнями ютится]
Между разбитых камней
Ящериц быстрых движенье…
Зной раскаленных лучей…
Струйки немолчное пенье…
Зданье на холм поднялось
Цепью изогнутых линий.
В кружеве легких мимоз
[Смелые очерки]
Стройные облики пиний:
Царственный холм Палатин…
Дом знаменитый Нерона…
Сколько [великих] блестящих картин,
Крови, страданий и стона!..
Смерклось… и форум молчит.
Тени проходят другие…
В воздухе ясном звучит:
«Ave Maria!»

Спит великан Колизей.
Смот<р>ится месяц в окошки.
Тихо меж черных камней
Крадутся черные кошки.
Это потомки пантер,
Скушавших столько народу
Всем христианам в пример,
[Римлянам древним в угоду]
Черни голодной в угоду.
Всюду меж черных камней[10]
Черные ходы. Бывало,

[10] *Было*: Всюду провалы и там
Темные ходы. Бывало
[В Риме по темным ночам].

В мраке [осенних] зловещих ночей
Сколько здесь львов завывало[11]
Тихо. Подохли все львы,
Смотрится месяц в окошки.
Странно чернея средь тьмы.
Крадутся черные кошки.

19 июля. Тиволи. Вилла д'Эсте

Старый парк. Мраморные почерневшие лестницы. Камни дрожат под ногами. Статуи, обвитые плющом и изъеденные временем. Остатки каменных лилий и остовы царственных орлов. Кипарисы и магнолии. Из-под ветвей необозримый вид <на> Кампанию и купол Петра на горизонте. Бесконечн<ые> лестницы, спускающиеся вниз под сводом ветвей. Галерея под сводом водопада. Мох на заброшенных алле<ях>. Богиня Кибела с сотнями оплодотворяющих сосцов. Полное запустение…

Вилла Адриана

Из XVII <в.> в Римский мир. Она вся тонет в кипарисах. Без конца тянутся развалины дворцов, академий и терм. Огромные, местами продырявленные круглые своды. Хорошо сохранились мозаичные полы. Есть обломки мозаики в красках поразительной красоты. Под развалинами подземные ходы. Если и тогда росли такие же могучие кипарисы, как красива была между ними стройная фигура Антиноя, задумчиво гулявшего между ними и об руку с Адрианом, отдыхавшем в этом великолепном дворце от забот правления.

---

[11] *Далее было*: *а* *Начато:* Ныне
б Все улетело… и львы
Все передохли. В окошки
Смотрится месяц. Средь тьмы
Крадутся черные кошки.
в Умерли страшные львы

МОГИЛА ШЕЛЛИ

Nothing of him that doth fade
But doth suffer a sea-change
Into something rich and strange
Persy Bysshe Shelley
Cor cordium

29 июля

Вчера: Помпеи и Везувий. Виды на горы из Помпеи. Проводники. Бесконечные торги на Везувии. Мальчишки. Новая дорога. Кратер. Корреспондентск<ий> билет. Спуск по пеплу. Разбойник. Страшный бег от Rosce ire casa до Помпеи. Сале<р>но ночью сверху. Темные комнатки. Сегодня утро у сапожника. Вид на море и на берег.

2 августа. Вершина Акрокоринфа

Прямо внизу под ногами деревушка, лежащая на месте древнего города, и несколько дорических колонн — единственных уцелевших от «многоколонного Коринфа». Дальше на берегу залива серые бугорки — современный Коринф — грязный городок. Истлийский перешеек виден ясно, а за ним синяя даль Этнского залива, на ней ясно выделились два маленьких серых островка, освещенных солнцем. Дальше смутные линии Саламиса и Этны. Налево над Коринфским заливом голубые силуэты Геликона. Парнас потонул в солнечных лучах. Сзади бесконечные долины и горы Арголиды и Аркадии, покрытые скудной растительностью.

Тишина. Около развалин Венецианских укреплений желтая сухая трава. Полная дикость и запустение.

17 августа. Коктебель

Певицы против Косцюшко:

Стояла наша купальня и паслась общая скотина и никто не загонял.

Бичевник, на который приезжала вся публика, пили тут чай, играли дети, стояли качели и приезжие фаэтоны. И все крестьяне, и феодосийская публика привыкли смотреть как на общее благо. Феодосийцы очень будут жалеть, если у нас отнимут берег два приятеля — Косцюшко и Гетманов. Были у меня две аллеи из акаций и дикий жасмин. Аллеи уничтожило стадо Юнге, которое послала экономка, несмотря на загородку. А дикий жасмин вырвал Косцюшко с приятелем. Прошу г-на губернатора обязать всех нас на этом месте устроить парк из туй, оставляя только пустым место против дома, чтобы не заслонять вид моря. А перед домом можно поставить качели, крокет и другие игры: для детей. От морской калитки шла дорога, по которой приезжали ко мне гости, фаэтоны стояли, кормили лошадей, обедали, чай пили, и отдыхали извозчики. Паслась скотина болгарская и Юнге. Наши коровы были привязаны, когда были у нас гости, а то тоже паслись с другими вместе. Дорога была обсажена жасмином и посыпана камушками. Мой человек косил сено. И вообще кроме меня 14 лет никто этим местом не распоряжался и не заявлял претензии. В 94 г. Юнге сеял ячмень, но после суда г-на Земского <начальника> над ним ничего не предпринимал. Косцюшко был свидетелем при суде и подписался под решением Земского <начальника>. И оба его служителя, которые рыли теперь. В 95<-м> Косцюшко разрыл канавы к морю, чем причинил много вреда и моему дому и погребам, налив в них воды. По приговору г-на Земского начальника должен был восстановить все в прежнем порядке. И дал письменное обязательство, и его двое служащих, не предпринимать без моего ведома ничего на бичевнике. И опять никто не предъявлял претензий, кроме меня, на бичевник. Оградите, пожалуйста, от самоуправства соседей иностранцев. Косцюшко особенно расхрабрился, сдружившись с богатым и могучим будто бы по связям товарищем. Купила дачу для моря, а меня как русскую иностранцы теснят и задерживают закончить все как следует.

Дорогою пользуюсь 14 лет. Ходила скотина болгарская против дачи Косцюшко — никто не загонял.

Как русская обращаюсь к русской власти.

Когда я еще не покупала, и не было оград, ходил весь народ везде. И болгары дали под баштан на одно лето, и вот он воспользовался этим, чтобы присвоить себе, будто бы за давностью; но, сколько берут в аренду даже землю, пользуясь ей даже за плату несколько лет, и то присвоить себе не могут. А этот самоуправец за одно лето пользования ею и то только против своего сада бесплатно завладел и даже продал, уверяя, что в России законов нету, а только играют главную роль деньги, кто богат, тот и делает, что хочет. Религии у него никакой нет, он возмущает весь народ, спаивая его водкой, сам, пьянствуя и вооружая против правительства.

Мы и так бьемся здесь с народом — они полиции не боятся, а он подстрекает их еще больше. Сам он указал мне, где ставить забор, а потом, когда я засадила все, он мне говорит — вы захватили мою землю, купите ее у меня, а это был солонец, а я сама удобрила, т. е. 250 с<оток ?> за 300 р. Я говорю, это дорого. Сам он покупал десятину за 7 руб., а он говорит: я вам уступлю дорогу от своей дачи, что и повторил в присутствии всех бывших свидетелей и г-на Бровко.

Я поверила его дворянскому честному слову по неопытности, никогда раньше не сталкиваясь с подобными людьми, как Косцюшко и его достойный товарищ.

Землемер не являлся, сколько я ни просила, отзываясь, что за такой кусочек не стоит приезжать.

Я теперь их обоих боюсь больше, чем Быстрицкого, и держу две мужских прислуги. Быстрицкой хоть боялся полиции. А эти оба никого не боятся. Придут на дачу и разорят и разграбят все, да и за жизнь свою и своей подруги боюсь.

<Сентябрь>

[Не имея возможности жить ни в одном городе без письменного вида].

Узнав неожиданно на практике, что жить без письменного вида в России воспрещается, имею честь покорнейше просить выслать мне таковой в г. Ташкент в контору изысканий Оренб<ургско>-Т<ашкентской> ж<елезной> д<ороги> на имя Его Прев<осходительства> Ор<еста> П<олиеновича> В<яземского>.

Асхабад. 2 железнодорожный Батальон. Поручику Петрову.

13 сентября 1900. Каспийское море. Пароход «Князь Барятинский»

Вдали в ночной темноте тускнеют и сливаются огни Баку. Несколько огней на море вдали. Вода шумит под колесом. Слегка качает. Баку произвел тяжелое и неприятное впечатление. На вокзале жандарм бил при мне рабочих татар, и я почему-то из-за какой-то боязни запутаться в историю и войти в сношение с полицией, не решился вступиться. Потом еще около ворот толстый человек с бородой бил оборванного носильщика. Я к нему подошел: «Оставьте… как вы смеете их бить». «А вам-то какое дело… с этим народом нельзя иначе». Все это произвело какое<-то> смутное и странное впечатление. Когда я сказал это, ин<женер> Р. сказал: «Да вот увидите: в Туркестане вы сами [еще] будете сартов бить, они слов совсем не понимают. С ними иначе нельзя».

Баку — серый, бесконечно тоскливый город. Небо задернуто дымной сажей. Воздух напитан керосином и пылью. Мы ездили на нефтяной завод. Бесконечный лес деревянных закоптелых, пропитанных нефтью обелисков на фоне волокнистого серовато-синего дыму, своеобразно красив.

На каждом шагу следы варварского хищничества. Вся почва пропитана жирной черной нефтью. Кажется, будто человек бросил<ся> животом на землю, чтобы охватить как

можно больше, и драгоценная влага, которую он не может захватить, течет у него между пальцами и уходит в землю.

[Пустыня и солнце… Пески, солончак
Здесь веет поэзией дикой]

15сент<ября>. *Пустыня. Развалины Геок-Тепе*

Длинные глиняные стены, развеваемы<е> ветром. В музее примитивные кремневые ружья рядом с солдатскими берданками. И это «блестящая страница» русской истории. Эта «грозная крепость» производит впечатление страшной пощечины национальному самолюбию России. И это геройство брать такие беззащитные твердыни! Всюду печать бесполезной и бесцельной жестокости. Зачем нам эта пустыня и этот бедный живописный народ, который вырос на этой земле и один умел справляться и культивировать эту землю.

И вот я свободен — весь мир предо мной
И всюду мне вольная воля.
С ликующей песней и [вольной] бодрой душой
Я шел по долинам Тироля.
На зелени ярких альпийских лугов
Красивые церкви белели,
А выше на фоне сверкающих льдов
Синели зубчатые ели.
Я шел через мхи в полумраке лесном.
Где сыростью пахло и гнилью,
[Серебряной] Где тонкою нитью висел водопад,
Дробясь [разноцветною] серебристою пылью.
Я шел сквозь ущелье, где бился поток
О камень холодный и твердый,
Куда опускался огромный ледник
Запачканной мерзлою мордой.
Я шел по сияющим снежным полям
И празелень льдов вековая
Зияла из трещин, и мертвым кольцом
Лежала пустыня немая.

12 октября. Лагерь над Сыр-Дарьей

Странно, лежа в юрте и глядя на излучины Сыр-Дарьи, убегающей к северу, так ярко представлять себе Париж. Передо мной История Европейского романа Боборыкина, и одни имена французских писателей вызывают во мне чувство страшной жадности, от которой я, лежа на кошме носом вниз, болтаю в воздухе ногами. Когда я встречаю у Б<оборыкина> «мои мысли», то мне становится страшно завидно и радостно и страшно, что я не успею.

«В Италию!» громко звенело в ушах
«В Италию!» птицы мне пели
«В Италию!» тихо шуршали кругом
Мохнатые старые ели.
потому что
На высотах познанья очень одиноко
И холодно.

Старая я стала… Много лет живу на свете. Всю жизнь насквозь вижу. Помню время

Италия с детства манила меня.

Свободная и необузданная мысль Ницше весело скачет по запутанным лабиринтам, настро<е>нным человеческим умом (или глупостью?), и, неожиданно разорвав серый полог предрассудков, освещает ярким ликующим светом пыльные обломки сломанных подгнивших перегородок.

[Италия… Рим… Существуют слова
Великого смысла и силы]

[В истории рас существуют слова]

В истории много магических слов
[Великая] Сокрытая сила в их смысле
Влияет в течение целых веков
На ход человеческой мысли.

Великая сила сокрыта была
Меня под Гох Иохом застигла гроза
Высоко под самыми льдами
Кругом были тучи

Это разбойничье гнездо, которое похитило у слабой, прекрасной и красноречивой Греции не только ее землю, но и самую мысль, и когда атлетическое тело Рима сгнило и распалось, мыс<ль> Эллады снова возникла из праха в ярком сиянии Ренессанса.

Пусть веет от этих страниц же
Тем «югом», который так страстно манил
Великого Фридриха Ницше!

[Развалины замка… запущенный сад.
Я все это видел когда-то
Должно быть в тех грезах, похожих на сны,
Которыми детство богато]
Фонтаны, аллеи… запушенный парк,
Развалины старого дома.
Я все это видел когда-то давно
[Все] Мне все это [мне близко] с детства знакомо.
[Из сказок о замках, принцессах]
Должно быть из сказок наивно прост<ых>
Украшенных мыслью немецкой,
Которые в жизни цветут только раз
На почве фантазии детской
И тают, как снежный узор на стекле,
При первом дыхании мысли…
В аллеях зеленый сырой полумрак
Пушистые ветви нависли
Горячий, трепещущий солнечный луч
Пробился сквозь ветви платана.
[И слышно, как тихо]
Блестя в темноте, и поет, и звенит
Холодная струйка фонтана.

Зацветшие мраморы лестниц, террас…
[Куст роз]
Разросшийся [куст] плющ на пороге…
В таинственных гротах, обросшие мхом
Забытые старые боги…[12]
Везде изваяния [огромных] лилий, орлов
Фамилии д'Эсте старинной.
В развалинах весь восемнадцатый век
[Красивый] Манерный, кокетливый, чинный,
[О бедные тени прекрасных принцесс
Маркизы, принцессы]
Век фижем и мушек, Ватто и Буше
Причудливый мир сновидений
Причудливый век превращений
[Я вижу] [по влажным дорожкам забытых]
В сыром полумраке зеленых аллей
Скользят грациозные тени[13].
Чуть слышно атласные платья шуршат.
Со шпагой изящен и ловок
[Скользит] Идет кавалер и [мелькают] мутятся ряды
Напудренных белых головок.
[О бедные тени]
Доносится легкий кокетливый смех…
Из дальних извивов дорожки
По мраморным плитам широких террас
Скользят чьи-то белые ножки.
О, бедные [тени] [ножки] тени прекрасных принцесс
[Топтавших забытые плиты]
Чьи ножки ласкали те плиты

[12] *Далее было*:
[Гербы дома д'Эсте: большие орлы
И остовы каменных лилий
Везде изваяния гербов, орлов
Фамилии д'Эсте]

[13] *Далее было*:
[О бедные тени прекрасных принцесс!
О призраки века былого!
О бледные тени былого]

Давно уж великой народной волной
Вы сломаны, стерты и смыты
Но здесь в [запустенье старинных дворцов]
полумраке широких аллей
[Среди запустенья немого]
Вы все оживаете снова.
Но кажетесь проще, милей и живей
Среди запустенья немого.
Другая эпоха… Другой колорит…
[Спокойный] Суровый как бронзы Гиберти
Ряды кипарисов и синих олив —
Печальные символы смерти.
[Развалины всюду]
Спокойно и тихо… [Остаток] Фундаменты стен
Все [сломано, срыто… Все] срыто, разрушено, голо
И только горячее солнце палит
Цветные мозаики пола…
Развалины терм, библиотек, дворцов
Театр, академия, стадий
[Остатки дворцов, академий, садов
Театр, библиотеки, бани].

<Дневник 1901>

25 мая (7 июня), пт.

Снова дорога… и с силой магической
Все это вновь охватило меня:
Грохот, носильщики, свет электрический,
Крики, прощанье, свистки, суетня.
Снова вагоны едва освещен<ные>
Странные пятна теней
Лица склоненные
Спящих людей.
Мерный вечный,
Бесконечный,
Однотонный
Шум колес,
Ропот вечный
Шепот сонный
В мир бездонный
Мысль унес.

Жизнь… Работа
Ти-та… та-та…
Где-то, кто-то
Все стучит
Ти-та… та-та
Вечно что-то…
Про кого-то
Мыслью сонной
Говорит.
Так вот в ушах и долбит и звучит это
Ти-та-та… ти-та-та… та-та-та-та
С шумом колес мои мысли сливаются
Поезд летит, перегнать их старается.
Чудится степь бесконечн<ая>
Поезд по степи идет
В вихре рыданий и стонов
Слышится песенка вечная

Скользкие стены вагона
Дождик сечет.
[Так вот в ушах и долбит и звучит это
Ти-та-та… ти-та-та… ти-та-та… ти-та-та]
Чудится еду в Россию я
Тысяча верст впереди
Ночь неприютная, темная
Станция в поле… огни ее —
Глазки усталые, томные
Шепчут: иди!..
Страх это? Горе? Раздумье? Иль что ж это?
Новое близится, старое прожито…
Прожито-отжито. Вынуто-выпито.
Ти-та-та… ти-та-та… ти-та-та… ти-та-та
Песенкой этой все в жизни кончается
Ею же новое вновь начинает<ся>
Ти-та-та… ти-та-та… ти-та-та… ти-та-та…
Вечно в ушах и долбит и звучит это.
Странником вечным
В пути бесконечном
[Вечно куда-то стремлюсь]
Странствуя целые годы
Вечно стремлюсь я
Верую в счастье
И лишь в ненастье
В шуме ночной непогоды
Веет родимою Русью.
Мысли с рыданьями ветра сплетаются
С шумом колес однотонно сливаются
И безнадежно звучит и стучит это
Ти-та-та… ти-та-та… ти-та-та… ти-та-та

7 июня 1901 г.

Выехали в 8$^{1}/_{2}$ веч<ера> из Парижа. В вагоне.

Поздно утром в час по<л>дневный
Спал я в комнате своей
Вдруг раздался голос гневный
Стук ужасный, крик плачевный

Будто кто-то заметался
У моих дверей.
Ясно помню ожиданье
Солнца яркого сиянье
На бензинке бормотанье
Закипающей воды…
И пром<ол>вил голос грозно
«Стыдно, стыдно! Спать так поздно
Когда обе встали мы.
Наши кофты не дошиты
Рукава у них не вшиты
Не разрезаны холсты
Мы сердиты до экстаза
Киселев уж был два раза
И вставайте тоже Вы!»
Я проснулся, встрепенулся,
Потянулся, заворчал
Шевельнулось в сердце что-то
«Уходите Вы в болото» —
Чуть я было не сказал.
После было умыванье
Умывальника жу<р>чанье
После чаю разливанье
Бесконечное ворчанье
В магазинах разных шлянье
Всевозможные страданья
Предотъездной суетни.
То кистей исчезновенье
То нежданное явленье
Надоедливых гостей
Чья-то кофта в нафталине
Все тонуло как в трясине
В этом хаосе вещей.
«Я собраться не успею
Не поеду в Пиренеи
К Балеарским островам.
Удеру от Вас на полюс
И в Норвегии устроюсь

И останусь летом там».
Полтора часа осталось
Все скатилось, замешалось
Ошалели сразу все,
Киселев над ниткой тщится
В вихре бешеном кружится
Белка — белка в колесе.
Ранцев быстрое вязанье
Экипажа ожиданье
Страшно тихая езда
В кассе спор об Тарасконе
Наконец сидим в вагоне
На окошке Календа.

В вагоне 7 июн<я>
утром
под<ъ>езжа<я> к Fois

Выехали в 8$^{1}/_{2}$ ввече<ра> из Парижа. В вагоне. Замок Гастона Фуа.

26 мая (8 июня), сб.

Начало Пиреней.

Виноградники обложены большими обломками серых камней.

Старушка с портретом.

Красные пятна маков среди зеленых лугов.

Без крючков, гвоздей и палок
Лезли мы на кряжи гор
Чтоб поднявшись выше галок
Любовать<ся> на простор
Полны детской, чистой веры
Что в горах найдем пещеры.
Но пока мы кверху лезли
Те коварно вдруг исчезли.
Лизавета Николавна
Искус выдержала славно

И в своих больших ботинках
Вверх всползла на четверинка<х>
Лизавета же Сергеевна
Относилась к горам гневно
Чуть не с самого начала
Застонала, заворчала
Вся в кровавых пятнах стала
Застонала, за<с>крипела
И на камень злобно села.
Я ж, свершивши восхожден<ье>,
Стилограф скорей достал
И все это записал.
Но по просьбе Киселева
Прибавляю еще слово:
Он ходил, сопел, молчал
И пейзажи гор писал.

Анио
в горах
11$^{1}/_{2}$ ч.

В небе ходят тучи алые
Тени меркнут и сгущаются
Вся компания усталая
К Викдессосу пробирается
Киселев идет шатается,
Белка форменно ругается
Макс бежит вперед — спасает<ся>.
Николавна все молчит
И в уме дневник строчит
Месяц дремлет за горами
Речка рвется меж камней
Между черными рядами
Молчаливых тополей.
Входим в город молчаливый
Все уж спят, в домах темно
Киселев ворчит брюз<г>ливо
«Говорил я уж давно

Что нельзя ходить так поздно
Ведь не пустят никогда».
Киселев идет шатается,
Еле-еле тащит ноги
В плащ закутан вроде тоги
Низ обстрижен, верх облизан
Весь скамейками унизан
Все ворчит и все вздыхает
Ночь в вагоне вспоминает
И соседку проклинает

Нас трактирщик вс<т>ретил грозно
«Комнат нету, господа».
Мы вошли. Мешки сложили
Ох! Нести их нелегко
Молока себе спросили
Тотчас скисло молоко.
А трактирщик в объясненье,
??
Что хотел пред кипячень<ем>
Поженить два молока,
А они сейчас же скисли.

<27 мая (9 июня) ?>

Брезжит. Утро. Мгла в ущелье
Месяц <в> поле грозовой,
Стал над бархатною елкой
Легкий отблеск золотой
Лег на дальние вершины
По камням бежит поток
Из синеющей долины
Подымается дымок.
Звезд алмазных т<р>епетанье
Тень от гор, вверху заря
Серебристое журчанье
Серебристого ручья…
Путь наш круто вправо в гору

Медлить нечего в пути,
Чтоб в республику Андорру
Нам до сумерок прийти.
Горный мир во всем величье
В дикой прелести своей

---

28 мая (10 июня), пн. Коринтацо

Позавчера ночевали в Марке на сеновале. Встали до свету. Перешли через Пиренеи. Лесник — альянс. Овцы. Пастух-солдат. Снега. Сон на перевале. Усталость. Спуск. Бычки. Контрабандисты. Ночевка в Серрате. Испанские нравы — свиньи. Лошади.

Андорра. Спуск в долину (Тангейзер). Гостиница.

29 мая (11 июня), вт.

Магазин, которого мы никогда не видали. Племянница президента. Пастор. Церк<овь>. Почта — сапожн<ик>.

Чем все выше, тем все диче
Тем все круче, тем трудней.
Кровавым потоком меж серых камней
Сползают английские розы
Сверкает и воет внизу водопад
Склоняются ветви березы.
Родная березка! Она здесь в горах
Казалась такой иностранкой
Изгнанницей бедной в далеких краях
Застенчивой русской крестьянкой.
Но скоро исчезли деревья кругом
Все темные камни, как лава
Застывших потоков. По склонам долин
Душистые горные травы.
В траве бесконечные точки цветов
Совсем как в картинах Бертена <?>
Мильоны ириса, фиалок и роз

Нарциссов, тюльпанов и тмина.
Все выше и выше! У<с>тупы долин
Уходят из нашего взгляда
По узким краям недоступных стремнин
Сползает овечее стадо.
Коровы и овцы глядят на людей
С большим любопытством своими
Большими глазами; я нынче в горах
Совсем очарован был ими.
Они все толпой окружили меня
И руки мои целовали.
Я даже подумал сперва, что они
Стихи мои верно читали.
Но смысл овации этой потом
Нелестным совсем оказал<ся>
Звук «м-э», повторяемый в речи моей,
Им чем-то родным показался.
Затем уже скоро начались снега,
Мы лезли в сугробах ногами
Весеннюю песню журчали ручьи
Рожденные вечными льдами
Чем ближе к вершинам, тем воздух ясней,
Цвет неба темней <и> блестящей
Тем ранец для плеч тяжелей и больней,
А отдыхи чаще и чаще.
Вершина! Короткий живительный сон
Сияющий «Monte d’Estata»
И снова откосы с обеих сторон
И спуск до деревни Серрата.
Прекрасная сказка нарядных долин!
Конечно, мы все восхищались
Блуждая в соседстве блестящих вершин
О, нет! Мы все время ругались.

10 июня 1901

Переход через Пиренеи.
Проход Рат

11 июня

Утром в сене сон был сладок
Рассвело. На сеновал
Заглянул табун лошадок
Луч, пробившись, засиял
И зажег пучок соломы,
Локон спутанных волос.
Ветерок с собой принес
Свежесть гор, — ночной истомы
Дрему сладкую унес.
Не без стона, не без боли
Мы спустились книзу все
Хлев людской на антресоли
А свиной в rez-de-chaussée.
Восемь франков — ведь не даром
Но зато обед какой:
В супе хлеб со скипидаром
И картофель разварной,
И салад из горных дудок
Как кисель определим.
О, сколь счастлив тот желудок,
Кто его переварил!
И конечно б совершенно
Переход прекрасен наш,
Если б с Максом не случил<ся>
Неожиданный пассаж.
«О, если б ресторация
Здесь выросла средь гор!»
А Макс: «О, профанация!
О, подлость! О, позор!»
«Здесь только восхищение
Уместно», — говорит.

Пришел Макс в упоение
Любуется на вид.

Едет рыцарь вдоль по свету
В мир загадочных пещер
Чтобы сказочных дракон<ов>
Поразить другим в пример.
Видит страшное ущелье
Перекресток двух дорог,
И от ярости и страха
Обезумевший поток.
Сердце полно вещей думы
Сердце рвется на простор.

---

11 июня

В гостях у президента республики Иосифа Кальдос в Лас-Калодос (генеральный синдик).

Маленький городок в двух километрах от Андорры. Белый дом — ресторанчик. Бритое испанс<к>ое лицо. Заплаты на штан<ах>. Бархатная запачканная куртка. Когда мы пришли, он играл в карты (манилио). Другой (?) высокий человек, в воротничках и красных туфлях — даже с изяществом.

«Позвольте представиться: мы русские художники из Пари<жа>. Мы бы хотели осмотреть ваше государство и кое-что нарисовать из типов и видов».

Сперва некоторое обоюдное смущение.

«Часто у вас бывают иностранцы?»

«Да иногда летом англичане заходят, а русских не видал».

«Могу я у Вас спросить некоторые сведения по истории вашего государства и по его современному положению?»

«Да какая же у нас истор<ия?> Государство наше было <о>сновано Кар<лом> Вел<иким>, и с тех пор у нас еще ничего не переменило<сь>. Границы наши остались теми же самыми. Никто на нас не нападал и сами мы ни на кого не нападали. Какая же тут история?

Войска у нас нет.

Правда, в каждом округе существует т<ак> назыв<аемый> капитан, и у каждого из жителей должно быть ружье,

но собираются они только в большие праздники, да изредка, когда надо по очереди нести полицейские обязанности. Все собственники, как и во времена Карла Великого, составляют верховный совет. Выборы президента происходят через 2 года».

«А народное образование?»

«У нас в каждом округе существует по две школы. Преподавание идет на каталонском наречии. Высших школ нет. За этим уже отправляют в Испанию.

Грамотн<ым быть> не обязательно, но все-таки большая часть умеет читать и писать по-испански».

«А отечествен<ная> история преподается в ваших школах?»

«Нет. И вот теперь мы об этом заботимся и думаем ввести ее в круг предметов».

А что собственно будут учить дети в школе, когда в государстве никаких войн, никаких разбоев не было? — мелькнуло у меня.

«А есть у вас политические па<р>тии?»

«О да! Конечно, как в каждом государстве. У нас есть прогрессисты, т. е. французская партия, которая настаивает на проведении дорог, на развитии торговли, а другая испанская — консервативная, не хочет этого — хочет, чтобы все оставалось по старине».

«Что ж, они, верно, боятся, что с развитием путей сообщения может пасть национальная свобода?»

«О нет — это, знаете, просто косность, атавизм. Просто атавизм». Он несколько раз с видимым удовольствием повторил это слово.

Долговяз<ый> тоже поддакнул: «Да. Это просто атавизм».

Но мне показалось, что, пожалуй, на этот раз консервативная партия может и была права. Только при условии полной изолированности Андорра могла сохранить свою самостоятельность.

«А духовенство имеет влияни<е>?»

«О, нет, это время прошло. Они живут себе спокойно и никому не мешают. Архиепископ Ургельский присылает своего представителя, Франция тоже — и они вместе с двумя выборными из верховного совета производят все судебные дела. *(Узнать о наказании и о тюрьме.)*

Я вам дам письмо к секретарю республики — он вам все покажет. Он совсем рядом с моей племянницей живет.

Газета у нас не издается и никогда не издавалась.

В верховном совете получа<ют> мно<го> испанских и француз<ских> журналов, но публичной библиотеки нет».

«А существуют у вас кака<я>-нибудь литература, поэты, художники?»

«О нет, у нас ничего этого нет».

Президент обещал зайти к нам, когда будет в городе, и на этом кончилась наша аудиенция.

Фрески в школе.

Гаротта.

6 округ<ов> и ключей в архив, зал заседаний, серые ложи, черные треугольн<ые> шляпы. [Суд] ……… во Франции. Смерт<ная> казнь лет 40 назад за убийство жены.

---

8 (21) июня 1901. Valldemosa

Семейство профессора. (?)

Вечер в испанской таверне. Необыкновенная простота нравов: «Хотите, может, видеть испанские танцы? Если Вы не устали и не думаете спать, то вот моя дочь немного потанцует». Дочь — лет 12. Тонкое, южное стрекозиное лицо. Огромные глаза с большими веками.

«Танец — это нечто очень серьезн<ое>», — говор<ит> проф<ессор>. Она медленно подскакива<ет> и двигает руками<ми>. Танцуют до трех раз. Затем другая пара. Уговори<ли>

молодую женщину с ребенком на руках. Она отдает ребенк<а> жене профессора и бежит переодеваться. У ней не грациозная сутуловатость шеи и оливково<е> лицо. Руки она держит, немного прижав локти к бокам и приподняв кисти. Это делает их похожими на крылыш<ки>. Но сами природные недостатки становятся грациозными во врем<я> танца. Танцуют не только ноги, но все тело. Каждая жилка, каждый мускул. На лице выражении<е> глубокой серьезности. У ее кавалер<а> глаза подняты кверху и такое лицо, точно он молится. Это особенно сильно в силу контраста с их дикими прыжками.

Беклинов пейзаж — около круглой[14]

9 (22) июня

Прогулка в Мирамар. Виды. Часовня Раймонда Люли.

Mallorca — porba Mallorca. Дворец Эрцгерцога. Майолика — Майорка. Майор<ские> наречия.

Оригинальный способ ласки. Хозяин и хозяйка: грандиозная картина.

<После 15 (28) июня>

[Под небом Италии вы рождены
Мои серебристые песни]
И блеском, и светом они рождены
В них все отразилось широко
И нега и синь средиземной волн<ы>
И яркие краски востока.
Проникнуты солнечным зноем они:
Пусть веет от этих страниц же
Тем «югом», который так страстно мани<л>
Великого Фридриха Ницше.
Тем «югом» искусства, ума, красоты,

[14] Фраза не закончена.

Свободным языческим югом
К которому с детства стремились мечты
С мистическим странным испугом.
И все, что ребенком манило меня,
Чем сердце бывало томимо,
Все то воплотилось позднее в одн<ом>
Сияющем имени Рима.
И вот я свободен. Весь мир предо мной
И всюду мне вольная воля.
С ликующей песней, с мешком за спино<й>
Я шел по дорогам Тироля.
На бархате ярко зеленых лугов
Красивые церкви белели,
А выше на фоне сияющих льдо<в>
Синели зубчатые ели.
«В Италию» громко збенело в ушах
«В Италию» птицы мне пели.
«В Италию» тихо шуршали кругом
Мохнатые старые ели.
Я шел через мхи в полумраке лесов
Где сыростью пахло и гнилью,
Где тонкою нитью висел водопад
Дробясь серебристою пылью.
Кровавым потоком меж темных грома<д>
Сползают альпийские розы,
Сверкает и воет внизу водопад,
Склоняются ветви березы.
Родная березка! Она здесь в горах
Казалась такой иностранкой,
Изгнанницей бедной в далеких краях,
Застенчивой русской крестьянкой.
В траве бесконечные точки цветов
Как в светлых пейзажах Беклина
Мильоны фиалок, ирисов и роз,
Нарциссов, тюльпанов и тмина.
Все выше! Веселая зелень долин
Уходит <от> вашего взгляда.
По узким краям недоступных стремнин

Сползает далекое стадо.
Коровы и овцы глядят на людей
С большим любопытством своими
Большими глазами. Я как-то в горах
Совсем очарован был ими.
Они всей толпой окружили меня
Почтительно руки лизали
Я даже подумал сперва, что они
Стихи мои, верно, читали.
Друзья же мои убедили меня
Что я глубоко ошибался,
Что это звук «м-м-э» повторяемый мной
Им чем-то родным показался.

В истории много магических слов,
И тайная сила в их смысле
Влияет в течение целых веков
На ход человеческой мысли.
Италия! Рим! Где найдутся слова
С таким же громадным значеньем?
Да! Рим был разбойничьим страш<ным> гнездом
Но гнезда бывали страшнее
И корень величия Рима не в том,
А в том, что он грабил идеи.
И каждой идее, добытой мечом
Давал он и власть и значенье
Всемирности. Рим был огромным котлом,
В котором свершалось броженье.
И сколько мой детский неопытный ум
Ни мучили классики в школе
И сколько они ни терзали мой мозг
Ни били, ни жгли, ни кололи
Стараясь мою пробужденную мысль
Зарезать словами своими,
Но даже они не могли омрачить
Унизить великое имя.

И гитары говорят
В такт трескучим кастаньетам
Точно щелканье цикад
В жгучий полдень знойным летом.

С этой тонкой, с этой нежной
Стрекозиной красотой.

«Rida, rida, ranka…»

«Шибко скачет мальчик мой,
Бланкой конь зовется твой.
И наступит время скоро
Мальчик мой заслужит шпоры
И умчат они с собой
Детский твой покой.
Шибко скачет мальчик мой,
Бланкой конь зовется твой.
После станешь витязь статный
С молодой женой
И умчится безвозвратно
Юности покой.
Шибче, шибче, мальчик мой
Бланка конь надежный твой.
Будет время и корону
Сын наденет мой
И исчезнет безвозвратно
Мужеский покой.
Шибче, шибче, мальчик мой.
Бланка — конь надежный твой».
Так Бланка королева
Над сыном наклон<ясь>
И пела, и смеялась
И плакала, смеясь.
Шибче, шибче, мальчик мой,
Бланкой конь зовется твой.
Когда же вырос Гакон
Ему дал царство Бог.

Но песни той никак он
Забыть потом не мог.
Шибче! Шибче! Мальчик мой.
Бланка — конь надежный твой.

Бессмертной дочерью Познань<я>
Ее считает человек,
Но люди новые названья
Давали ей из века в век.
Под белой тканью покрывала
[В Египте некогда стояла]
Она закрыта от людей
И «тайна» было имя ей
В Элладе в виде человека
Она изваяна была
И глыба камня ожила
В объятьях пламенного грек<а>.
И пал он ниц пред ней — святой
Обожествленной «красотой».
Израиль тоже в дни ины<е>
Ее прихода ожидал
На землю в образе Мессии
Железный Рим отождествлял
Все то, что делал он когда-то
В всемирно творческой мечте
Другие верят, что расплата
Она страдала на кресте
Со взглядом, полным детской ласки
Суровый рыцарь едет вдаль
Святой отыскивать Грааль.
Она же спит в немец<кой> сказке
Спит много лет и то<же> ждет
Когда возлюбленный придет.

И он широкими глазами
На мир испуганно глядел
А мир, повитый облаками,
В осенних сумерках синел.

«И было время час девятый»
Все было тихо. Как сквозь сон
Лишь бред Италии распятой
Во тьме зловещей слышал он.
Да чьи-то слышались рыданья
У одинокого креста
Где умирала красота
И мысль, и слово, и сознанье.
И тихо в этот страшный час
Сверкнул огонь и вдруг угас.

Он создан был из тьмы и свет<а>
Великим гневом потрясен
Как раскаленная комета
В стране туманов вспыхнул он.
И ослепив мгновенно взгляды
Окаменевших палачей
Зажег во тьме маяк Эллады
И миллионами огней
Сверкнув на темном небосводе
Родил десятки новых звезд.
И весь он был один протест,
Один великий клич к свободе.
Один святой призыв к борьбе
Назло законам <?> и судьбе.

И в чудных песнях, где звучали
И желчный хохот, полный слез,
<И> бодрый гимн, и стон печали
И прямо заданный вопрос.
Для юной мысли мир прекрасн<ый>
Раскрылся в блеске новых звезд
И в ней зажег еще неясный
Еще несознанный протест.
Но в это время юной страсти
Сомненья не было в себе:
Он верил в жизнь и верил в счасть<е>.

Солнце дымкой даль заткало
Чайки в воздухе летят
Всеми красками опала
В море иск<р>ы блестят
На песке сыром, играя,
Волны синие скользят
Белой пеной потрясая
И смеются, и звенят.
И десятками дороже<к>
Полусмытых от воды
Босоногих детских ножек
Отпечатались следы.
Обхожу я осторожно
Лапки маленьки<х> зверей

Мелкий дождь и туман застилают мой путь
Отлежал себе правую руку
«Ах, испанский ямщик, разгони как-нибудь
Ты мою неотвязную скуку.
Был разбойником ты — признавайся-ка, брат,
И не чужд был движенья карлизма?»
«Что Вы, барин, ведь я социал-демократ
И горячий поклонник марксизма».
Вон у Вас под сиденьем лежит «Капитал»
Мы ведь тоже пустились в науку
«Ну, довольно, довольно, ямщик, разогна<л>
Ты мою неотвязную ск<уку>».

Он создан был из тьмы и света
Великим гневом потрясен
Как раскаленная комета
В стране туманов вспыхнул он
Погрязший в будничных заботах
Он испу < >[15]

---

[15] Слово не дописано.

Если б я полицмейстером не был тепер<ь>
Я бы стал социал-демократо<м>

Так в вечной смене расстояний
Времен и наций, человек
Давал ей тысячи названий
И новых форм. А прошлый Век
Ее любовно звал наукой.

Из страны, где солнца свет
Льется с неба жгуч и ярок,
Я привез тебе в подарок
Пару звонких кастаньет.

<1903>

27 мая 1903. Коктебель

Дни апатии. Лень думать, лень читать. Лень даже думать о путешествии. Жуткая лень. Голова тяжелая с утра.

Грозовые тучи. Иссиня черный полог над морем и наконец гроза.

Приезжает из города Мишка. Мне книги и письма из Парижа. И снова раскаяние: зачем я только уехал. Так бы все бросить и снова назад. Но вид книг расшевеливает и я думаю, как хорошо из Японии прямо вернуться в Париж.

Мне жаль своего ателье, Национальной библиотеки, вечерних улиц. Мне даже людей не надо. Только город. Но это момент. Книги: La Rôtisserie de la Reine Pédauque и том «Журнала» Гонкуров.

Мне не хочется никому писать.

18 июня.

Кончил 3-ий том дневника Гонкуров. Конец общего дневника. Смерть Жюля.

Когда я дочитывал последние страницы агонии, мне вспомнился разговор прошлой зимой на Rue Belloy.

M-me Ауэр лежала в своей комнате на серой кушетке и говорила ясным, немного грустным голосом:

«Я Вам не говорила… В прошлом году я перед отъездом уже накануне была на могиле Гонкуров.

Их могила заброшена. Я взяла M-llc…[16] Она была страшно недовольна. Говорила, что это все глупости, что Гонкуров никто не знает и не читает. Но я все-таки купила цветы, и мы поехали. "Вот вы увидите, что ни один сторож не будет знать их могилы". И как только мы приехали, она так и набросилась на сторожа. "Вы знаете, кто такие Гонкуры? Где они

[16] *Так в автографе.*

похоронены?” Тот, конечно, был stupéfie[17]. “Ну, вот видите, я говорила”. Но я все-таки настояла. Справились в книге и нашли.

Ни одного венка. Они также одиноки, как и при жизни».

Меня все больше и больше тянет «домой» — в Париж. Эти дни я думаю о том, как бы отложить все восточные планы и уехать еще на зиму в Париж.

Опять временами то мучительное состояние неизвестности будущего, во время которого я так бегал по Парижу. Счастие — это знать, что хочешь.

Вопрос для меня концентрируется в одном: надо начать писать. Я много лет тщательно увиливаю от прозы, и это висит вечным мечом надо мной.

Я не могу разбить какого-то стекла. Будто рисование во мне убило любовь к эпитету.

Я не могу заставить себя записывать. Потому ли, что я «исхожу словами».

Надо научиться молчать с людьми и говорить с бумагой.

Я становлюсь очень равнодушен к людям. Поможет ли это? Но мне [неприятен и] скучен вид пера.

11 июля 1903

Из разговора с M-me Юнге:

«Я была знакома с Гонкуром. Т. е. как знакома. Я была у него в 78 году, когда я была второй раз в Париже. Я осматривала его коллекции в его доме в Отейле. Он был замечательно любезен. Мы проговорили весь день. Обо всем. И об его книгах и об России. Он не знал русской литературы. Толстой тогда не был известен. Он тогда говорил, что (натурализм) реализм только тогда будет иметь силу, когда он даст роман из великосветской жизни, что до сих пор с ним соединялось представление исключительно из жизни низших классов. И вот тут я ему рассказала про Толстого, которого он не знал.

---

[17] Изумлен (*фр.*).

Потом, когда он в предисловии к одному роману обращался к своим читательницам с просьбой помочь ему, сообщив о своей первой любви, — он писал тогда "Chérie", я отправила ему большую тетрадь своих юношеских воспоминаний, которые я составила по тогдашним дневникам. Ответа я не получила. Вероятно, он пропал. Но когда вышла Chérie, я узнала свои слова и фразы. Потом в одном интервью, кажется "Фигаро", я прочла свою фамилию. Гонкур говорил, что он получил много писем после обращения к читательницам и одно из самых интересных из России.

Потом он писал, что он обработал его в маленький рассказ в "Les pages retrouvées" ("La passionette")».

— А вы знали еще французских писателей.

«Нет… Я была страшно робка и застенчива. Когда мне было 16 лет, я была у отца Анфантэна…»

Постройка моего дома близится к концу. Меня теперь соблазняет мысль на всю зиму запереться в Коктебеле и работать: писать и учить японский язык. А весною в путь.

17 июля

История — это память человечества и моя память в человечестве. Мне она дорога со всеми ее баснями, легендами и анекдотами — даже заведомо ложными. Экономические причины и пр. — да, это имеет специальный интерес, мне любопытно искривления физиологических ошибок памяти, но мое «я» в этих ошибках. Нянюшкины сказки, рапсоды, Ренан — это мир памяти.

Лицо и кисть руки — в этом сосредоточена вся выразительность Европейской Живописи.

Греки не были так ограничены. Ватиканский торс, лишенный рук и головы, ничего не теряет.

Лишите этих деталей лучшие фигуры Европейского искусства.

Характер личности у японцев — в складках одежды.

Лицо это только белое пятно.

Европейские живописцы до такой степени еще слепы относительно фигуры, что современный Европейский костюм для них еще не имеет индивидуальности.

Светотень явилась от наблюдения человеческого лица в комнате.

Японцы, глаза которых в рисунке и в свете более развиты, чем у Европейцев, не заметили тени, потому что они работают на воздухе.

<1913>

Нестеров
7 января. 1912

Видел его в первый раз. Странное лицо, не внушающее доверия. Нижняя половина не связана с верхней. Рот и подбородок какого<-то> грустного Мефистофеля. Рот большой, подбородок узкий, бородка на самом конце подбородка. При такой нижней части лица лоб, казалось бы, должен был сильно отклоняться назад. Между тем, на самом темени он вздувается большой шишкой, почти наростом. И лоб, и лицо способны покрываться морщинами толстыми и обильными: я не могу ухватить смысла его лица. Оно могло быть лицом монаха — плохого монаха, беспокойного и неверного. Оно скрывает в себе большую душевную сложность, вероятно искаженность, какие-то бугры и наросты. Лицо его странно противоречит всему вокруг, что окружает его. Лица его жены и детей похожи на его тонкие лики святых и мучеников. Все так же чисто, как в его искусстве. Это предстоит разгадать — что скрыто в это<й> шишке, которая на его лбу кажется чем-то отдельным, вроде кубика, надеваемого евреями во время молитвы.

---

3 августа 1913

Неожиданные письма. Дорога. Перемена жизни по настоянию солидного человека. Интересное знакомство с дамой в дороге. Большие деньги. Большое дело.

Известие о болезни молодого человека. Женитьба молодого человека (Ванда Ал<ександровна> Ро<гозинская>).

<1914. Дорнах>

31 июля. 1914. н. с.

Приехал $5\frac{1}{2}$ ч<ас> вечера в Базель. На вокзале узнал, что идет последний поезд в Берлин. Все интернациональные сообщения прерываются. Я приехал буквально с последним поездом: всю дорогу вслед за мной прекращались сообщения, точно двери за спиной запирались. До Будапешта внутри был хаос коктебельского лета. Было больно и безвыходно: Кандауровы, Марина, Алехан, Майя… И надо всем последний разговор с мамой: «К Штейнеру едешь… думаешь лучше стать — не станешь. Ты весь ложь и трус. И не пиши мне, пожалуйста. Раньше я говорила тебе — для меня в жизни был только ты. Теперь ты больше для меня не существуешь. Понял?»

На желание попрощаться: «Зачем эти формальности?»

Это заслоняло все, что мелькало перед глазами: Одесса, Дунай, Галац, Предял, Карпаты, Брассо… На выезде из Брассо вагон был переполнен. Над равнинами Венгрии пылал тихий алый вечер, и первый серп с правой стороны. Потом весь день встречались воинские поезда, переполненные солдатами. Смысла я не понимал еще.

Будапешт. Пустынность и колоссальность в сумерках. Потом толпы народа, крики. Смутное сознание о том, что дело идет о России, о войне. Сознание уединенности и безопасности, полного бессилия. Наконец немецкие газеты. Бегство из Вены — русские деньги не имеют больше курса. Мюнхен. Телеграммы, выставки.

Прекращение движения по тирольским дорогам. Наконец через Боденское озеро и Цюрих — в Базель. *Ваи* на мгновение, по дорнахской долине.

Все этапы последнего путешествия с Маргорей из Парижа. И Базельский вокзал, где мы прощались летом 1905 года.

И я уезжал в Париж по Дорнахской долине, не зная, что здесь еще будет. Мой весь скептицизм действительно погас. Я чувствовал себя одним из нечистых животных, запоздавших и приходящих в ковчег последним.

Дорнах — тишина: луга, деревья, холмы. Долго ищу Mattweg. Нахожу раньше Трапезникова. Первые слова о прекращении сообщений на Боденских ж<елезных> <дорогах>. Потом мы идем к Аморе. Там несколько русских говорят о том, что Сизова не пустили через германскую границу. Все полны этим. Мы с Аморей по темным лугам и тропам с детской колясочкой идем за моими вещами на вокзал и везем их вдвоем обратно. «Здесь есть один человек, который очень волновался твоим приездом. Это Энглерт, строитель *Ваи.* Но он теперь успокоился, увидав тебя, кажется. Он не верил мне, когда я говорила, что мы давно уже не муж и не жена… Он удивительный человек.

Он долго был оккультистом, но не примыкал к обществу. Мне раз Доктор сказал: вы должны подумать и понять смысл… Я спросила его. Он позвал меня к себе и объяснил все. Сказал, что Д<окто>р запретил ему говорить кому-нибудь. Но потом прибавил: но одному, который придет и спросит, — скажите. С этого дня началась наша близость. Потом он говорил мне, что справился со своим гороскопом и нашел, что это самый важный день его жизни…».

Мы опять пришли к Аморе. Туда пришел Белый и А<ся> и Н. Тургенева. Разговор о войне, об отношениях между работающими над *Ваи.* Уходят все призванные швейцарцы.

Сиз<ов:> Пусть нас возьмутчернорабочими, платят нам франк вдень и кормят.

Ася Т<ургенева:> Такая-то сказала: а все-таки я рада, что наш немецкий воздушный флот сильнее всех. Они часто теряют деликатность: но их надо ставить на место. Это всегда производит хорошее впечатление…

Белый: Но нехорошо, что ты сама внутренно закипаешь. Я видел.

Амор<я:> Она сама со мной говорила о роли славянства. В ду<хо>вн<ом> мире германский дух жаждет обнять<ся> со славянским, а в мире физическом это выражается войной.

Ася: Да, но она понимает роль славянства как колыбель VI расы, под гегемонией Австрии. Под властью же России ничего не выйдет.

Потом ночью мы идем с Белым.

«Ты поздно приехал. Какое удивительное Богатство, незаслуженное, тут мы получили. Доктор строит из циклов удивительное здание. Что остается недоговоренным в одном, находит ослепительные разрешения в другом. Он ведет нас поразительными мирами».

Он с бритым лицом, узкой, обнаженной головой.

1 августа

Утром *Ваи*. Водит Энглерт. Он в синей куртке и с добрыми глазами за очками. Вечером его призывают на военную службу. Он уйдет.

Черепицы — грифель, которыми крыт *Ваи*, издали на солнце горят металлическими бликами; в тени же купол кажется сизо-эмалевым. Внутри он полон лесов. Но их торопливо убирают к вечеру, чтобы освободить главный купол. Всходим наверх по очень крутым мосткам. Тут выясняется сразу сила капителей и архитрав<а>. Они высечены в громадных толщах дерева, которые образуются, как фанера, из склеенных вершковых досок толщиной в несколько аршин. Линии art moderne, смущавшие на фотографиях, — это только грубые бетонные отливы, которые еще будут обрабатываться, и округлости (исключая самы<е> просвет<ы>) будут делиться на грани и плоскости.

В плане есть движение уха, раковины, это точно вбирающие губы моллюсков — снаружи, а внутри — четкий кристалл архитектуры. В модели: роспись купола: «Это то, что мы видим каждый день, но забываем». Это эфирная голова изнутри: что-то страшно знакомое, но совсем непонятное.

После Аморя идет работать, а я ухожу в горы к замку взглянуть на *Ваи* сверху.

К 12 <часам> 20 м. спускаюсь в кантину. Вижу прежде всего фигуру А. Белого. Он бежит ко мне. «Убили Жореса… Меня это очень потрясло. У меня какая-то совсем иррациональная любовь к этому человеку».

Мы обедаем за одним столом с Белым. Разговоры о новостях и политике не прекращаются. «Надо запретить во время работы говорить о политике», — говорит Маргарита. «Как же вы запретите: ведь они идут все на войну и завтра, б<ыть> м<ожет,> будут уже в огне».

После обеда я еду в Базель за покупками. Там жарко, пыльно, тревожно. Банки заперты. Из Франции нет ни писем, ни газет. Поезда не ходят. Новостей нет. Вернувшись и идучи к кантине, встречаю Трапезникова с опрокинутым лицом, потом Маргариту.

Долго жду в кантине Киселевой для эвритмии. Она не пришла. Вечером у Маргариты.

Про Энглерта: «Он должен ослепнуть. Врачи его приговорили. Он внутренно примирился уже и принял это, никому не сказав. Раз Д<окто>р его вдруг останавливает: “Что у вас с глазами?” И сейчас же поставил диагноз врачей. “Но вы не ослепнете”. Дал ему медитации. Сейчас в нем истинный патриотизм, мужественный, спокойный».

2 августа. Воскресение

Весь день страшная усталость и сон. Лекция. Вестей мало, все смутные и маловероятные. Газет нет. Аморя больна. Мы сидим у ней в комнате — Энглерт, я, Сизов. Приходят еще и другие. Среди русских разговоры о том, как защитить *Ваи*: «Надо устроить отделение Крас<ного> Креста, лазарет. Это защитит от случайностей войны».

Энглерт: «Крас<ный> Крест в Швейцарии организован превосходно, и ему помощи не надо. *Ваи* сейчас физически

совсем беззащитно. Единственно, чем мы можем помочь, — не напоминать о нем. Если мы его предложим — для лазарета он не годится: в нем устроят склад сена, а на бетон и платформы поставят пушки».

Вечером эвритмия у Киселевой: «Доктор сказал, что произношение на А — это вырождение языка. Надо говорить ясно все О. Тогда это прекрасно передается в эвритмии».

Усталость и боль в ногах несколько уменьшаются от этих движений. Ноя еле добираюсь до дому.

3 августа

С утра я в Бау и жду работы — мне могут дать инструменты и назначить группу только после обеда.

Я пробую инструментами Петровского на месте Белого. Руки плохо слушают<ся>. Проработав с $1\frac{1}{2}$ часа, я иду бродить. Встречаю Fr. Штинде и гр<афиню> Калькрейт. Энглерт сообщает весть об осаде Либавы и вторжении в Люксембург, и что Доктор в Базеле. Он уехал в Берлин в день моего приезда. Не знали, сможет ли он вернуться. Он показался во время обеда в кантине.

«Вы приехали, Herr Woloschin, но уехать вы уже не сможете».

— Я приехал для того, чтобы остаться.

Я иду к Аморе. Она все еще нездорова. Говорим о неверности всей жизни и страхе, который вызывает в ней любовь Энгле<рта>. После меня ставят на работу, и чувствую, что начинаю привыкать к ней и осваиваться.

После работы иду на эвритмию. Киселева начинает раздражать своими разговорами и спорами. Но вчерашней усталости больше нет.

4 августа. Вторник

Дождь с утра. Душно. Сыро. Сильная боль ноги. Не хожу, а ковыляю. Пройти до Бау — это целое долгое странствие. Сейчас полное отсутствие политических новостей.

Призванные в войска почти все ушли. С утра мы погружены в работу, и ровный стук молотков по дереву мешает думать. Руки привыкают к долоту, но устают. Странное изнеможение в воздухе. Передают слова Д<окто>ра, что он все настаивал, что храм должен быть окончен к 1-му августу. Задержка произошла благодаря ошибке архитектора Шмита. Теперь он сказал: «Все-таки я не думал, что это наступит так скоро. Положение Европы очень скверно». Остающим<ся> он говорит: «Вы остаетесь? Ну что ж, все равно нельзя помочь». Неизвестно, сможет ли продолжаться постройка, т<ак> к<ак> нельзя будет ни получать материалу, ни денег из банков.

Эвритмию делал через силу, еще с большим трудом добрался до Амори, а оттуда домой.

8 августа

На другой день приехали Анненк<ова> и Т. А. Полиевктова. Перебрался к Аморе. Поселил<ся> вдвоем с Сизовым в ее комнате. 3 дня сидел дома, ставил припарки на ногу и писал эскизы. Вечером читал «J<ournal> de Genève», что приносил Трапезников. Сегодня утром вышел в *Bau*, но мне не дали работы — моя группа начинает работать во вторник. Вернулся опять писать акварели. Приходит Поццо: «Вы здесь рисуете, а у нас там события. Доктор сказал, чтобы все собрали необходимые вещи, перемену белья и, если начнутся военные действия, собирались в *Bau*, а оттуда — уйти в горы».

(Перед этим утром я встретил Энглерта. Он рассказал, что идет сегодня к границе, что к вечеру можно ждать сражения. Что вчерашние пушки были большим сражением и что большой франц<узский> отряд в 8000 вступил в пределы германского Эльзаса. Но что, по слухам, он, хотя его и обошли немцы, все же подвинулся к северу на Мюльхаузен. Если это так, то прорыва границы не будет. Но надо быть готовым.)

Я продолжал писать. После приходит Сизов.

— В *Ваи* назначается стража на каждую ночь. Они будут там ночевать и по очереди обходить. Надо к 7 часам собрать<ся> в кантине. Взять с собою все, что надо на случай ночлега вне дома.

— Но я надеюсь, что успею закончить этот эскиз до начала военных действий.

К семи часам мы идем. С высоты *Ваи* вся окрестность, залитая вечерним солнцем, кажется бесконечно мирной, и в бинокль я не могу различить по ту сторону границы никакого движения.

Аморя: «Энглерт, уходя, предлагал тебе и мне свою квартиру в Базеле, в том случае, если здесь будет опасно оставаться. Он видел, как вчера ночью рефлектор из Германии дважды нащупывал *Ваи* в темноте».

Все полно тревожных слухов. Одни передают, что завтра в час истекает срок ультиматума, будто бы поставленного Швейцарии Францией, и что Д<окто>р просил к этому времени быть всем в *Ваи,* другие говорят, что ничего подобного нет.

Встречаю Péralté: «Я была весь день с Д<окто>ром. Он сделал ряд новых рисунков. И был очень удивлен, что антропософы собираются идти в горы». Сам Д<окто>р проходит в кантину. Здесь, среди природы, его фигура кажется маленькой и странно черной: черный сюртук, черная плоска<я> широкополая шляпа, темное лицо. Он долго молча ходит между беседующими группами и потом говорит: «Идите все по домам и ложитесь спокойно спать. А главное, не говорите ни о каких слухах, ни о том, что кто-то распускает ложные слухи».

12 августа

Сторожил *Ваи* ночью. Эту ночь не слышно было канонады. Только луч рефлектора из Иштейна бродил по горам. Все эти дни я был без работы. Сегодня наконец получил ее.

Herr Ludwig взял меня работать под сводами малого купола. Я рад быть внутри храма, а не снаружи. Многое начинает проникать и становиться понятным.

Утро и весь день до вечера проходит так, что совсем не думаешь и не знаешь о том, что совершается кругом. Вечером приходят газеты и вести. Приезжает Энглерт с границы. Он закладывал мину, которая может взорвать 12 000 человек. Он весь трепещет ужасом того, что совершало<сь> в эти дни. Убито в окрестностях около 22 тысяч человек. Та канонада, что мы слышали позавчера, была отзвуком битв при Альткирхе и Мюльгаузене.

14 августа

Начал работу над архитравом в малом куполе, начал заниматься немецким с Fr. Hanne, и так мало времени, что некогда ни писать, ни рисовать. Проходя после обеда по деревянным задворкам, читал газету. Кто-то остановил и взял из рук газету. Это был Д<окто>р. Стал читать вслух телеграммы.

Я спросил: «Не знаю, могу ли я у вас попросить личные упражнения для меня».

— Я подумаю и скажу Вам.

Во время обеда ухожу в сторону и рисую деревья. Страшная потребность живописи. Вчера вечером была лекция Д<окто>ра о перевязках раненых. Он был глубоко измучен. Говорил с закрытыми глазами. Долго смотрел на свою ладонь, как будто что-то читал в ней. Все черты его лица углубились и заострились за эти годы. Отошла гармония огня. Все стало глубже и более скорбно. Но в самом голосе звучали какие-то мощные взмывающие токи. Он говорил, что мир должен быть в нас, иначе Бау будет разрушен. Потом говорил о крови и дал заклинание.

Энглерт — этруск. Он лем<ур>иец. В его чертах весь этрусский тип.

22 августа

Все это время я нахожусь в каком-то тупом состоянии (точно воздуху мало), из которого пробуждаюсь только на отдельные минуты. Бескрылость всех внутренних движений, которая хватает<ся> за события внешнего мира, чтобы оживиться.

Все свободное время рисую. Я только о живописи и думаю. Хотелось бы получить работу живописную. M<ada>me Péralté передала мои акварели Д<окто>ру. Но получить работу по живописи трудно.

Работа над деревом меня не утомляет, но работается лениво и все время хочется вернуться домой к живописи.

Все, что было перед отъездом — мама, Майя, — лежит тяжелым камнем и всплывает иногда. Так было один вечер. Я пришел к Аморе. Хотелось поговорить об этом, но она стала говорить сама об Энглерте, и тяжесть сменилась острой радостью и счастьем за нее и за него. Она теперь всегда возвращается, когда я гляжу на него. Мне кажется, что это единственные моменты, когда я живу. Я молюсь о любви, и точно все ключи ее и засовы внутри. Ничто не загорается.

Было несколько длинных разговоров с Белым. У него бритое длинное, со страшно узким и высоким, совсем обнаженным лбом, лицо. Новое лицо. Иногда загорающееся и прекрасное, иногда демоническое.

«Доктор осыпал нас такими сокровищами. Он проливает на нас водопады...» В голосе те же высокие ноты — «взвизги Серафимов».

Беру уроки немецкого — читаю «Мистерии» с Fr. Hanne. Ее судьба — читать «Мистерии» с русскими поэтами — Эллис, Белый, я.

18 ноября

Вчера, наконец, после трех месяцев ожидания имел разговор с Доктором. Сперва, когда мы встречались, он каждый

раз мне говорил: «Ich habe nicht vergessen»[18]. Т. е. мою просьбу дать мне личные упражнения. Но он уезжал, я был болен, и время шло. Я чувствовал себя совсем деморализованным, и все стало чуждо здесь.

«Но теперь Вы меня позабыли?» — спросил я на последней лекции.

— На днях…

Я надеялся, что будет М. Я. переводчицей. Но ее не было дома. Мы говорили вдвоем, и все-таки я сумел своим калеченным немецким языком все сказать и все понять.

Сперва я сказал о том, что чувствую, как во мне погасает непосредственное чувство любви — я холоден. Необходимость дисциплины воли.

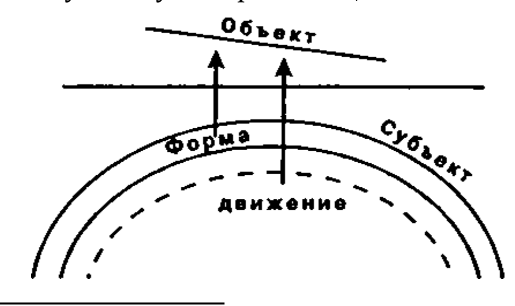
Он подробно записал мне сам на бумажке медитацию для утра и для вечера: «Проделайте это год — все пройдет».

— Я чувствую свои мысли отравленными эротизмом.

— Не боритесь с этим аскетизмом — это только усиливает болезнь. Представьте, что Вы идете по улице. Представьте себе, что над Вами идет другой человек (он указал рукою над шеей — высоко — там, где я всегда чувствую свои мысли). Смотрите на себя его глазами вниз.

На вопрос о живописи:

«Я просмотрел внимательно ваш альбом. В Ваших рисунках есть личность. Они не похожи на то, как теперь рисуют обыкновенно. Они сделаны не с натуры, а изнутри. Но это здесь. (Он взял бумажку и нарисовал.)

[18] «Я не забыл» (*нем.*).

Вам надо стараться углубить внутреннюю область видения. Писать из эфирного плана. От форм перейти к движению.

Теперь трудно что-нибудь сделать в поэзии и литературе (сказал он на мои слова об отходе моем от литературы и о неотступности живописи). А в живописи можно сделать многое. Надо, чтобы форма рождалась из цвета. Посмотрите: синий — это жерт<ва>, это дар. Красный — насилие (Angriff)».

Затем он разрешил мне рисовать *Ваи* и обещал дать эскиз.

Все политическое: о Германии, о войне, что я хотел спросить, отошло так далеко, что не хотелось говорить об этом.

Т<ак> к<ак> это был мой первый в жизни разговор на немецком языке, я все время чувствовал <себя> к<ак> на велосипеде в первый раз, без вожатого.

<«Материалы вскрытия»>

20/VII 1926

Имя? — Михаил.

(Кузен — сходил с ума.) Сумасшествие — дяди Александр и Григорий.

Где? Когда? Кв<артира> на Долгоруковской (д<ом> Зайченко), возраст 4–5 лет.

Сумасшествие дядей. Дядя Саша: «Ты похож на рафаэлева *херувима*». Пятна на шкафчике (посмотреть). Его ужас. Пытался выкинуться из окна. «На нож! Режь меня!»

Сны; самый страшный: видел самого себя. Обыкновенный мальчик-двойник.

Другой сон: мужчина ведет мальчика и девочку, ставит на пригорке на колени. Заставляет поднять рубашки, стреляет им в живот. Сны о революции.

Отвратительные сны: вкус конского каштана, которым переполнен рот. Отвращение к гороховому киселю. Кухарка Дарья, которая его готовила. Кухня. Деревянный стол.

Детский разрыв с матерью. Меня мать обвиняет в чем-то. В чем, не помню. Я отрекаюсь, потому что знаю, что не брал, не делал. «Больше некому…» Обвинение во лжи. Гнев. Требование, чтобы сознался. (Сейчас вспоминаю — взял маленькую серебряную спичечницу.) С этого момента чувствую конченными все детские любовные отношения. На всю жизнь. Через 40 лет, когда мы оба забыли *причину*, этот исток недоразумений всплывает между нами в ссорах, и мать с той же страстью утверждает мою вину, и я с такой же страстью отрицаю, хотя мы оба одинаково уже не помним пункт обвинения. В доме на Долгоруковской помню ночи чувственной дрожи всего тела при мысли о наготе.

Ужас анатомических атласов и разговоров об операциях двух студентов-медиков. Несколько позже такой же ужас

смерти Геракла. Позже (лет 7) — «Случай с г<осподином> Вальдемаром» Эдгара По.

Самые первые воспоминания жизни. 1 г<од> — Киев. Свет сквозь цветные стекла. 2 г<ода> — 3 г<ода>. Таганрог. Дача. Сад. Мощеная дорож<ка>, старая игрушка (поезд). Щенок-угольщик. С кормилицей на базар (нашел дорогу). Ящерицу поймал.

Заблудился. Плакал. Дети совали в рот конфеты. Ушел из сада нашей дачи, где гулял голенький.

Рассказы о кухарке, которая вечером бегала на гигантских шагах голая.

4 г<ода>. Севастополь. Развалины. Петропавловский собор. Лестница спуска. Дом рыбака. Собака Казбек. Рыбак-хозяин ест шоколад. Я прошу. Предлагает изо рта разжеванный. Отвращение (= сон о каштане. Гороховый кисель).

Купающиеся мальчики, которые отбегали от моря через дорогу. Острое ощущение наготы, обнажения. Стыдно и приятно.

Встреча бабушки на вокзале. Память очень подробная.

Затем 4–5 л<ет> — Москва.

Медвежий пер<еулок>. Болезни. Обои отделяются от стены в бреду. Стучит в голове (хозяин ходит). Щенка на глазах раздавили. В жару, больного перевозят в д<ом> Зайченко, в башлыке. Сводчатые ворота. Еще раньше воспоминание о кв<артире> на Малой Грузинской. С внутр<енней> лест<ницей>. Антресолями… Жили Куриленко. Мама совсем не могла вспомнить этой квартиры.

21/VII 1926

Сон. С. Соловьев просит переставить часы: нет времени на молитву. Не хватает времени. По линии этой эмоции: почему не нашел времени отыскать Несси в первую поездку

за границу? Сон об Алекс<андре> Мих<айловне>: приехал в Феодосию, живу, и все нет времени к ней зайти. Сон о разрушенном городе и знаком<ых> разоренных домах (сбылось в 1922–23 г.). Самоупреки. Линия детской молитвы. «…И меня, младенца Макса, и Несси…» Насмешки: «…и м<еня>, ст<атского> сов<етника> Макса…». Молитва бабушки Евген<ии> Алекс<андровны>: «Господи, прокляни…».

Сексуальность: мальчишка беспризорный в Севастополе рассказывает (Л<юба> и Лина Вяземские, Инна Л. и я) — это они делают в развалинах. «Делают друг в друга». От этого умирают. Зовет посмотреть. Непонятно и странно. Очевидно, детское описание coitus[19]. Мальчишка на дворе д<ома> Зайченко (раньше?). Сажали в ванну и на него испражнялись.

Горохов<ый> кисель = испражнения.

Куриленко. Тетради с его именем. Рисовал в них, показывал взрослым. У всех фигур были фаллы. Старик Вяземский рассматривал в пенсне: «Излишний реализм»…

Несси и Леда. Отъезд Несси. Тоска и беспомощность. Садился мимо стульев. Охраняла Леда. Сбивала хвостом. Дарья и Леда. Завела ее на Сухаревку. Хвасталась дома: «Не вернется!» — «Вон, раньше тебя пришла. Под столом лежит».

22/VII 1926

III сеанс.

Физическ<ое> состояние: расстройство желудка (улеглось), вспухла губа. Сон — *отрубленная голова прокурора*. Состояние духа — ровное. Сон очень крепкий и без сновидений.

Иррациональность: стихи «*В смехе под землей…*». Выявление будущего в мечте. Несогласие о смысле.

Попытки подняться по лестнице в кв<артире> на Бол<ьшой> Грузинской. Комната с отраженным тусклым светом. Значение света. Тусклого. Тоска в облачные дни.

[19] Соитие, половой акт (*лат.*).

Подавленность духа в бессолнечные дни. Свет и коричневые обои — клозет в кв<артире> на Долгоруковс<кой>. Позыв к сексуальности.

Имя? — *Лидия*… Отчего *Лидия*? Никаких подходящих *Лидий* в современности. Абсолютно ничем не связано. (*Лида Лампси*, *Лидия* Зиновьев<а>, *Лида* Аренс…) В детстве нет этого имени.

Что с ним связано? — *Лидия*… Фигура Электры. Продолговатое лицо. Немного тяжелые веки. Пейзаж — камни, сухая трава, море, безоблачная лазурь. Херсонес? С личной жизнью *пока* связать не могу совершенно. Стихи «Она».

Имя «*Лидия*» был ответ на ощущение Ужаса из сна с Двойником.

23/VII

IV сеанс.

Спокойное, ясное самочувствие. Очень глубокий сон без всяких сновидений. Давно так крепко не спал. После обеда в оставшуюся щелку сна запомнил: лестница (не с Б. Грузинской) и другая, очень ярким солнцем залитая, светлая комната, расписанная трельяжами, гирляндами. Вроде театрального павильона не очень хорошего стиля. Декорация очень яркая и солнечная, но дурного вкуса.

Что скрывается за этой комнатой? — Картина М. Швинда — девушка утром у окна. Комната у подножья Пилат-горы, комната Маргариты в Цюрихе. Постепенное вскрытие этой комнаты и Руанской ночи, Париж 1905 г. Анна Руд<ольфовна> — лорнет, рассказы, истерия. Руанский собор. Заклинание судьбы в Руане.

Воспоминание о Страсбурге. «Лучше Вам прямо отсюда вниз головой». Выдуманная жизнь в переписке.

Ан<на> Р<удольфовна> — ее истерия. Ясновиденье. Огонь. Удвоенн<ая> личность. Обнажение при прощании. Уважение, смущение за нее.

Анализ: Лидия = Маргарита. Но и в А<нне> Р<удольфовне> — черта травмы. Показание нижнего разума о «романтизме дурного вкуса». Весь сеанс анализ сна об яркой, трельяжной комнате…

История религиозных исканий: буддизм, католичество, магия, масоны, теософы, Штейнер.

25/VII

V сеанс.

Сон: 87 fr (цифра внизу).

Вспомните: «Каббала» А. Франка.

Хасиды. Встреча с Азархом. Легенды хасидов (история об Архиерее).

Какое отношение легенда имеет ко мне?

Воспоминание о Севастополе (кв<артира> на Широком Спуске). Уксусные деревья в саду. Поредевшая листва, просвеченная осенним солнцем. Дорожки обложены инкерманс<ким> камнем. Террасиро<ванная> почва. Айлантус — Еврейск<ий> Семисвечник.

Двор на Широком Спуске: дети — Инна Липина, 2 Шернваль, Ярош. Беспризорник из развалин.

Чечунчовый костюм матери.

Таганрогский эпизод: заблудился, голенький зашел в соседний сад. Плакал среди детей. Пряник. Но до этого ничего трагического. Тень листвы, солнце, цветы, тишина.

Самочувствие: артритическая боль в подъеме (левая) и после сеанса сильное расстройство желудка.

26/VII

VI сеанс.

Гороховый кисель. Гной. Пауки. Паутина.

Операция: выдавливание гноя из нарыва — небольшой четкий круг диафраг<мы?>. Русская печь: белый кафель. Ме-

сто, о которое точили ножи. Комплекс кухарки: гор<оховый> кисель, постное масло на волосах. Сад. Гусеницы. Раздавленные гусеницы. III-ья диафрагма: женск<ие> полов<ые> органы. Пальцы, раздвигающие срамные губы. Поднятые колени. Давление на затылок. Тусклый свет. Лоскутное одеяло. Нечистая простыня. Кованый сундучок. Мацерированная от пота кожа на пальцах и на слизистой оболочке. Рыжие потные волосы на ногах.

27/VII

VII сеанс.

Самочувствие: болит нога в бедре, расстройство желудка после прошлого сеанса.

Сон: отлежанная кисть руки. После этого не<по>средственно во сне coitus с X.

Вспомнил: ряд геологических знаков. Акварель: земляной бугор, коричневый с белыми камнями и светлыми воронками <?> и скатами. Затем среди Херсонеса бухта, грот, где отдыхают стада. Пещера нимф. Гомер и Порфирий. Мои стихи: «Грот нимф» и «Пещера». Мысль и аналогии все время обходят вчерашние области и разными путями стараются оторваться. (Пауки — под мышки. Паучья самка пожирает самца.) При приближении к главному — сердцебиенье, легкое задыхание, в глубине ритм рыданий, но не прорывающихся до поверхности.

Вскрытие сна: прикосновение к упругой тяжелой руке. Имя — Лидия. Два порядка чувственности: одна тяжелая паучиная, другая прекрасная.

28/VII

VIII сеанс.

Боль в бедре чуть меньше. Засорение желудка.

Сон: были сны, но ничего не запомнилось, кроме каких<-то> зигзагов ализарино<во>го карандаша, смываемых дождем и быстро выцветающих.

«Вспомните»: вижу бледно-лиловую одежду, трепещущую на ветре. Бело-желтые камни и срывы. Грозовые тучи. Чья-то фигура в лиловом на этом фоне.

«Теперь вспомните чулан…»

Не вижу ничего. Антипатия к особому порядку женщин — к «даме», одетой нарядно, надушенной, флиртующей. Симпатия — к чему-то мальчишескому («девчонке»), к одетым кое-как.

Чувствую далекие истерические спазмы, приближение как бы тошноты. Но полная невозможность их выявить.

Внушение: отреагировать <на> все проснувшееся сегодня ночью. Невозможность полная вспомнить чулан. Фантазия отказывает.

29/VII

IX сеанс.

Самочувствие хорошо. Бедро болит.

День был очень занят (5 отъездов, 6 приездов). Невозможность создать уединение ночью. Ночная истерика не вышла. Спал крепко. Вспомнил только хвостик сна. Глотнул морской воды. Но вкус иной: горькое, жгучее… Скорее растительный сок — молочай. (Аналогия с конским каштаном.) Обожжена часть рта ($^{3}/_{4}$). Сейчас точно чувствую разделение во рту.

Вскрытие дало воспоминание о ночной поездке (склонившиеся у воды фигуры со спичками ночью). Недавний обжог чаем, каштан.

От «каштана» — к «чулану». Чулан отслоился от детства. В кв<артире> у Страстного (14 л<ет>). Фрося…

Все налицо вплоть до кровати на козлах. И до противного запаха в кушаньи, и длинного окна под потолком. Это же окно и в Париже на Rue Boissonade. И первая встреча с М. Это же отвратительное ощущение — «сон».

Чувство облегчения в том, что «чулан» стал на место.

30/VII

X сеанс.

Задание: проверить боль в бедренном суставе.

Осьмимесячная болезнь и ей предшествующая зима. Террор, Каляев, сгустки событий по Достоевскому и рядом отношения с матерью, кухня, дрова.

Взрослый человек, пересиливаемый инфантильностью.

Раньше болезнь до войны, когда я мог спать только ниц, и было нестерпимо больно подняться.

31/VII

XI сеанс.

Сонливое состояние. Сеанс начат со сна.

Воспоминание: Севастополь. Угольная яма со щенком в Таганроге.

Квартира в Мастерских Бр<естской> ж<елезной> д<ороги>.

Телесное наказание. Расстройство желудка у гувернанта (горохов<ый> кисель). Ужасы: смерть Геракла, «Случай с г<осподи>ном Вальдемаром» у Эдг<ара> По. Туркин. Его уроки. Гипноз гувернантки. Занятия спиритизмом.

Самое тяжелое в жизни: отношения с матерью. Тяжелее, чем террор и все прочее. Даты: детство — легкое до случая со спичечницей. Затем отчуждение до Феодосии, когда начинает<ся> моя самостоятельная жизнь. Студенческие годы — хорошая дружеская жизнь. Новый перелом — смерть бабушки. Начинается страшная требовательность, которая идет crescendo[20] до самой ее смерти.

2/VIII

XII сеанс.

Глубокая взволнованность от вчерашнего появления милиционера и от предстоящей сегодня беседы с ним. Анализ

[20] Здесь: по нарастающей (*ит.*).

полиции волнения. Разговоры и отношения с матерью. 1-ое ощущение столкновения о серебряной спичечнице. Позже неприятнейший, но не такой глубокий разговор о поле (Вася Шуберт). Иррациональное упрямство матери в некоторых разговорах, доводивших меня до мысли об ее безумии. Потом перенесение, вероятно, этого же чувства насилия над собой на госуд<арственную> власть. Сон о насилии над детьми.

3/VIII

XIII сеанс.

Видел сон об М. Ш. Она говорит о том, чтобы после ее смерти положить с нею в гроб ее дневник и через столько-то лет вынуть. «Но из вас никто этого не сделает… Единственная моя надежда на Макса». Вижу детские закрытые глаза и толстую тетрадь в тонких пальцах.

По этой линии: девочка в Троекурове, до ктеиса которой я дотронулся пальцем. «Плоть неопушенная». Диана (Дюбарри) Гудона. Айседора Дункан в «Вакханалии» из «Тангейзера». Волосатость Mons Veneris[21], которая обратила внимание: Матери — купанье в ванне. *Л. Л.* в купальне. Чувственность связана только с «неопушенностью». Вообще «взрослость» в женщине меня всегда отталкивала, а «детское» привлекало.

4/VIII

XIV сеанс.

Сновидение: возвращение на рассвете после какого-то кутежа по жел<езной> дор<оге> (или метро?) в большом городе — в Париже (послевоенном).

Смерть Трапезникова. Первая встреча в Женеве.

«Вернемтесь к узлу»: комната на Долгоруковской. Приезд отца из Таганрога. Рассказ о путешествии, потеря калош на какой-то станции скрещения ночью.

---

[21] Буквально — холм Венеры (*лат.*), здесь: лобок.

Напрасное стремление восстановить хронологию. Приезд отца помню на Долгоруковской, а он умер в 1881 году в Таганроге, и мы в то время были уже в Севастополе. Следовательно, на Долгоруковс<кой> мы жили значительно раньше. А до этого еще Медвежий пер<еулок> и Бол<ьшая> Грузинская. Очевидно, в приезды из Таганрога. Самые ранние факты на Долгоруковской: переезд закутанным и больным из Медвежьего, распродажа посуды, приезд отца. Отец появляется впервые в этих воспоминаниях.

Потом воспоминания об поездке в Борисполь и болезни. «Мама, что такое результат?» Откуда явилось это слово «результат»?

5/VIII

XV сеанс.

Состояние утром: ясно-возбужденное, говорливое, никаких сновидений.

Потом порядок мыслей: поездки по железной дороге, Цыганский тоннель, место Кукуевка, закаты во весь горизонт (Каракатоай). Вагоны I-го класса, служебные. Затем сонная пустота, глубокое погружение в дремотное состояние, со смутными воспоминаниями и временами с полной потерей сознания.

Кухня, русс<кая> печь, плита, место для точки ножей, пол чисты<й> в кухне. Передняя на Долгоруковской. Зеркало ставится памятью на свое место (палисандровое и такой же стул).

Черная лестница. Мокрые ступеньки. Объявление об Дегаеве. Чан с мыльной синей водой в прачечной или сарае. В этом же сарае перед коронацией приготовление к иллюминации, плошки, запах скипидара и масляных красок…

Мокрые доски, неустойчивые, боязнь на них вступить. Позже из них образ купальни в Севастополе (Инженерной).

Потом большой провал, беспамятство. Сладостная эмоция дождя, текущей воды, журчание, в чистой сухой комнате. Кругом сладостный, оплодотворяющий летний дождь.

Дальше представление о тоннеле под мостиком. Мичманский бульвар с памятником Казаринова.

Морской вид на форт Константина (из купальни)… Мальчики…

Сердечное волнение (приятное) во сне. Эмоция потягивания, зевоты, пробуждения.

Наиболее характерный день для прорыва амнезии. Весь ход сегодняшних ассоциаций написать под диктовку, т<ак> к<ак> все забывалось сейчас же.

6/VIII

XVI сеанс.

Инженерная купальня в Севастополе. Чистый белый пол с мокрыми, грубыми, мохнатыми половиками, следы мокрых ступней.

На лестнице две ступеньки, залитые водой, покрыты половиком, дальше голые и скользкие.

Рука служительницы ставит на лестницу блюдечко с растворенным килом. Разговор матери о киле — объяснение, которое я повторю и теперь.

Кабинки и сопоставление с городской купальней — тесной, замкнутой, со многими купающимися. Здесь же почти пусто. Но купающиеся есть.

Я иду с матерью в купальню. Мой матросский костюмчик. Корзинка с мохнатым полотенцем в руках. Вид из купальни на форт Константина и Северную. Светлые камни и желтая трава: весь пейзаж, который так люблю теперь и всегда рисую.

Херсонес. Из какой-то ямы вынимают ряд перебитых черепов. Как будто бы слова матери: «Хорошо бы достать цельный».

Воспоминание ближайшее о той пещере вблизи Херсонеса: свод и небольшое пространство; это та, в которой зоолог (Миша Розанов) поймал змею в 1922 г., что должна была заменить удава (Эрикса).

7/VIII

XVII сеанс.

Купальня. Левое крыло с кабинками. Веревки для купающихся. За нею дальше в море — столб…

Купанье в той же купальне во время прибоя. Кто<-то> подталкивает, обняв за плечи. Я спрашиваю: «Идем дальше?..»

Купанье в Роне (Женева).

Воспоминание о купанье в ванне (у Porte <de> la Muette). Холодные ноги. Воспаление носоглотки.

Образ: двое детей. Охват<ыв>ает беспокойство: «чем заплатят?» (возможно, воспоминание вчерашне<го> неоплаченного арбуза).

Слова: Лепта… Лягушка…

Лепта = лепешка = лепка.

Лягушка = Кадыкой = пещера (нимф) = cteis[22]…

Херсонес… Смывается водой…

Появляет<ся> дрожание нижней челюсти и сжимание сердца. (Как будто страх.)

Ясный образ женщины (кормилицы?) с ребенком лет 2-х, похожим на меня. Курчавый, светлые волосы, смеющийся. Женщина смуглая, с платком на голове. С высоко подвязанной юбкой.

9/VIII 1926

18-й сеанс.

Пропуск — воскресенье. Бессонная ночь на террасе. Будит все время колышащийся тростниковый мат, который представляется мужской фигурой в отверстии пещеры (я внутри). Следующий день — разбитость, нервность, истерический ком.

Образ фигуры, заслоняющей вход в пещеру, вызывает образ женщины с ребенком. Последняя взята явно с картины (Неаполь), но в ней есть что-то напоминающее эту мужскую фигуру.

---

[22] Женский половой орган (*греч.*).

Мужская же фигура напоминает того мужчину из детского сна, который ведет за руку мальчика и девочку, а потом стреляет в них.

Два воспоминания: восточный человек на пароходе в 16 лет и случай со стариком в сквере Trocadéro в <19>15-м году.

Свастика = plexus solaris[23], «она фейерверочное колесо» (Вал<ентина> Вяземск<ая>).

10/VIII 1926

19-й сеанс.

Пещера — это подвал развалившегося очень старого дома. Сверху целый холм. Выломана в камне брешь — верхний угол, так что получается спуск вниз и неопределенной формы — широкое и низкое отверстие наверху. Много паутины, очень запыленной по углам. Несколько жестянок. Фигура у входа как будто мужская, смотрящая вниз на меня.

Чувство какого-то горячего тела. Как будто берут правую руку и прикладывают к горячему месту. Судорожные движения левой рукой.

«Кармен» = «Une fille folle de son corps»[24].

Провал и потом сон, сон и сон.

Сон как после больших слез. Что-то было тяжелое, все прошло. Кто-то несет на руках. Последняя ласка. Золотистое предвечерье. Пустынные холмы и заливы, залитые вечерним светом.

И снова ненасытный сон лежит <?> на плече.

Тут же какая-то мутная желтоватая вода, не то аквариум, не то перерез <?>, пронизанные вечерними лучами.

11/VIII 1926

20-й сеанс.

---

[23] Солнечное сплетение (*лат.*).

[24] «Девушка, помешанная на своем теле» (*фр.*).

Беспокойство ночью от шорохов. Представление о том, что кто-то подошел. Воспоминание о том, как я кричу и зову мать, которая в соседнем доме. Но при этом я как будто вижу не из себя, а со стороны: вижу мать, которая слышит мой крик.

Сижу на скамейке, и мне натирают правую руку вазелином, чтобы сделать слепок.

Потом двое мужчин в светлых костюмах в светлой комнате меня ловят в шутку.

Странная, все растущая сонливость, глубокий сон, наступающий ежеминутно.

Делаем перерыв занятий на 10 дней.

<Дневниковые записи. 1931>

22/I 1931

Вечером читали вслух «Неточку Незв<анову>». Для меня это воспоминания детства. Позже я не перечитывал. Взволновала очень. Масса аналогий с Марусей. Никакого сходства, но много параллельного. Отношение с кн. Катей. «Это мне очень напоминает во многих чертах мою дружбу с Миррой Волконской. Эта породистость и неудержимость. Эти переходы и противоречи<я> мне напоминают Соню Толстую». Нам сейчас очень трудно оставаться с Марусей с глазу на глаз. Моя пассивность ее начинает раздражать, как когда-то раздражала Пра. Она совершенно не переносит, когда я сижу за акварелями. То же озлобление — «ты это делаешь только потому, что тебе легко <и> приятно». Мне также трудно ей объяснить, что для меня акварели важны как тоническое средство, это подобие творчества во мне поддерживает душевное равновесие. А оно теперь так необходимо и неуловимо.

<Июнь>

1930 год был бесплоден. 1929 г. закончился тяжкой болезнью. 9/XII 29 г. у меня был удар, после которого я не мог работать. Удар небольшой, но сказался на руке. Я не мог писать, но силы постепенно возобновились в течение года даже и читать вслух стало легче. Но угасла сопротивляемость. Я впервые ощутил в Коктебеле тоску и скуку.

Теперь уже 31<-й> год. Почти $1^{1}/_{2}$ года не было написано ни строчки. Но живопись восстановилась.

<Дневник. 1931>

25/VI 1931

Третьего дня уехали Архипповы. Они пробыли 18 дней (с 8/VI). Е<вгений> Я<ковлевич> болел… Это, к счастью, замедлило их отъезд — они хотели пробыть лишь 4 дня и уехать тотчас же. Он не обманул нисколько ново<ро>ссийских впечатлений. Они поражают деликатностью, робостью, вежливостью, интересом к стихам и поэтам. Было наслаждением показывать ему свои архивные и книжные сокровища и редкости. И рассказывать ему коктебельскую жизнь и проходящих перед нами людей, гостей, друзей. Это подводило итоги всему богатому материалу, готовому для записок, и создавало чувство необходимости все это зафиксировать в кратких словах, в анекдотах и в живых речах. В этом смысле мне неоцененно сотрудничество Маруси. Я часто ограничиваю<сь> тем, что называю ей готовые главы: расскажи о том-то, о том-то. Она редко хорошо рассказывает, верно потому, что очень живо и ярко представляет себе людей, сцены и разговоры. Вероятно потому, что совсем не умеет писать. Она говорит нелитературно, но непосредственно. Это создает ее рассказам живость и оригинальность. Оригинальность ее речи придает ее отношение к «клише». — «Я начала швыряться руками и ногами». «Я влезла сейчас же на стену и говорю ему…» Образ клише, принимаемый как факт.

26/VI 1931 г.

Ощущение полной потерянности в жизни не покидает меня <в> эту весну. Сегодня я переменил программу утра с тем, чтобы определенное время посвящать писанию словами, а не живописи. Живопись последние годы стала для меня единственным прибежищем. Тихой и прохладной комнатой, в которую я удаляюсь, чтобы отдохнуть от жизни, от самого себя, от отдыха. Мне необходимо отдохнуть от уединения

и от постоянной незанятости. П<отому> что и живопись стала для меня только отдыхом. Я ничего не придумываю нового, не ставлю себе никаких трудных задач. Я просто разрешаю логические те задачи, которые мне ставят случайности моей ежедневной работы.

Сегодня я проснулся с решением ежедневно проводить за письменным столом час с пером в руке и записывать все — текущие мысли, людей, воспоминания, это послужит началом моих мемуаров. Сегодня, вставши и спустившись в туалетную, я прямо пошел гулять, внушая себе по дороге: внимание, бодрость, прилежание и молясь: «благослови… просвети… исцели… огради». По отношению к Дому и ко многим из близких: к Лизе <Новской>, к Т<атьяне> Р<уфовне>, к В<арваре> Д<митриевне>, Е<катерине> А<лексеевне>, Б<огаевски>м. Это то же, что обычно. И по отношению к себе: «…творческим… худым… свободным…».

27/VI 1931 г.

Архиппов. Первое впечатление: сходство с С. Ф. Платоновым. Свежие щеки с седой бородкой, коротко подстриженной. Иронический и благожелательный взгляд из-за пенсне. Предупредительность и любезность. Согнутая спина и сжатые вместе кисти рук. В этом общее с Вяч<еславом> Иван<овым>. Есть еще сходство с В. В. Розановым. Б<ыть> м<ожет>, в крайней неуверенности всех слов. Это отсутствие «авторитетности» поражало в В. В. и противоречило его положению в литературе.

Его жена — Клавдия Лукьяновна. В Новороссийске мне она показалась похожей на его дочь. Но это сходство оказалось только поверхностным. Она такая же робкая, неуверенная, деликатная. Так же любит лирические стихи и разделяет страстно его литературные интересы и пристрастия… «Я в Новороссийске остался и застрял случайно. Я был преподавателем словесности во Владикавказе. Меня не выпускали

из Учебн<ого> Округа. Как раз перед Революцией у меня было предложение в Москву — преподавательское место в Старообрядческом Училище. Но попечитель меня удержал и уговорил остаться еще на год в Новороссийске. Здесь меня застала Революция, и я здесь застрял. Несколько лет назад меня обвинили в том, что я служил при дворе, и уволили. Тогда то письмо, что вы мне прислали к Ан<атолию> Вас<ильевичу Луначарскому>, я переслал Усову. И он на нем написал резолюцию: “Прекратить безобразия относительно Е. Я. Архиппова”. Он был тогда еще наркомпросом. Не знаю — подействовало ли его письмо. Но у нас “попечителем” был назначен Ф. Гладков, который у меня работал во Владикавказе в литературной группе. Он всю эту историю узнал, возмутился и способствовал моей реабилитации. Тогда оказалось недоразумение обычное, если вычищенный восстанавливается в правах — его переводят в иное место. А по резолюции выходило, что меня надо восстановить на том же месте. Это и сделали в конце концов. Но был вопрос относительно жалованья: я был отрешен от должности в течение всей зимы, и мне за этот срок надо было жалованье получить. Ноя поспешил сам от денег отказаться, чтобы не оставлять по себе злого чувства».

Жену он зовет Клодя. У нее большая нежность к зверям. Они в дружбе с Ажиной, Зердале и Маметом.

«А мне дома нельзя держать кошечек».

«Нельзя потому, что, когда мы уходим, дома никого не остается», — поясняет Е. Я.

27/VI 1931 г.

Второй день я пишу до обеда, и мне как будто стало на душе лучше. Мне вчера работа<ло>сь акварелью значительно лучше. Я не чувствовал себя таким беспомощным и потерянным при мысли о стихах. Вчера письмо от Казика. Он пишет, что мечтает о моих стихах, что они ему необходимы.

28/VI 1931 г.

Вчера… привезли черешни на возу. — «Маруся, купи». — «Нам продавать запрещено». Сразу чувство острой обиды. Эта *обида* повторяется теперь часто. Когда натыкаешься в жизни на такое запрещение. Когда запрещается продавать рыбу (это только для рабочих). Когда не дают керосина, хлеба… Вообще очень часто приходится в себе ощущать психологию угнетенных классов, чувство бунта и протеста, основанное на обиде, а не на сознании своей вины (Бердяев).

Это унизительно и оскорбительно для себя. И невольно преклоняешься перед тем великолепным *смирением*, которое теперь часто видишь у раскулаченных крестьян. Но этот «бунт» при теперешних условиях является «контрреволюцией». Как же примирить?

28/VI 1931 г.

Ася поссорилась с Вар<варой> Семен<овной>. Та ее выгнала из кухни. Но Асе это сослужило во благо: она пошла жаловаться Д<окто>рше. Там ее рассказ слышала фельдшерица и предложила ей пользоваться ежедневно ее горячим завтраком, идущим из столовой. Ее на днях обокрали. Она пошла жаловаться в милицию. Те арестовали 2-х девчонок. Привели к ней. Они сознались и отдали украденное. Кроме бумаг, которые они изорвали и бросили. На следующий день к нам пришел «надзиратель» просить для себя комнату. «А мне *угодно* здесь на берегу». Но ему отказали.

В тот же день у Маруси унесли с террасы туфли (спортсменки). Она тогда на другой день у тех же девчонок, пришедших с молоком, арестовала — бидон. «Принеси туфли — тогда верну бидон». Они ее проклинали на разные лады битый час. Я слушал сверху и удивлялся ее упорству. Я бы давно отказался от своих намерений и усомнился бы в своей правоте. Но он и вдруг сознались. И на следующее утро принесли «спортсменки» — вымоченные, растянутые — они

их пытались приспособить на свои ножища и получили обратно «бидон» с молоком.

Их ругательства и проклятия были неистощимы и грубы. «А вот наживаешься — молоко у честных людей отбираешь. Хоть бы тебя самое так раскулачили. Подавись ты этим бидоном. Сри в него». И т<ак> д<алее>.

29/VI 1931 г.

Вчера неприятный день: экскурсия, которую принимает Маруся. Во главе ее старый чиновник-педагог — очки, небритое 3 дня лицо с седой щетиной и со сжатыми губами. Сухое, неприветливое, придирчивое. Работая над акварелями, слушаю сверху, как он допрашивает М<арусю> о моем образовании. Когда М<аруся> отвечает, что я ни одного учебного заведения не кончил и из Университета был выгнан, живописи тоже ни у кого не учился, его лицо искажается неудовольствием и отрицанием в корне «подобных» явлений. После запи<сы>ванья своих впечатлений он выражает сожаление, что художник-самородок и самоучка бежит от жизни и современности и не запечатлел в искусстве никаких сцен Революции.

Когда все уходят, у нас остается пренепри ятное чувство: зачем же они приходили? Несколько отвлекает длинный разговор с молодым парнем (современным, комсомольцем, интересующимся литературой), прямым, искренним, не лишенным шор, но и не вполне утратившим индивидуальность. Он любит Есенина. «Стихи люблю, а вот Кольцова не люблю». Любит Блока «12» — гениальная вещь. Зачем только Иисус Христос в конце. Знает Н. Морозова. Удивлялся, что я с ним знаком. А с Либединским вы знакомы? А с Горьким? Жил — здесь в Коктебеле?

«Со сколькими замечательными людьми Вам приходилось встречаться!»

Вечером вскрываем посылку от Казика.

Там оказывается большая банка варенья. И банка и варенье, очевидно, «для вывоза» — made in V.B.S.S.S.R.

Этот подарок рассеивает неприятное чувство всего дня. Все-таки кто-то нас любит, ценит и о нас заботится.

1/VII 1931 г.

Вчера вечером ужасное настроение острой безвыходности, без всяких внешних и катастрофических причин. Третьеводнишнего настроения от экскурсии уже не было. Оно разгулялось за день. Пред вечером заходил к Б. Разговор о Балтийском побережий около Риги, по поводу тамошних этюдов А. П. Как там было хорошо, удобно и сытно жить летом! Потом естественно мысль перебегает на стесненность и узость наших дней. О положении ин<теллигенции>.

Упоминается имя С<емена> И<вановича>. А. П. подтверждает: «Он умер от сепсиса. Но почки у него были здоровые. Я помню прошлым летом он мне говорил сам. Что-нибудь съел в заключении. Ведь *передачу* не дают *именно ту самую*, что пересылают из дома. Что именно было, мы не знаем и не узнаем».

Но, анализируя свое настроение, нахожу, что причиной угнетенного состояния была не судьба С<емена> И<вановича>, которая всегда лежит определенной, но уже привычной тяжестью на душе. А мысли и беспокойства о своей судьбе — о денежных делах. Теперь, в эти дни с начала июня, опять начинаются решительные для Кокт<ебеля> и для Дома дни ожидания гостей из Союза. Кто приедет? Какие сложатся отношения?

Вечером в разговоре с Марусей выяснил, что если приедет дядя П<етя>, то он выедет из Х<арькова> сегодня и, следовательно, вопрос о его приезде выяснится завтра же.

В приезде «писателей» — я как-никак сомневаюсь. Что приедет Р<ита> Я<ковлевна> — несомненно. Но остальные?? Не знаю. Боюсь, что у них с питанием так ничего и не вышло.

2/VII 1931 г.

Сегодня с утра ожидание «писателей». Опять… С утра не гулял — дождь порывами. Пойду, когда разъяснит. Сделал только несколько шагов за мостом. До первых «четок». Молился о зл<атогоровс>кой группе: «Благослови… просвети… исцели…». Лизочка <Новская>, Т<атьяна> Р<уфовна>, В<арвара> Д<митриевна>, Е<катерина> А<лексеевна> Б<альмонт> и Б<огаевск>ие.

За кофе неприятный разговор: «Я решила тебя ограничить в хлебе и сахаре». Не протестую. Как пред неизбежностью. Но насколько это разумно? Я худею от неядения тогда, когда, сжавши зубы, решаюсь себя посадить на голодовку. Но это только порывами. Худею сразу на несколько кило, а затем очень быстро все восстанавливается — и аппетит, и вес. Восстанавливается тогда и душевное равновесие. Исчезает напряженность и тоска, с которой приходится теперь все время бороться. Я ищу причин этой тоски, свойственной вообще условиям рус<ской> жизни. И думаю их найти в отсутствии автоматизма в низших областях жизни и деятельности: на все и во всех случаях (самых обыденных) нужно находить свой (трагический) ответ. Ответ всем существом. Судьбою. Не словами. А ставя на карту все существо.

5/VII 1931 г.

Дни напрасного ожидания «писателей».

Окончательное изгнание Аси <Гинцбург>. Дня 3 назад (3/VII) она пришла с «благими намерениями» и с персидской лепешкой для киселя. «Мама пишет, что это очень вкусно и питательно для М<аксимилиана> А<лександровича>». В это время Маруся вспомнила, что ее комната понадобится для Зои Лодий. И сказала ей об этом. «…Ну, мне **Ваша** комната больше не нужна… И вообще она такая, что вас за нее никто не поблагодарит…» Словом, все слова, недавно сказанные

бабушкой Касперович. Очевидно, они ей запомнились и показались очень обидными. И она более злого ничего в данный момент не могла придумать. «Ася, но Вас никто не принуждает жить в этой комнате… Вы же себе уже подыскивали другую комнату. Что же — переезжайте… Мне лучше, если Вас совсем не будет у нас…»

«Т. е. Вы меня выставляете? Посмотрим, как это Вы сделаете? Что же, милиционера позовете?»

После она пошла жаловаться и сказала:

«А меня М<ария> С<тепановна> выгнала… без всяких поводов… Я ей ничего не говорила… Я принесла лепешку для М<аксимилиана> Александровичах Она сказала: “Ступайте к черту. И убирайтесь из дома!”»

7/VII 1931 г.

Вчера за работой вспомнил уговоры М<аруси>: «Давай повесимся». И невольно почувствовал всю правоту этого стремления. Претит только обстановка — декорум самоубийства. Смерть, исчезновение — не страшны. Но как это будет принято оставшимися и друзьями — эта мысль очень неприятна. Неприятны и прецеденты (Маяковский, Есенин…). Лучше «расстреляться» по примеру Гумилева. Это так просто: написать несколько стихотворений о текущем. О России по существу. И довольно. Они быстро распространятся в рукописях. Все-таки это лучше, чем банальное «последнее» письмо с обращением к правительству или друзьям. И писать обо мне при этих условиях не будут. Разве через 25 лет? И дает возможность высказаться в первый и последний раз. А может… имея в запасе такой исход, я найду достаточно убедительные доводы, чтобы меня отпустили в Париж. Только чтобы из этого не сделать *шантаж.*

Пока ничего и никому об этом не говорить. Но стихи начать писать.

9/VII 1931

Вчера приехала Л<импо>по. Ждем сегодня Т. С. и О<строверицу>ицу. Р<ита> Я<ковлевна>, говорят, едет уже: должна была выехать 1/VII. Вера <?>

«Тогда не дадим О<строверице> ее комнату. Пусть живет в подаренном флигеле…». Завтра приедет С. А., по словам Лид<ии> Вас<ильевны>.

Все это обилие людей вызывает сомнение.

Разговаривал с Л<импопо> — ничего поражающего о друзьях. У Гнесина — комп<озитора> пропал взрослый сын, живший в Питере. Ни в МУРе, ни в ГПУ его нет. В газетах письмо Сталина, о том, что пора изменить отношение к спецам. Нам вредители не опасны больше. Некоторые анекдотические черты. «Я сказала при Ф., что больше всего на свете боюсь мужиков и клопов. И вот меня назначили в ко<л>хозную бригаду. Удачное соединение обоих моих фоли. Об этом страшно много говорили. На улице меня спрашивали: “Чего вы боитесь?”»

— Но в конце концов Сталин сказал нечто подобное. Ф. сейчас же эти мои слова пересказал в Г. И. З., и мне его председатель — настоящий коммунист — сказал: «Зачем Вы это при этой сумасшедшей бабе говорили. Сказали бы мне — мы бы оба посмеялись».

— В деревне — красный уголок — стоит живая корова и навешаны иконы. А под потолком несколько портретов вождей. Зачем же иконы?

— А мы что же ваших чертей будем в такое место вешать?

Утром *ихнюю* молитву вместе поют (Интернационал).

10/VII 1931 г.

Ряд событий: книги и телеграмма от Казика: «Выезжаю к Вам 14». Приезд Тамары С<алтыковой>. Утром Островерица с чадами. Накануне Лимпопоша.

Большая радость о Т<амаре>. Она пришла, когда М<аруси> не было дома — она была в Д<оме> отд<ыха>, устраивала Островерицу там, т<ак> к<ак> и она, и Л<импо>по приехали из Союза <писателей> с путевками, а Женя в Центре не имела еще распоряжения о них.

Т<амара> получила вечером письмо: сестра Нины В. умерла от брюшного тифа. Арестован отец Мар<ины> Б<аранович>. Отпущен Рыбаков. Все кончилось благополучно у него. Он еще может приехать в Кокт<ебель>. Н. Я. едет наверное. Зоя Л<одий> тоже: она на Кавказе с Лидой.

Вечером ощущение полноты Дома, радость и удовлетворенность. Приезд К<азика> очень радует.

14/VII 1931 г.

Сегодня жду приезда Казика. Ночью, проснувшись в первом часу, слышал в соседней комнате обрывок оживленного и страстного разговора М<аруси> и Т<амары>. Утром, когда зашел мыться: — Ну, Мася, скажи, ты слышал ночью наш спор сТ<ама>рой? Правда, Зоя — дрянь. — Не знаю, Маруся. Я слыхал, что говорили, но *что* говорили, разобрать не мог.

— Но скажи на чьей ты стороне — Т<амары> или Л<одий>.

— Не знаю, Маруся, мне это не важно и решать преждевременно. Вот если Л<одий> приедет, тогда расспросим ее и будем решать.

— Но понимаешь — для Т<амары> очень важно заниматься с З<оей>, а Л<ида> стала при З<ое> главным адъютантом — носит ее манто. Всегда присутствует. Т<амара> начала протестовать против ее присутствия на занятиях. И сказала все это Л<одий>, и она ей отказала… Понимаешь, какая Л<одий> — свинья? Но я этому не верю. Т<амара> не заинтересована — у нес нет никакой материальной выгоды. Но она игрок — у нее азарт. И она занеслась. Я это вижу очень ясно.

24/VII 1931 г.

Последняя неделя очень оживленная: в доме появилось много людей сразу: приехал Казик, Тата Шлипс, Потоцкий, приехала Нелли С<околова> на один день с подругой Аней М. Приходила Люба Г. из Ст<арого> Кр<ыма>. Ждем каждый день Катю С<орокину> и А. О. Я<кубчик>. Письма от Т<атьяны> Р<уфовны> и Лизы <Новской>: «Напишите Тате». Вчера написал.

<1932>

1932 год. Январь

Зима нудная, больная. В декабре 1931 года была у нас Т. Р. З<латогорова>, была недолго. У нас были еще Катюша и Миша.

У нее заболели зубы. Ей пришлось ехать в Феодосию. Я поехал вместе с нею. Ее дантистка задержала. Необычайная трудность переезда в город и обратно. Маруся решила бежать в город — уговаривать ее вернуться в Коктебель. Она стерла себе ногу. Но вернулась на другой день. Т<атьяну> Р<уфовну> уговорить отсрочить отъезд не удалось, но Мар<усиным> приходом она была растрогана.

После ее оконч<ательного> отъезда я стал задыхать<ся> от холодн<ой> темп<ературы> и от всякого движения. Мы оба с Марусей около 24 дек<абря> поехали в город к врачам. Славолюбов мне сказал: «Это не астма. Астма у Вас бронхиальн<ая>. Это ослабление мускула сердца». Затем за наше лечение взялась Галя Виноградова. Она предложила заочную консультацию д<окто>ра Ляшенко (известный в Харькове врач) и прислала рецепты и средства. У Маруси в то же время обнаружилось острое малокровие (на грани злокачественного). Первая партия ляшенковских лекарств попалась в сильные (?) холода. И пришла в пол<о>павшихся флаконах и вся испорченная. Мы решили заказать здесь. Но вышла большая задержка, т<ак> к<ак> феод<осийская> аптека оказалась неспособна.

В январе к нам приезжал Юра Беклемишев. С ним произошло объяснение.

<Февраль>

Я не знаю, что со мной, я не чувст<вую> себя больным, но я чувствую вокруг себя разрушение и смерть. Я много думал

эту зиму о т<ом>, что происх<одит> в Коктеб<еле>. Я много думал о Пра, о последн<их> годах ее жизни в Кокт<ебеле>, о ее тоске.

И как-то раньше в прежние годы я жил мечтой, что я могу что-то делать, писать мему<а>ры, а сейчас у ме<н>я нет ни чувства, ни любви к форме. И вот когда я пробую что-нибудь, у ме<н>я ничего не выходит. Я беру свои записи, вспоминаю и не выходит. Многое я забыл, а главное не чувствую формы, как это сделать. И вото стих<ах>. Раньше мне было стихи писать и трудно и легко. Легко, п<отому> ч<то> я знал, как это выразить. И все эти душевные состояния были бы объяснимы, если бы я чувствовал себя больн<ым> физически. Это<го> нет. Но вот это состояние дает ощущение большой грусти и ощущение какого-то бессилия. Ощущение смерти вокруг себя и в себе, предчувствие, что это последний раз. Ко всему, что я прикасаюсь, рассыпается для меня. Коктебель был определен<ным> пейзажем, куда я уходил переваривать все унося из другой жизни. А теперь много есть чего переваривать, но в такой обстановке разрушения я не могу. Хотя раньше жизнь слишком текла и извивалась у ног, и некогда было остановиться. А теперь все идет с большим ущербом.

Хочется никуда не торопиться, быть у себя. Это у меня всегда в жизни такое чувство.

<Дневниковые записи 1932, выделенные из воспоминаний>

19/III 1932

Только что уехала тетя Саша (Домрачева), которая приехала к нам совершенно неожиданно с даровым билетом, полученным Надей из Москвы, поэтому она очень торопилась вернуться в Харьков, т<ак> к<ак> Наде надо было уже 21/III быть в Москве.

Ее приезд был очень радостен и очень поднял уровень душевной жизни.

— Ты напрасно, Макс, думаешь, что тебя не знают и забывают. Напротив, твои слова имеют большой отголосок и часто в совсем неожиданных людях… Вот у Нади в Москве есть сослуживица — не коммунистка, но у нее большие связи в советских кругах. У нее была неприятность по службе с месткомом. И она говорила Наде: «Вы знаете — я всегда стараюсь все делать для людей, что в моих силах, и вот результаты — все против меня. Единственное, что меня утешает (это мне говорили), что в Крыму живет один философ, который всегда говорит: делайте добро. Добро никогда не погибнет и рано или поздно, но когда-нибудь к Вам вернется. Постойте: мне называли его фамилию — он художник. Его зовут Волошин».

— Ну конечно, знаю, — сказала Надя, — и подробно ей рассказала о Коктебеле, о тебе и о Марусе.

— Так что, видишь, твои слова отнюдь не пропадают, а живут и распространяются тайными путями. Эта Надина знакомая тебя знает и когда-нибудь еще приедет в Коктебель.

Вместе с тетей Сашей прошла очень радостная и бодрая волна в нашей жизни.

24/III 1932

Это дни глубокого упадка духа. Я задыхаюсь от каждого малого движения во время утренних прогулок, не могу

уже наклоняться и поднимать камни. Мне это напоминает последние дни Пра, когда она не могла уже встать с постели умыться, не потеряв дыхания. И это ей не мешало быть бесконечно раздражительной на меня и на Марусю, так что мы так и не успели ей до смерти рассказать о радости нашего соединения. Она так и умерла, ничего не зная об этом.

25/III 1932

Сегодня серый весенний день. На дворе 5° выше нуля. Это холодно.

Стараюсь вспоминать первые годы у Петровых. Подвигается плохо.

27/III 1932

День весенний и холодный. Снег в воздухе и южный ветер. Вчера просматривал корреспонденцию Алек<сандры> Мих<айловны>, <поза>вчера — письм<а> Ф<р>идриха Гейне. Сегодня — письма Лили Дмитриевой. И то, и другое — захватывающе интересно. В письмах Лили есть кое-что обо мне — эпохи моей вражды с Гумилевым и дуэли.

Сегодня буду чита<ть> Франса и «Лики творчества». Эти воспоминания мне жгуче приятны.

Скоро ли начнется весна?

У меня сегодня очень болит левая нога в бедренном суставе.

27/III 1932

Холодная серая весна. Вчера собирал свои воспоминания о перв<ом> годе в Феод<осийской> гимн<азии> и о жизни в доме Петровых и записывал. Вечером читал Марусе Анатоля Франса, статьи из «La Vie littéraire». О Вилье… Так ярко вспомнилась собственная статья, что принес с верха «Лики Творчества» и прочел «Апофеоз мечты». Читая параллель с В<еликим> Инквизитором, я вспомнил подробности,

которые узнал от Эм. Мишле. Это было в 1916 году — перед моим отъездом в Россию.

Я доживал тогда последние дни в Париже. Это было время острой дружбы с Цетлиными. Кто-то (кажется, Ozenfent) — мне предложил меня познакомить с Э. Мишле, которого книги, статьи и рассказы я знал. А заодно и с Жоржем Польти. Он мне предложил пойти вечером в одно кафе около Place d'Alma[25]. Там было много фр<анцузских> литераторов, среди которых Мишле выделялся возрастом и сединами. Польти был косой человек, худощавый и продолговатый. С Мишле я сейчас же разговорился о его замечательной статье о «святости Бодлера», в которой он поднимает вопрос чуть ли не о «канонизации» его.

Статья написана очень умно, парадоксально и с большим проникновением. Затем беседа перешла на «Великого инквизитора». «Братья Карамазовы» как роман еще не был переведен, но «Великий инквизитор» в переложении (не знаю чьем) появился в «Revue Blanche». Вилье его прочел и говорил об этой теме. Ему не нравилась трактовка Достоевского, и он на эту тему импровизировал целый рассказ. Который тут же кем-то был записан с его слов и напечатан. Не помню, в каком из малых журналов, кот<орых> в ту эпоху много возникало и гибло. В какой-то из старых записных книжек у меня должна сохраниться эта запись. Но где она — бог весть. Так что влияние «Вел<икого> инквизитора» на «Акселя» можно считать установленным. Но было бы интересно разыскать эти документы. Я это сделаю непременно, когда попаду в Париж.

В тот же вечер я познакомился с Жоржем Польти, которого знал давно как автора книги «36 драматических положений» (мысли, приписываемые Гёте, в разговорах с Эккерманом, — Карло Гоцци, но у Гоцци нигде не найденные). Польти доказал, что это так. Он их нашел все и доказал, что других и быть не может. В этом есть нечто

[25] Площадь Альма (*фр.*).

фантастическое, как во всей фигуре Карло Гоцци. Кроме того, я знал еще статью Польти в стары<х> №№ «Меркюр» — «gemographia»[26] — о гениальности евреев, — статью, которая когда-то в одну из коктебельских зим меня очень заинтересовала. В тот же вечер Польти мне подарил несколько оттисков своих статей: о робости Шекспира, о записи жестов и драматический опыт. Они и теперь у меня под руками и ждут своей очереди.

Вечером пришли текущие местные новости. Батюшку обложили 500-стами рублями — обычная весенняя борьба с «классовыми» врагами. Синопли обложили 100 р<ублями>. Сегодня и батюшка и Синопли ушли оба в Ст<арый> Крым.

28/III 1932

Вчера ночью выпал снег. Сегодня солнце и холод. Пришли письма. Мне пишут Т. Р. и Лиза. От Т. Р. очень хорошее письмо. У меня сегодня очень болит и беспокоит меня левая нога в бедре. Вчера я принимал много мер против боли, но они не подействовали, и сегодня это уже беспокоит меня. Думая о моем общем ущербе (не могу писать стихов, картин, разучился читать вообще), я думал о том: а смогу ли я быть просто хорошим и чутким человеком? Я помню, что письмо я писал Т. Р., видя и слыша горечи Мар<уси> о Сем<ене> Иван<овиче>. «Макс, родной, какой Вы огромный человек, и перед Вашим величием я склоняю свою голову. И благодарю судьбу, давшую возможность *знать, почувствовать* и *полюбить* Вас». Это именно то, что мне бы очень хотелось, раз я лишен всего остального — поэзии, живописи, живого слова…

6/V 1932

На почте — закрыто. Нет писем. С утра — тоска. Книги не удовлетворяют, рисование — тоже. Хочется событий, приезда друзей, перемены жизни.

---

[26] «Описание крови» (*греч.*).

7/V 1932

Прекрасный день. Тепло и тихо. Солнце и первые «голые» костюмы. Но никто не приезжает по-прежнему, и нет ни от кого писем. Несколько деловых писем от новых людей: какой-то профессор, который меня видел летом 30 года, но со мною не познакомился, спрашивает меня об условиях жизни как старожила. Можно ли достать обед? комнату? и т. д. Прежняя тоска. Мне физически плохо. Чувствую все время страшную тяжесть, точно тяжесть крови. Маруся пробовала мне ставить пиявки, провозилась утром часа $1^{1}/_{2}$.

13/V 1932

Вчера с Мар<усей> длинный разговор о Павлиновых: «Ты встречал сам Леночку в Париже, когда она туда уехала с Ольгой Феод<оровной> (Коммиссаржевской)? Соня была в том же стиле, как и Леночка. Но еще красивее. В ней была такая же красота. Какая-то *ласковая,* и говорила она не торопясь и только самое нужное. Точно она знала, что ей недолго жить и некогда терять время на ненужные вещи. Так же и во всех предметах гимназических — она не хотела делать ничего, что ей потом (она точно всегда знала свою раннюю смерть) не понадобилось… Мы с Коммиссаржевскими познакомились вместе: пошли к Вере Феодоровне после одного спектакля. В<ера> Ф<едоровна> приняла нас очень хорошо. Тактично. Расспрашивала. Я у нее попросила на память мне карточку. Потом Сонина мама написала В<ере> Ф<едоровне> письмо, и Павлиновы познакомились домами. Соню застрелили. Это было так: она поехала к тетке в имение. Мать очень беспокоилась о них — о Соне, Лене и Наташе. И вызвала их к себе телеграммой. И они уже уезжали. Все в доме было готово к отъезду. В это время товарищ Сониного кузена чистил ружье в комнате наверху. Соня поднялась, чтобы проститься. «Соня, хотите, я Вас застрелю?» — крикнул он. «Что же, это, верно, очень интересно — умереть так неожиданно». Сказала она

врастяжку — и остановилась у двери, слегка подпершись щекой. Выстрел ей попал прямо в глаз. Когда этот мальчишка увидел, что она упала, он выбросился в окно. Она уже была мертва. И сзади тоже было чуточку крови.

И ты знаешь, когда они возвращались в вагоне, то Наташу тоже чуть не застрелили. Какой-то сумасшедший. Из соседнего отделения. Он перевесился в их отделение. И метил в нее почти вплотную — в голову. Но кто-то схватил его за руку, и он выстрелил мимо. Кто, что? зачем? — так и осталось для всех неизвестным. Только Наташа ничему не удивилась.

О Сониной смерти они никому ничего не говорили, и когда начались уроки в гимназии, и я встречала Лену и Наташу, я все спрашивала: «А где же Соня?» — «Сони нет. — Разве ты ничего не знаешь?» — сказала Лена… Тут у меня началась истерика. А… А… А..! Я была в отчаянии. Соня была самая талантливая из своих сестер. Может, и не лицом… Но у нее была такая фигура и такой обаятельный голос…

14/V 1932

По письму Тихона было ясно, что к нам представителем «Союза» выезжает некий т. Шульц, по-моему, 12/V, сегодня он извещает нас, что он не едет совсем. Письмо длинное, волнующее, недоговоренное и неясное. Эти дни снова нам ждать нечего. Еще письма от Тюлина, Рождественского, книги от Жаброва, иллюстр<ированные> немецкие <журналы> от Саркизова. Утро солнечное, теплое, но ветрено. Сейчас дождь — страховка урожая. Опять несколько дней неопределенного ожидания. Кого? Зачем?

1/VII 1932

Вчера Всеволод Р<ождествснский> неожиданно уехал. С утра, проснувшись, я сел за акварели. И говорил ему снизу: «Вс<еволод> Алек<сандрович>, <Вы> мне до сих пор ни одного своего нового стихотворения не прочли». Он в это время

стоял с еще не распечатанной телеграммой в руках. И я услыхал обрывки разговора: «Телеграмма от моего вотчима. Только фамилия перепутана. Его зовут Мациевский, а здесь Матушевский. Но это всегда… Текст телеграммы: «Выезжай, несчастье». Тут (в Литфонде) я скажу, что меня срочно вызывают в экспедицию. Это очевидно какое-то семейное несчастье. Я об этом не хочу никому, кроме близких, говорить. Тут может быть возможность болезни и возможность катастрофы — физической или ареста. Но меня беспокоит еще одна возможность: судьба одной девицы, кот<орая> ко мне питает нежные чувства и постоянно говорит о самоубийстве. Может, это самоубийство? Я жду, что могут быть какие-то уточнения в ближайшие часы».

Тут пришла Мар<уся> и стала говорить о том, что необходимо попытаться выехать немедля, сегодня же. Они сходили на почту. И пришли с вестью, что на почте стоит ряд линеек, с которыми она уже договорилась.

25/VII 1932

Сегодня у М<аруси> — экскурсия: из Муз<ыкального> Учил<ища> имени Ф. Кона. Много спрашивают о моих музыкальных склонностях. На слова Мар<уси> о моем мычании с утра в дни работы говорят: «Это хорошо, что он своего творчества не разбазаривает». После приходит Н. Э. Радлов. Я говорю: «Вот никак не думал, что Парт<ийное> издат<ательство> удержит в том флигеле имена поэтов. А он, напр<имер>, даже имя Гумилева в его комнате хочет удержать».

— Нет, ведь они против Г<умилева> принципиально ничего против не имеют… Ведь, в сущности, за Гумилевым имеется только одна тяжкая вина: это что он был расстрелян, а в писаниях своих он ничего неприемлемого не высказывал.

— «Ведь то, что меньше всего приемлемо для них, это совершенно непонятно и наиболее обидно — это ирония».

— Совершенно верно. Но часто, когда сам видишь, что твое иронизирование проходит незамеченным, то сам же конфузишься, точно заговорил по-французски с человеком, не знающим языков. Помню, я нанимал себе комнату в Детском. Комната была скверная, маленькая. Хозяйка запросила с меня 100 р<ублей>, но мне комната была нужна во что бы то ни стало — и я дал. Хозяйка же в оправдание сказала: «Видите, мне надо к дочери ехать в Орел». Я ей возразил: «Это большое счастье, что только в Орел — если бы Вам пришлось ехать в Сибирь, то комната бы стоила не меньше 1000 рублей». Она же совсем наивно: «У нас в Орле родственники, а в Сибири никого нет». Ну, мне тут и стало стыдно.

Иллюстрации

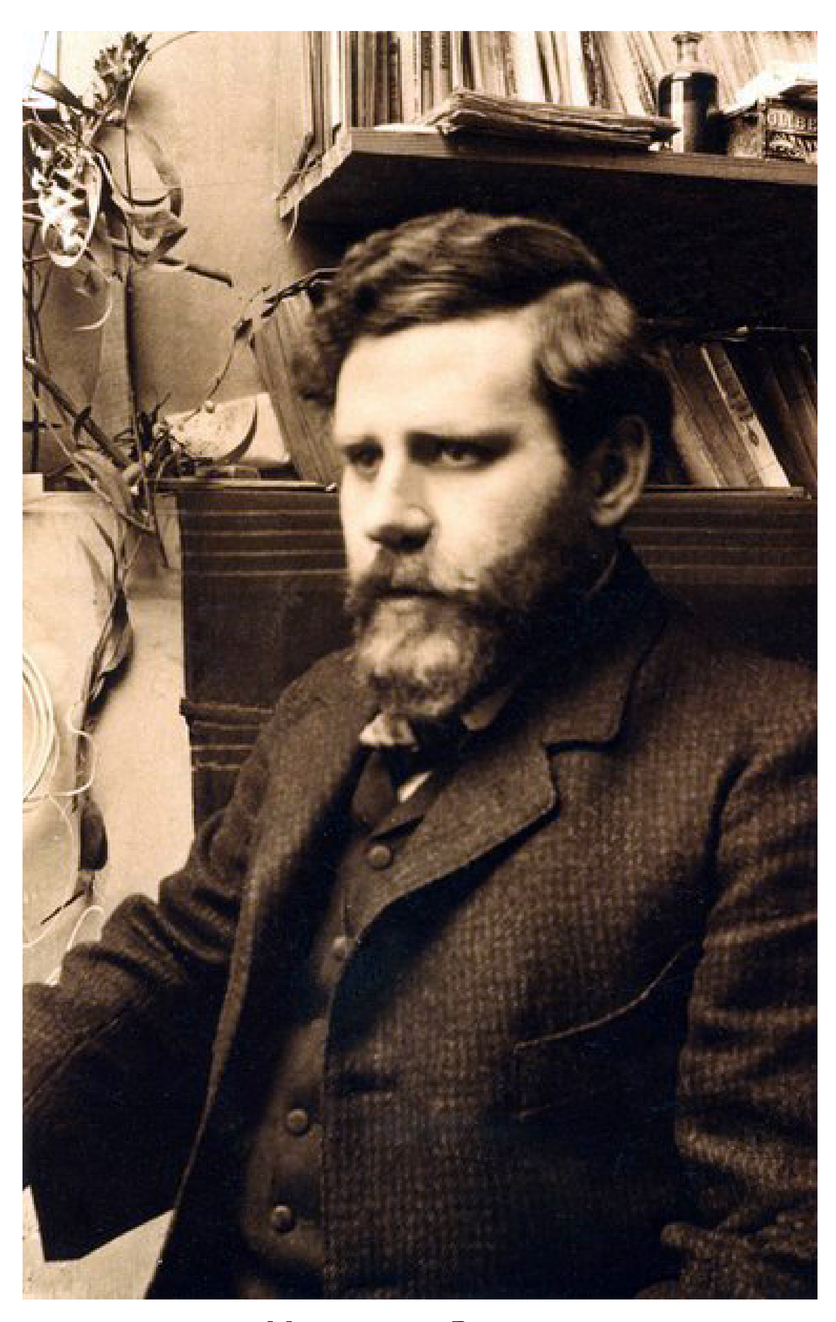
Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина
с сыном Максом. Киев. 1878 г.

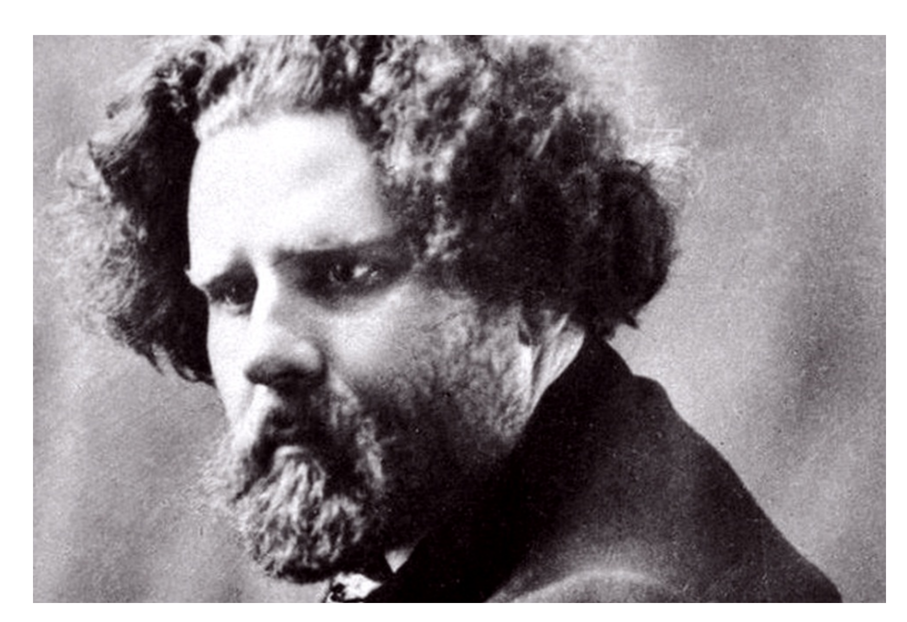
Гимназист Максимилиан Волошин. Таганрог. 1886–1887 гг.

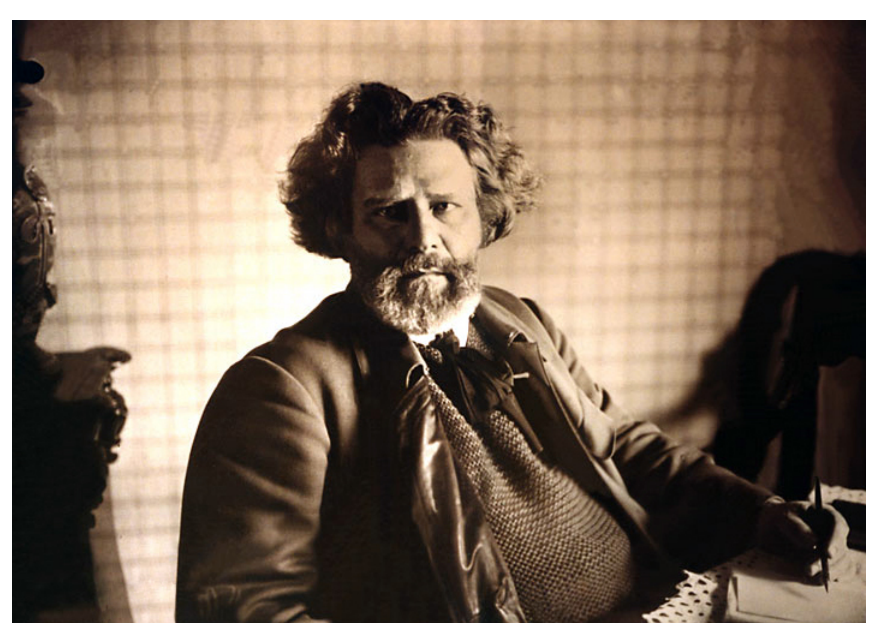
Максимилиан Волошин. Феодосия. 1896 г.

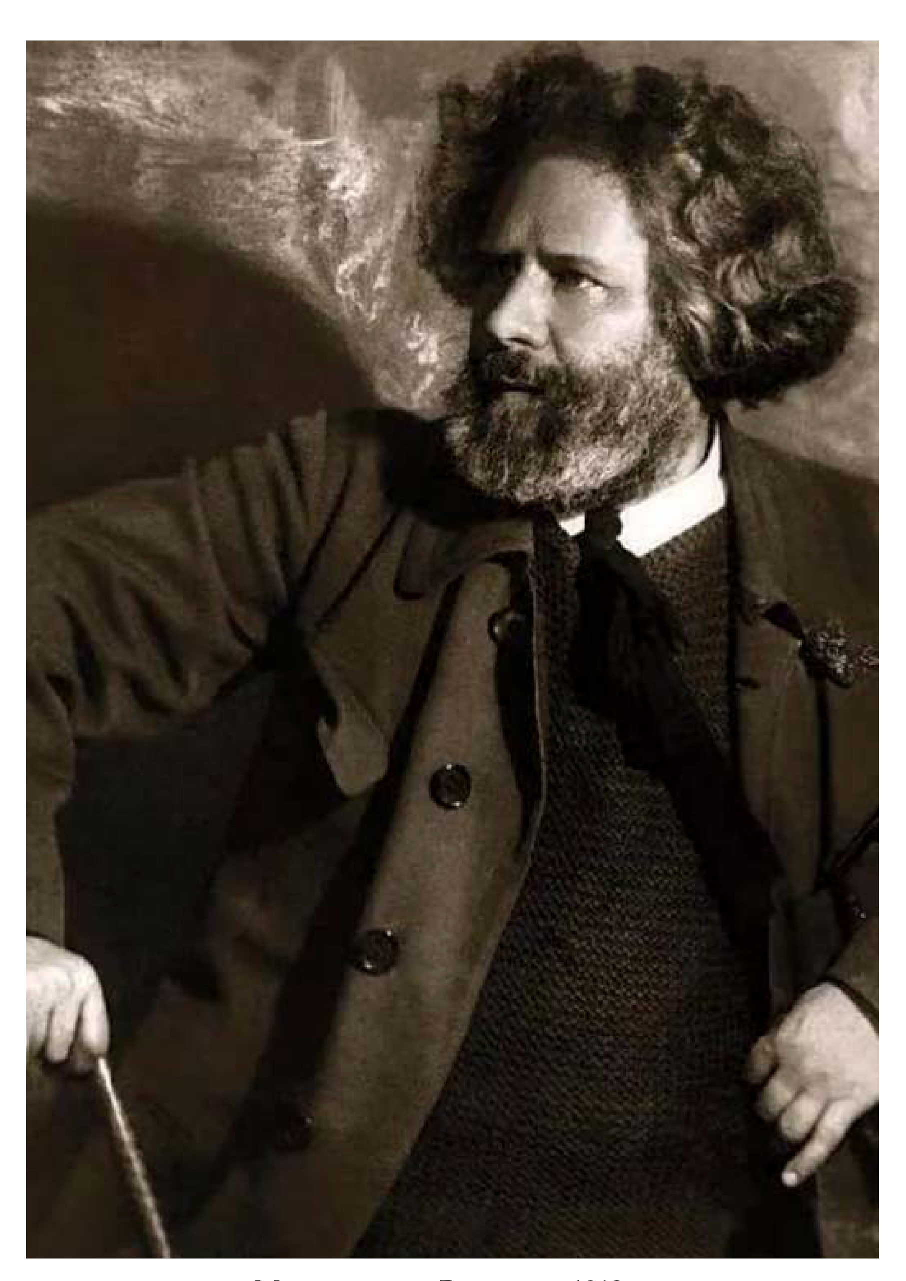
Максимилиан Волошин

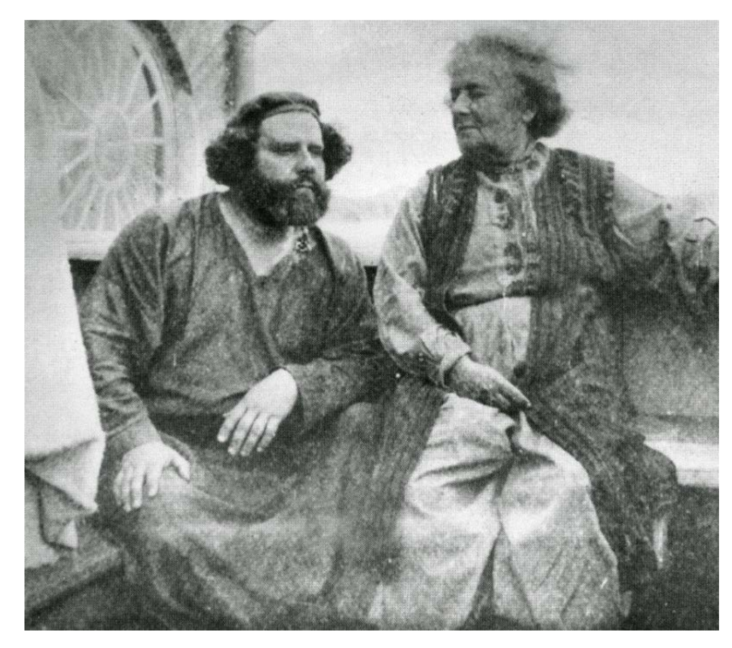
Максимилиан Волошин. 1911 г.

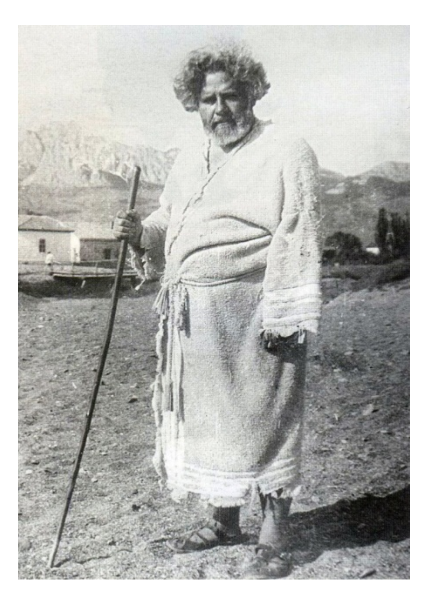
Максимилиан Волошин. Харьков. 1925 г.

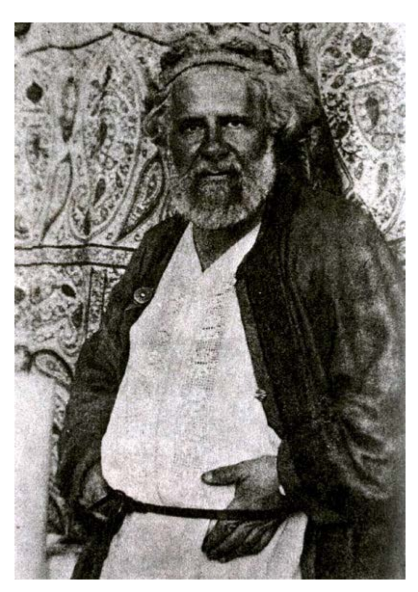
Максимилиан Волошин. 1913 г.

М. А. Волошин и Е. О. Кириенко-Волошина.
Коктебель. 1920 г.

М. Волошин. Коктебель. 1926 г.

М. Волошин. 1932 г.

Оглавление

Дневник 1891 г. 3

<Дневник 1891–1892> 41

<1892> 55

<Дневник 1892> 56

Дневник М. Волошина. 1893 год 66

<1897> 109

<Дневник 1900> 122

<Дневник 1901> 142

<1903> 162

<1913> 166

<1914. Дорнах> 167

<«Материалы вскрытия»> 178

<Дневниковые записи. 1931> 192

<Дневник. 1931> 193

<1932> 204

<Дневниковые записи 1932, выделенные из воспоминаний> 206

Иллюстрации 214

Волошин Максимилиан Александрович

Дневники 1891–1932 гг.

12+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *М. Трунов*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел./факс: +7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Наши проекты

www.biblioclub.ru – Университетская библиотека онлайн, электронная библиотека для вузов и ссузов

www.lib.biblioclub.ru – Библиотека NON-FICTION, онлайн-библиотека научной и познавательной литературы

www.art.biblioclub.ru – Арт-портал «Мировая художественная культура» и Арт-библиотека, интерактивная галерея произведений мирового искусства

www.biblioschool.ru – «Библиошкола» и «Читающая школа», онлайн-библиотека школьной образовательной литературы и книг для внеклассного чтения

www.read-analytic.ru — «Аналитик чтения», программа для оценки сложности текстов и читательских компетенций учащихся

www.new-gi.ru — «Новое поколение», интеллектуальный центр дистанционных технологий

www.english-direct.ru — Ресурсный центр изучения иностранных языков и курсы иностранного языка онлайн

www.enc.biblioclub.ru — «Энциклопедиум», сайт классических, академических и авторских энциклопедий и онлайн-справочников

www.directacademia.ru — «Директ-Академия», учебно-методический центр обучения цифровым технологиям в образовании

www.lms.biblioclub.ru — Центр профессионального онлайн-обучения «Электронные курсы». Платформа дистанционного обучения

